

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ® УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

19
2017
Часть III

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 19 (153) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 31.05.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Сергей Сергеевич Четвериков* (1880—1959 гг.), выдающийся советский биолог, основоположник эволюционной и популяционной генетики, связавший учение о наследственности с теорией эволюции Дарвина.

Четвериков родился в семье фабриканта-промышленника в Москве. Отец видел сына своим преемником в деле управления семейным предприятием — сукновальной фабрикой. Поэтому когда осенью 1897 года сын написал ему из Германии, куда батюшка направил его обучаться техническим наукам, что твердо решил стать профессором зоологии, фабрикант немало огорчился и отозвал сына обратно в Москву, однако разрешил поступать в Московский государственный университет, который Четвериков окончил в 1906 году.

Свое решение стать зоологом он реализовал. За годы обучения в университете Четвериков участвовал во многих экспедициях от Кольского полуострова до Средней Азии, открыл и описал несколько видов бабочек, изрядно пополнив свою выдающуюся коллекцию, которую начал собирать еще в детстве.

После окончания учебы он читал курсы и лекции по генетике, энтомологии, биометрии. Четвериков основал первую в России лабораторию генетики в Институте экспериментальной биологии.

В 1929 году Сергей Сергеевич был арестован по доносу и сослан в Свердловск. После нескольких лет ссылки

он перебрался во Владимир, а потом в Горький, где благодаря усилиям своих учеников занял пост заведующего кафедрой генетики и селекции. Долгие годы он трудился над адаптацией дубового шелкопряда к суровым северным условиям и вывел устойчивую породу, которая использовалась при производстве чесучи и парашютного шелка. В 1948 году после разгромной сессии ВАСХНИЛ он вместе с тремя сотнями других генетиков был уволен.

Уже много позже, после крушения «лысенковщины», за эту работу Четвериков был награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Основополагающая статья его фундаментального труда «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики» легла в основу новой дисциплины — генетики популяций. В этой статье Четвериков показал совместимость принципов генетики с теорией естественного отбора, заложил основы эволюционной генетики.

В 1959 году, перед самой кончиной, за вклад в развитие и укрепление эволюционного учения и генетики Сергей Сергеевич Четвериков был награжден почетной медалью «Планкетта Дарвина» (награждение проводила академия естественных наук «Леопольдина» в Германии). Эта медаль — гордость советской биологии.

*Екатерина Осянина,
ответственный редактор*

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Абдуллаев С. Ш.

Развитие научных представлений о предмете доказывания в уголовном судопроизводстве 179

Аманмухаммедова Д. Т., Нурсахатова Д. Н.

Сравнительный анализ законодательства в отношении умышленного причинения вреда здоровью..... 182

Астахова В. К.

Запрещение принудительного труда как принцип трудового права..... 184

Васин С. Ю.

Международное регулирование борьбы с фальшивомонетничеством. Сравнительный анализ норм уголовного преследования за изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг..... 187

Васин С. Ю.

Некоторые проблемы квалификации преступлений за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг..... 189

Гайсин А. А.

Проблемы злоупотребления правом в обязательственных правоотношениях с участием предпринимателей..... 191

Голубков А. М.

К вопросу о разграничении нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств от смежных и иных составов преступлений 194

Голубков А. М.

К вопросу об уголовной ответственности лиц при обоюдном нарушении правил дорожного движения..... 196

Исаков И. А., Наруцкая Н. В.

Понятие и принципы правосудия..... 198

Касимова З. С.

Сотрудничество государств в борьбе с преступностью 200

Кичикова А. Б.

К вопросу об определении понятия «эффективность использования государственных средств» в нормативных актах Российской Федерации 202

Колесникова К. О.

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по реализации принципа свободы договора в предпринимательской деятельности..... 207

Копытова М. В.

Ретроспективный анализ мошенничества 209

Махова Д. С., Наруцкая Н. В.

Специалист по судебному администрированию: истоки и становление службы 212

Моисеев А. Н.

Общее собрание акционеров в Российской Империи XIX века..... 214

Москвитина А. О.

Способы защиты исключительного права на товарный знак 216

Набиев С. Ф.

Об актуальности исследования основных направлений совершенствования раскрытия и расследования квартирных краж 218

Погодаева А. С.

Выявление уровня пенсионной грамотности молодёжи города Красноярск..... 220

Погонышева С. Д.

Обязанность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей 223

Саенко Е. В.

Проблемы оценки доказательств по уголовному делу 226

Салыкина Д. А.

Причины возникновения экстремизма. Его признаки и профилактика 230

Санакулов А.

Духовность — основа информационной безопасности..... 231

Селиванова А. Ю.

Предмет хищения: исторический аспект 234

Сидоров Е. С.Решения Конституционного суда как источник
налогового права ..... 236**Симонян А. Г.**Актуальные проблемы расторжения трудового
договора и направления их решения..... 238**Скобина Е. А., Глухов А. А.**Социально-демографическая характеристика
рецидивистов, совершивших преступления
на территории Забайкальского края..... 240**Смагина А. А., Наруцкая Н. В.**

Функции судебной власти..... 246

Фефелова Е. И.Условия возникновения обязательств
вследствие причинения вреда с участием
несовершеннолетних граждан..... 248**Чубоева О. К.**

Правовая культура населения 250

Ширинова Ф. Н.Институт выдачи в международном уголовном
праве..... 253

ИСТОРИЯ

Аракелов С. Р.Деятельность крупнейших библиотек системы
высшего образования Узбекистана:
исторический аспект (1918–1960)..... 256**Шарипов А. Р., Нитаев Я. В., Анфалов Е. В.**Эволюция структуры и организации военной
авиации в межвоенный период ..... 258**Ширковец Т. Ю.**Культурная жизнь жителей уездных городов
Енисейской губернии
в конце XIX — начале XX в.....261

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Развитие научных представлений о предмете доказывания в уголовном судопроизводстве

Абдуллаев Сталинбек Шахмерданович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проанализированы основные этапы развития научных представлений о предмете доказывания в уголовном судопроизводстве. Доктринальные разработки рассмотрены в контексте особенностей законодательной регламентации предмета доказывания в уголовно-процессуальном законе.

Ключевые слова: предмет доказывания, уголовное судопроизводство, объект познания

Рассуждения о предмете доказывания, без упоминания самого термина, можно найти у И. Я. Фойницкого, который, опираясь на Устав уголовного судопроизводства 1864 г., пишет о необходимости исследования события преступления, сведений о личности подсудимого, обстоятельств, уличающих и оправдывающих обвиняемого, устанавливающих возможность или невозможность подвергнуть обвиняемого уголовной ответственности [11; С. 238]. С. И. Викторский также отмечал, что для познания предмета доказывания важно познать его элементы, совокупность которых предопределяет то, что называется в итоге доказательствами [3; С. 53].

Таким образом, в дореволюционной России понятие предмета доказывания в науке отсутствовало, в научных трудах той поры можно найти лишь перечисление обстоятельств уголовного дела, которые необходимо исследовать. Представляется, что указанное положение являлось следствием особенностей законодательной регламентации данного института. Так, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. используется термин «предмет обвинения», в котором выделялись главный и частные вопросы. Главный вопрос — вопрос о виновности подсудимого в преступном деянии — включал в себя следующее: совершено и событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину (ст. 754 Устава уголовного судопроизводства). К частным вопросам были отнесены вопросы об обстоятельствах, которые особо увеличивают или уменьшают степень виновности (ст. 755 Устава уголовного судопроизводства). Представляется, что в дальнейшем указанные положения были развиты в концепции главного и дополнительных (промежуточных) фактов.

В УПК РСФСР 1923 г. также отсутствовала специальная норма, посвященная предмету доказывания, что, однако, компенсировалось закреплением в ст. 320 перечня

вопросов, которые суд должен был разрешить в приговоре: имело ли место деяние, приписываемое подсудимому; содержит ли в себе это деяние состав преступления; совершил ли означенное деяние подсудимый; подлежит ли подсудимый наказанию за учиненное им деяние и др. М. А. Чельцов поэтому определял предмет доказывания, как «...круг тех вопросов, которые должны быть разъяснены в ходе судебного исследования» [12; С. 147].

Впервые обстоятельства, подлежащие доказыванию, нашли свое четкое нормативное закрепление в ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., согласно которой при производстве предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежали доказыванию:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность обвиняемого в совершении преступления;
- 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого;
- 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Указанная норма практически без изменений была перенесена в ст. 68 УПК РСФСР 1960 г., за исключением того, что к предмету доказывания были добавлены: иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

В 60-е гг. XX в. в советской уголовно-процессуальной науке сложилась дискуссия по поводу того, что считать предметом доказывания: соответствующие факты, фактические обстоятельства, и факты и обстоятельства дела. Причем отмечалась не идентичность этих положений [13; С. 604]. По мнению Ф. Н. Фаткуллина, «...при научном определении предмета процессуального доказывания следует иметь в виду и соответствующие факты,

и связанные с ними обстоятельства, имеющие значение по делу... под фактами или обстоятельствами подразумеваются любые явления внешнего мира, имеющие значение для успешного выполнения задач судопроизводства» [10; С. 50]. Сходного мнения придерживался И. М. Лузгин, который полагал, что «...при исследовании предмета процессуального доказывания необходимо исходить из того, что этим понятием охватываются все обстоятельства и факты, познание и удостоверение которых требуется для достижения объективной истины по делу» [6; С. 9].

М. С. Строгович считал, что нет принципиальной разницы между понятиями «факт» и «обстоятельство». Причём сами доказательства есть фактические данные, т. е. факты, обстоятельства, существующие вне нас и независимо от нас. При такой позиции, когда и доказательства, и обстоятельства по уголовному делу трактуются одинаково, отсутствует разница между предметом доказывания (предметом познания) — обстоятельством и средством доказывания — доказательством [13; С. 605].

В дальнейшем в науке предпринимались продуктивные попытки исследователей углубить понятие предмета доказывания, построив его на базе философских представлений об объекте и предмете познания. При этом если под объектом познания в гносеологии понимается часть объективной действительности, на которую направлена познавательная деятельность человека, то предмет познания призван вычленить в объекте те его свойства и состояния, которые, с учетом познавательной потребности субъекта, составляют цель этой деятельности [1; С. 136]. Поэтому нередко «предмет доказывания», «предмет познания», «объект познания», «предмет исследования» и т. д. отождествлялись [13; С. 605]. Так, например, А. А. Давлетов предмет доказывания рассматривает в качестве предмета уголовно-процессуального познания, как систему юридических свойств, исследуемых по уголовному делу [4; С. 127]. По справедливому утверждению Ф. Н. Фаткуллина, любое обстоятельство (факт), подлежащее познанию в уголовном судопроизводстве, входит в предмет доказывания по делу и, наоборот, всякое обстоятельство (факт), относящееся к предмету процессуального доказывания, должно быть познано и удостоверено органами следствия и суда в предусмотренном законом порядке. Это вполне понятно, так как с гносеологической точки зрения доказывание есть разновидность опосредствованного познания и не может иметь предмет, отличный от предмета такого познания [10; С. 47–48].

Однако, с другой стороны, при некотором усилении акцента на субъективный момент получается, что предмет доказывания — это не совокупность объективно существующих обстоятельств деяния, а нечто существующее в сфере сознания [1; С. 138]. Поэтому, как отметил С. А. Шейфер, лишь в самом общем виде предмет доказывания следует трактовать как своеобразную программу доказательственной деятельности субъекта доказывания, в ходе которой отсекается все, что лежит за пределами цели уголовно-процессуального познания [14; С. 75].

В итоге в науке уголовного процесса закономерно поднимался вопрос об изучении юридического выражения философского понятия «предмет познания» и постепенно уделялось большее внимание лишь тем обстоятельствам, которые служат основанием для применения в конкретном случае норм материального и процессуального права в целях разрешения уголовного дела и реализации задач судопроизводства [13; С. 606]. Таким образом, стали изучаться только обстоятельства, имеющие правовое значение.

С другой стороны, можно ли ограничивать предмет доказывания теми материально-правовыми обстоятельствами, общий перечень которых дан в ст. 73 УПК РФ (и в предыдущих уголовно-процессуальных законах)?

Одним из мнений было, что в предмет доказывания нельзя включать ряд доказательственных фактов, как имеющих лишь «подсобный» характер. Другие авторы считали обозначенную позицию ошибочной, т. к., по их мнению, любой факт, имеющий значение по делу, должен быть доказан, т. е. установлен достоверно, в соответствии с объективной действительностью. Ф. Н. Фаткуллин справедливо отметил, что «...вся разница здесь заключается в том, что одни факты представляют собой непосредственно те обстоятельства, которые имеют прямое правовое значение. Их принципиальная схема, перечень могут определяться заранее, и потому об этих обстоятельствах (фактах) говорится в самом законе, а остальные же факты таким свойством не обладают (по отношению к этим обстоятельствам дела являются побочными)» [10; С. 51]. А. А. Давлетов, следом за ним и С. А. Шейфер, полагают, что предмет доказывания должен содержать не одни факты, которые составляют окончательный итог доказывания, но и текущие факты, при помощи которых определяются первые [14; С. 78].

Достаточно интересное мнение В. А. Лазаревой, которая говорит, что «...специфичность текущих фактов заключается в том, что они: 1) не имеют и не должны иметь закрепления в нормах права, так как 2) не выступают ни общими, ни тождественными для любых уголовных дел, а 3) индивидуальны относительно каждого определенного преступления» [5; С. 129].

Как верно утверждает И. Б. Михайловская, предмет доказывания определен законом в общем виде, и может применяться к любым преступлениям. С целью конкретизации обстоятельств, подлежащих установлению по определенному уголовному делу, нужно обратиться к уголовному закону. Определенно правила уголовного закона обозначают юридически важные признаки деяния, служащие установкой для обозначения предмета доказывания в рамках определенного уголовного дела [7; С. 43].

Следовательно, предмет доказывания включает все указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства, которые подлежат доказыванию по уголовному делу. Но данный список обстоятельств не исчерпывающий. Существуют другие обстоятельства, которые прямо не указываются законодателем, но подлежат доказыванию в определенных случаях, такие как:

- 1) причины, по которым деяние не окончено, и уровень осуществления преступных намерений;
- 2) обстоятельства, которые дают основание для вынесения оправдательного приговора, и для прекращения дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям;
- 3) обстоятельства, которые характеризуют личность и действия потерпевшего;
- 4) обстоятельства, которые необходимы для вынесения текущих процессуальных решений (например, о задержании подозреваемого, об избрании меры пресечения, о приостановлении дела и т. д.);
- 5) обстоятельства, уведомление о которых важно для осуществления прав участвующих в деле лиц (таких как, заболевание, которое лишает лицо возможности самостоятельно осуществлять свою защиту, факт незнания языка судопроизводства и т. п.);
- 6) обстоятельства, определение которых обязательно для того что бы собрать, проверить и оценить другие доказательства (например, обстоятельства, которые характеризуют взаимоотношения свидетеля с иными участниками процесса, которые удостоверяют компетенцию эксперта, которые объясняют противоречия в показаниях и т. п.);
- 7) причинность преступлений, а именно, причины появления у лица антисоциальных взглядов и привычек, формирования умысла на совершение деяния [9; С. 116–117].

В уголовно-процессуальной науке также предпринимались неоднократные попытки раскрытия структуры предмета доказывания по уголовному делу, систематизации обстоятельств, которые необходимо устанавливать в рамках рассмотрения уголовного дела.

Ф. Н. Фаткуллин определял три группы обозначенных обстоятельств. В первой группе необходимо объединить факты и обстоятельства, которые находятся в пределах конструктивных признаков конкретного состава преступления. Общим для данных обстоятельств является то, что при выяснении вопроса о наличии или отсутствии конкретного состава преступления все они обладают непосредственным уголовно-правовым значением. К таким относятся:

- 1) противоправное и общественно опасное деяние, уровень осуществления, время, место, способ и другие условия совершения;
- 2) факт совершения деяния или участие в нем конкретных лиц, достижение ими возраста уголовной ответственности;
- 3) обстоятельства наличия или отсутствия вины данных лиц в учинении деяния, форма их вины, мотив и цель;
- 4) негативные последствия совершенного, их характер, объем и причинная связь с деяниями виновных;
- 5) отягчающие и смягчающие вину обстоятельства, в том числе те, которые характеризуют личность правонарушителей, когда они раскрываются в ка-

честве конструктивных признаков состава преступления [10; С. 56–57].

Вторую группу составляют обстоятельства, имеющие иное юридическое значение по делу. Общее для них заключается в том, что все они хотя и находятся за рамками состава преступления, но тем не менее обладают такими юридически значимыми свойствами, которые непосредственно влияют на решение вопроса о наличии необходимых предпосылок для ведения судопроизводства, об уголовной ответственности и наказании виновного, о взыскании с него причиненного материального ущерба, о мерах профилактического порядка и т. д. [10; С. 57–58].

Третью группу составляют обстоятельства, установление которых имеет доказательственное значение по делу. Эти обстоятельства бывают весьма разнообразны. В одних случаях доказательственное значение имеет нахождение на месте происшествия документа, следов или вещей определенного лица, в других — принадлежность данному лицу орудия совершения преступления, в третьих — обнаружение в хозяйстве подозреваемого или обвиняемого предмета со следами содеянного, в четвертых — факт неприязни между ним и потерпевшим и т. п. Тем не менее все они, будучи выявленными (установленными) по делу, приобретают одинаковую природу — становятся доказательственными фактами, необходимыми для выяснения юридически значимых обстоятельств в уголовном или гражданском судопроизводстве [10; С. 58–59].

В настоящий момент тема предмета доказывания продолжает оставаться дискуссионной. Встречаются мнения о необходимости отказа от нормативного определения предмета доказывания, т. к. такие обстоятельства не могут быть одинаковыми у всех категорий уголовных дел [2; С. 64–65].

Можно прийти к *выводу*, что в науке предмет доказывания рассматривается как многоаспектное, многоуровневое процессуальное понятие. На современном этапе доминирует представление о предмете доказывания, как совокупности обстоятельств, установление наличия или отсутствия которых происходит в результате деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств по конкретному уголовному делу [8; С. 91].

В теории доказательств, по-прежнему, спорным остается вопрос о том, входят ли в предмет доказывания наряду с обстоятельствами, характеризующими событие как преступление, совершенное определенным лицом, также и промежуточные (доказательственные) факты, на основе которых строится умозаключение о существовании этих обстоятельств. На мой взгляд, несмотря на то, что конечной целью доказывания является установление фактов, имеющих правовое значение, нет сомнения в том, что и промежуточные факты должны быть доказаны. На это указано, в частности в ч. 2 ст. 73 УПК РФ, согласно которой подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. В итоге предметом доказывания должно признаваться все факты и обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Полагаю, что представленные в настоящей главе рассуждения значимы для дальнейшего исследования и, в свою очередь, отражают многоаспектность явления предмета доказывания.

Литература:

1. Александров Р. А., Кондрат И. Н., Ретунская Т. П. Предмет и пределы доказывания // Мир политики и социологии. 2012. № 9.
2. Алимйрзаев А. А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения: дисс. ... канд. юрид. наук. — Махачкала, 2014.
3. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Изд. 2-е испр. и доп. — М., 1912.
4. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Монография. 2-е изд., испр. и доп. — Свердловск, 1997.
5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процесс: учеб.-практ. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
6. Лузгин И. М. Расследование как процесс познания: автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук. М., 1968.
7. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008.
8. Руденко А. В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы: дисс. ... д-ра. юрид. наук. — Краснодар, 2011.
9. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. — М., 2005.
10. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е доп. изд-е. — Казань, 1976.
11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2.
12. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
13. Шаров Д. В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48).
14. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С. А. Шейфер. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2014.

Сравнительный анализ законодательства в отношении умышленного причинения вреда здоровью

Аманмухаммедова Дуньегозель Тагановна, преподаватель;
Нурсахатова Дженнет Нургельдиевна, преподаватель
Туркменский государственный университет имени Махтумкули (г. Ашгабат)

Статья посвящена вопросам обеспечения уголовно-правовой охраны здоровья. Авторы проводят сравнительный уголовно-правовой анализ правовых норм Туркменистана и некоторых стран, законодательство которых предусматривает уголовную ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Ключевые слова: здоровье, умышленное причинение вреда здоровью

Comparative analysis for intentional causing of grievous harm to health

The article is devoted to the issues of guaranteeing penal legal protection of health. The author makes comparative criminal law analysis of the legal norms of Turkmenistan and some states, which contains criminal liability for intentional causing of grievous bodily harm.

Здоровье граждан охраняется различными способами: политическими, экономическими, правовыми, социальными, культурными. Среди них правовая охрана здоровья занимает особое место. Свидетельством тому является Закон Туркменистана «Об охране здоровья граждан» от 23 мая 2015 года. Этот Закон регулирует обществен-

ные отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан.

Одним из правовых методов охраны здоровья является уголовно-правовая защита здоровья. Это значит, что за умышленное причинение вреда здоровью человека или по неосторожности предусматривается уголовная от-

ветственность согласно Уголовному кодексу Туркменистана (УКТ). В Уголовном кодексе Туркменистана закреплено несколько статей, направленных на охрану здоровья человека. Это статья 107 УКТ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 108 (умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести) и другие.

В Уголовном кодексе Туркменистана по степени тяжести причиненный вред делится на четыре группы: тяжкие, средней тяжести, легкие и повреждения, не образующие легкую степень (образование кровоподтеков, царапины и т. д.), и для каждой из них предусматривается отдельная правовая норма, определяющая уголовную ответственность. Но в Уголовных кодексах некоторых стран причиненный вред здоровью не делится на группы, и для него предусматривается одна уголовная ответственность. Например, глава 27 Уголовного кодекса Японии называется «Преступления, состоящие в причинении телесных повреждений» и состоит из 6 статей. Из них только две статьи (204 и 205) предусматривают уголовную ответственность за телесные повреждения и одна (статья 208) — за применение насилия без нанесения телесных повреждений.

Одно из тяжких телесных повреждений, указанных в части 1 статьи 107 Уголовного кодекса Туркменистана, неизгладимое обезображивание лица. В Уголовных кодексах некоторых стран это понятие используется в более широком значении. Например, в статье 151 Уголовного кодекса Молдовы (умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или причинение иного тяжкого вреда здоровью) тяжким телесным повреждением считается не только неизгладимое обезображивание лица, но и прилегающих к нему областей. А в диспозиции части 1 статьи 104 Уголовного кодекса Республики Узбекистан это понятие описывается как «неизгладимое обезображивание тела».

В Туркменистане степень тяжести повреждений (средней тяжести, легкая и др.) определена в специальном Положении, только некоторые из них перечислены в соответствующих нормах. В Уголовных кодексах некоторых стран перечень тяжких телесных повреждений (средней тяжести, легких и др.) или некоторые их разновидности не даются отдельно, диспозиция этих правовых норм дана очень кратко. Например, диспозиция статьи 204 Уголовного кодекса Японии (нанесение телесных повреждений) описывается так: «лицо, повредившее тело другого человека». Таким образом, все виды тяжести повреждений (тяжкая, средней тяжести, легкая и др.) классифицируются согласно этим степеням. А статья 205 Уголовного кодекса Японии, которая называется «убийство, причиненное путем телесного повреждения», совпадает с деянием, указанным в части 3 статьи 107 Уголовного кодекса

Туркменистана (деяния, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего).

Среди отягчающих обстоятельств статьи 107 Уголовного кодекса Туркменистана не предусматривается ответственность за совершение преступления с целью трансплантации. В статье 151 Уголовного кодекса Молдовы предусматривается уголовная ответственность за тяжкие телесные повреждения или причинение другого тяжкого вреда здоровью, здесь в качестве отягчающего обстоятельства рассматривается «с целью изъятия и (или) использования либо продажи органов или тканей потерпевшего». В части 2 статьи 104 Уголовного кодекса Республики Узбекистан «с целью получения трансплантата» предусматривается в качестве отягчающего обстоятельства.

Увеличение возможностей трансплантации человеческих органов и тканей выявило необходимость правового урегулирования этого вопроса. По этой причине 29 августа 2013 года был принят Закон Туркменистана «О трансплантации человеческих органов и (или) тканей». Хотя на сегодняшний день в Уголовном кодексе Туркменистана нет отдельной статьи о трансплантации, она предусматривается в двух статьях (статья 126 Уголовного кодекса Туркменистана — похищение человека, статья 1291 — торговля людьми) и формулируется следующим образом: «совершенное в целях изъятия у похищенного органов или тканей для трансплантации».

В жизни встречаются случаи причинения тяжких телесных повреждений из корыстных побуждений, например, преступник из корыстных побуждений наносит тяжкие увечья пострадавшему и отбирает его имущество или деньги. Это обстоятельство в Уголовных кодексах некоторых стран в нормах, предусматривающих умышленное причинение вреда здоровью, носит формулировку «из корыстных побуждений». Например, в части 2 статьи 104 Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Пункт «в» части 4 статьи 231 Уголовного кодекса Туркменистана определяет ответственность за разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Данный пункт включает в себя причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего в корыстных целях и позволяет обойтись без отдельной статьи.

В результате анализа пришли к выводу о необходимости внесения изменений в статью 107 Уголовного кодекса Туркменистана. В частности, во-первых, внести в часть 2 статьи 107 Уголовного кодекса Туркменистана в качестве отягчающего обстоятельства формулировку «в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации»; во-вторых, расширить понятие «неизгладимое обезображивание лица» на «неизгладимое обезображивание лица и шеи».

Литература:

1. Уголовный кодекс Туркменистана. Ашгабат. 2014.
2. Закон Туркменистана «О трансплантации человеческих органов и (или) тканей». Ашгабат, 2013.

3. Закон Туркменистана «Об охране здоровья граждан». Ашгабат, 2015.
4. Türkmenistanyň ten şikesleriniň agyrylyk derejesini kesgitlemek boýunça Düzgünnamasy. Aşgabat, 1998.
5. Уголовный кодекс Республики Молдова. Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс, 2002.
6. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 1994.
7. Уголовный кодекс Японии. Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс, 2002.

Запрещение принудительного труда как принцип трудового права

Астахова Вероника Константиновна, студент

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования запрещения принудительного труда, который рассматривается как принцип трудового права. Автор предлагает ввести в действующее трудовое законодательство изменений, которые позволят сохранить место работы за лицом, проходящим военную службу по призыву.

Ключевые слова: принудительный труд, запрет, принцип трудового права, военная служба, призыв, сохранение места работы

Prohibition of forced labor as a principle of labor law

Astakhova Veronika Konstantinovna, student

North Caucasus branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar)

The article deals with the legal regulation of the prohibition of forced labor, which is regarded as the principle of labor law. The author proposes to introduce changes in the current labor legislation that will allow to keep the place of work for the person passing military service on conscription.

Keywords: forced labor, prohibition, the principle of labor law, military service, draft, preservation of the place of work

Труд в наше время — это великое право и великая обязанность.

Виктор Гюго

Конституция РФ 1993 г. провозглашает право на свободный труд, то есть на труд, который каждый гражданин свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности, а также запрещает принудительный труд и дискриминацию в сфере труда (ст. 37 КРФ). Понятие принудительного труда, определяет ст. 4 ТК РФ. Ее положения основаны на положениях Конституции РФ и международных актов, ратифицированных РФ (бывшим СССР) [1].

ТК РФ (ч. 2 ст. 4) определяет, что принудительный труд — это выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия). Формы принудительного труда названы в положениях Конвенции № 105. Трудовым же кодексом международные нормы были расширены. Так, в ч. 3 ст. 4 ТК РФ к принудительному труду отнесены случаи выполнения трудовых обязанностей в условиях невыплаты заработка или выплаты его не в полном размере, а также когда работник не обеспечен средствами коллективной или индивидуальной защиты,

либо, когда работа угрожает жизни или здоровью. Кроме этого, данной статьей к принудительному труду отнесены любые случаи, когда работник имеет право в соответствии с ТК РФ отказаться от выполняемой работы [8, с. 89–95].

Принцип запрещения принудительного труда тесно связан с принципом свободы труда. По мнению Л. Ю. Бугрова, процесс индивидуальной свободы труда в юридическом аспекте немыслим без отказа от принудительного и обязательного труда, развития добровольности труда, как посредством роста социальной значимости внедоговорных добровольных его форм, так и через расширение сферы действия договоров о труде, усиления защищенности трудящихся в процессе труда [7, с. 79].

В СССР устанавливалось принуждение к труду. Например, административное принуждение к труду устанавливалось Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. [3]. В нем указывалось, что в городе и деревне есть еще отдельные лица, которые, являясь трудоспособными, упорно не желают честно трудиться, ведут антиобщественный паразитический образ жизни. Указ

определял, что совершеннолетние трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность — честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда и ведущие антиобщественный паразитический образ жизни, привлекаются по решению исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся к общественно полезному труду на предприятиях (стройках), расположенных в районе их постоянного места жительства или других местностях в пределах данной области, края, автономной республики. граждане, не желающие работать, могли быть подвергнуты не только административному, но и уголовному наказанию.

В настоящее время проблема защиты прав человека вышла за пределы отдельного государства, стала насущной необходимостью в создании универсальных международных правовых стандартов, определяющих основные права человека [5, с. 7].

Международными усилиями создан свод международных социальных стандартов в сфере труда и социального обеспечения. Содержание этих стандартов представляет собой концентрированное выражение опыта многих стран [6, с. 43].

Классическим определением понятия «принудительный труд» можно считать текст п. 1 ст. 2 Конвенции 29 МОТ о принудительном или обязательном труде 1930 г.: термин «принудительный или обязательный труд» означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг. Поскольку целью данной Конвенции является отмена принудительного или обязательного труда во всех формах (п. 1 ст. 1), то эту формулировку можно считать универсальной. Но следует заметить, что согласно п. 2 ст. 2 этого документа из приведенного стандарта и ст. 4 ТК РФ сделаны исключения, в которых может применяться принудительный или обязательный труд в течение переходного периода исключительно для общественных целей (п. 2 ст. 1 Конвенции). Их четыре, то есть, принудительный труд не включает в себя:

работу, выполнение которой обусловлено законодательством о воинской обязанности и военной службе или заменяющей ее альтернативной гражданской службе;

работу, выполнение которой обусловлено введением чрезвычайного или военного положения в порядке, установленном федеральными конституционными законами;

работу, выполняемую в условиях чрезвычайных обстоятельств, то есть в случае бедствия или угрозы бедствия (пожары, наводнения, голод, землетрясения, эпидемии или эпизоотии) и в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части;

работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров.

Все эти виды деятельности носят принудительный или обязательный характер, но они не считаются принудительным или обязательным трудом «только для целей настоящей Конвенции». То есть такой принудительный труд не следует запрещать, потому что он считается «законно принудительным», в отличие от любого другого принудительного труда, который нельзя считать нормальным явлением в демократическом обществе и который запрещается использовать [8, с. 89–95].

Таким образом, принцип запрещения принудительного труда является одним из основополагающих принципов трудового права, носящим межотраслевой характер, так как связан с правами человека и гражданина.

Свои особенности имеет работа, выполнение которой обусловлено законодательством о воинской обязанности и военной службе или заменяющей ее альтернативной гражданской службе.

Согласно ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2], а также ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. все виды военной службы и службы, назначенной вместо обязательной военной службы, не являются принудительным трудом.

В соответствии со ст. 59 Конституции РФ, защита Отечества является долгом каждого гражданина РФ. Ежегодно под призыв попадают тысячи военнообязанных граждан Российской Федерации, среди них тысячи работников. В настоящее время на территории России начинается весенний призыв на военную службу. Он проходит в период с 1 апреля по 15 июля 2017 г.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30.03.2017 № 135 [4], на военную службу будет призвано около 142 000 человек сроком на один год.

На данный момент, призыв на поступление как на военную, так и на альтернативную гражданскую службу, бесспорно, является основанием для прекращения трудового договора. Норма статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации включает в себя обстоятельство прекращения трудового договора — призыв работника на военную службу или направление его на заменяющую ее альтернативную гражданскую службу.

Призыв граждан на военную службу осуществляется на основании указов Президента РФ. Юридическим актом, лежащим в основе прекращения трудового договора по п. 1 ст. 83 ТК РФ, является решение военного комиссариата о призыве на военную или альтернативную гражданскую службу. Данная идея на сегодняшний день является достаточно актуальной, так как работники в силу ст. 83 ТК РФ, попадающие под призыв, исполняя свой долг перед Отечеством, претерпевают некие сложности и проблемы, выражающиеся в том, что они теряют свою работу, свое рабочее место.

На наш взгляд, следует внести изменения в действующее законодательство, в основе которого будет стоять идея обеспечения и защиты социальных прав работников, подлежащих призыву в Вооруженные силы Российской Фе-

дерации в части сохранения за работником — призывником места работы (должности) на период службы в армии по призыву. В данной связи, следует, на наш взгляд, внести изменения в ст. 83 ТК РФ, убрав п.1 данной статьи, согласно которой, основанием для расторжения трудового договора является «призыв работника» на военную службу или направление его на заменяющую ее альтернативную гражданскую службу.

Подтверждением актуальности этой идеи может служить социальный опрос, проведенный автором в г. Краснодаре среди студентов 2–4 курсов дневного отделения юридического факультета СКФ РГУП*. Установлено по результатам

опроса, что у 45 % респондентов заключен трудовой договор с работодателем, при этом работают на 3–4 курсах 60 % студентов, из них — ¼ опрошенных работают по специальности. На вопрос, как бы они отнеслись к данному изменению в законодательстве, — 90 % студентов дали положительный ответ. В случае сохранения рабочего места на период службы, как бы это сказалось на готовности служить в рядах вооруженных сил РФ, 87 % опрошенных дали положительный ответ, 10 % — отрицательный ответ и 3 % воздержались от ответа.

Таким образом, сохранение места работы за лицами, проходящими военную службу по призыву, будет способствовать улучшению их социального положения на период выполнения долга перед страной.

* Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

Литература:

1. О защите прав человека и основных свобод: Конвенция МОТ от 04.11.1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163; Об упразднении принудительного труда: Конвенция МОТ № 105 от 25.06.1957 г. // СЗ РФ. 2001. № 50. Ст. 4649; Относительно принудительного или обязательного труда: Конвенция МОТ № 29 от 28.06.1930 г. // Ведомости ВС СССР. 1956 г. № 13. Ст. 279.
2. О гражданских и политических правах: Международный Пакт от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
3. Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни: Указ Президиума ВС РСФСР от 04.05.1961 // Ведомости ВС РСФСР. 1961. № 18. Ст. 273 — утратил силу
4. О призыве в апреле — июле 2017 г. граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву: Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2017 № 135 // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. [Электронный ресурс] // URL.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document> (дата обращения 17.04.2017 г.).
5. Адриановская Т.Л. Некоторые проблемы применения международных стандартов в сфере труда. В сборнике: Развитие и применение международного права и международного частного права материалы Всероссийской научно-практической конференции. Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». Ответственный редактор: Новикова Т.В. 2016.
6. Адриановская Т.Л., Карданова И.В. Право социального обеспечения: Институт пособий и компенсационных выплат: учеб.-практ. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т.Л. Адриановская, И.В. Карданова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — 455 с.
7. Бугров Л.Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 236 с.
8. Жернаков В.В. Свобода труда и запрещение принудительного труда в современном трудовом праве / В.В. Жернаков // Вестник Пермского юридического университета, 2013 — № 3.

Международное регулирование борьбы с фальшивомонетничеством. Сравнительный анализ норм уголовного преследования за изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг

Васин Сергей Юрьевич, магистрант
Санкт-Петербургская юридическая академия

Неправомерная деятельность за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг согласно статье 186 Уголовного кодекса РФ относятся к тяжким и особо тяжким преступлениям. Причина отнесения фальшивомонетчества к данным категориям преступлений, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком более 10 лет, является их высокая общественная опасность, как и отмечает Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 28 апреля 1994 года № 2 «...изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных денег или ценных бумаг приобретает повышенную общественную опасность в условиях становления рыночной экономики, подрывая устойчивость отечественной валюты и затрудняя регулирование денежного обращения» [1].

В 1929 году в Женеве была заключена Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков, в составлении которой приняло участие 26 стран. Участие в составлении документа принимал СССР, однако присоединение к Конвенции состоялось только 1932 году. Главным инициатором проведения международной конференции с внесением предложения о заключении соглашения по борьбе с фальшивомонетничеством стала Франция, испытывавшая в то время серьезный рост во внутреннем денежном обращении фальшивых банкнот, оказавший крайне негативное влияние на экономическое состояние страны.

Государства-участники взяли на себя обязательства в борьбе с фальшивомонетничеством не делать различия между подделкой собственных и иностранных денежных знаков и ценных бумаг и с одинаковой строгостью наказывать преступников. Оно объявлялось экстрадиционным международным уголовным преступлением.

В Конвенции изложены основные начала международно-правового сотрудничества в борьбе с фальшивомонетничеством, определены виды уголовных преступлений, относящихся к категории фальшивомонетчества.

В статье 3 Конвенции указывается: «Должны быть наказуемы как обычные уголовные преступления:

1. Все обманные действия по изготовлению или изменению денежных знаков, каков бы ни был способ, употребляемый для достижения этого результата.
2. Сбыт поддельных денежных знаков.
3. Действия, направленные к сбыту, к ввозу в страну или к получению или к добыванию для себя поддельных денежных знаков, при условии, что их поддельный характер был известен.

4. Покушения на эти правонарушения и действия по умышленному соучастию.

5. Обманные действия по изготовлению, по получению или по приобретению для себя орудий или иных предметов, предназначенных по своей природе для изготовления поддельных денежных знаков или для изменения денежных знаков» [2].

Статья 2 Конвенции дает определение денежного знака, под которым понимаются любые бумажные деньги, в том числе банковские билеты, находящиеся в обращении, а также металлические монеты.

Кроме этого, Конвенция предусматривает учреждение в каждой стране-участнице особых органов, осуществляющих дознание по делам подделки денежных знаков — центральные бюро. Также центральные бюро, как органы преследования лиц, совершающих преступления по фальшивомонетчеству, берут на себя функции по организации создания определенного информационного фона, суть которой заключается в сборе всех сведений, которые могут облегчить розыск случаев подделки денежных знаков, их предупреждение и пресечение.

Для проведения сравнительного анализа особенностей уголовной ответственности за преступления в области изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных бумаг или ценных бумаг отобрано ряд стран, в том числе Республика Беларусь, Республика Польша, ФРГ, Китай и Япония.

В современном законодательстве Республики Беларусь фальшивомонетчество является уголовно-наказуемым деянием. Ответственность за совершение преступлений регламентируется ст. 221 УК РБ. Фальшивомонетчество выражается в совершении одного из трех действий:

- изготовлении;
- хранении;
- сбыте поддельных денег или ценных бумаг.

Выполнения хотя бы одного из них достаточно для привлечения виновного к ответственности по ст. 221 УК РБ. Поскольку хранение поддельных денежных знаков или ценных бумаг с целью их сбыта, образует состав оконченного преступления, то последующая попытка их сбыта не требует дополнительной квалификации как покушение на совершение фальшивомонетчества.

Необходимо отметить, что отсутствует норма за перевозку поддельных денег или ценных бумаг с целью последующего сбыта. В российском уголовном законодательстве, лицо, осуществляющее перевозку фальшивых денег, подлежит уголовному преследованию. Повторность предпола-

гает совершение указанных действий повторно при условии, что они не охватывались единым умыслом лица, а представляли самостоятельные действия. Повторность может быть и в том случае, если лицо ранее было судимо за данное преступление и вновь его совершило, при этом судимость с него не была снята или погашена в установленном порядке.

Отличительной особенностью фальшивомонетчества в Беларуси является преобладание оборота иностранной валюты над национальной. Так, от общего количества зарегистрированных фактов (18) доля иностранной валюты составила 88,9% или 15 фактов (3 — по 5000 рублей ЦБ РФ; 10 — по 100 долларов США, 1—100 и 2—200 евро), а национальной, соответственно, лишь 11,1% или 2 факта (200 000 рублей) [3].

Говоря о характерных отличиях российского уголовного законодательства в сфере фальшивомонетчества от норм уголовной ответственности Республики Польша и Германии, необходимо выяснить вопрос о том предмете подделки, как платежные средства. Согласно УК РФ, предмет преступления по ст. 186 образуют поддельные банковские билеты Центрального банка России, металлическая монета, государственные и другие ценные бумаги в валюте РФ, иностранная валюта, ценные бумаги в иностранной валюте. В практическом смысле в это понятие включаются банкноты, монеты и безналичные средства в национальной валюте, действующие на территории данного государства. То есть отсутствует разграничение между понятиями «деньги», «ценные бумаги» и «платежные средства». В уголовном законодательстве Германии и Польши платёжные средства являются самостоятельным предметом преступления наряду с ценными бумагами и деньгами. В УК Республики Польша в это понятие предположительно входят ценные бумаги, но в ст. 310 УК Республики Польша на это нет прямого указания [4].

В ст. 149 УК Японии предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность за подделку иностранных денег и использование поддельных иностранных денег. Примечательно, что в качестве предмета преступления законодатель Японии рассматривает только ту иностранную валюту, которая имеет обращение внутри страны. Деньги, не имеющие хождения на территории Японии, не могут выступать в качестве предмета данного преступления.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, характеризуется четырьмя видами действий [5]:

- 1) изготовление с целью сбыта поддельных денежных знаков, ценных бумаг;
- 2) хранение поддельных денежных знаков, ценных бумаг;
- 3) перевозка поддельных денежных знаков, ценных бумаг;
- 4) сбыт поддельных денежных знаков, ценных бумаг.

Аналогичные признаки объективной стороны преступления можно найти и в уголовном законодательстве дру-

гих стран, в том числе Польши, Германии, Японии и Китая. Помимо этого, соответствующие нормы расширены дополнительными нормами, характеризующие объективную сторону состава преступления. Параграф 2 ст. 310 УК Польши содержит в качестве обязательных признаков выпуск в обращение, принятие, хранение, перевозку, перенос либо осуществление помощи в сбыте или сокрытии поддельных денег, иных платежных средств или документов. Согласно ст. 312 УК Польши, уголовной ответственности подлежит лицо, осуществляющее выпуск в обращение поддельных или переделанных денег, иных платежных средств либо документов, которые он получил как подлинные.

Глава 16 УК Японии («Преступления, состоящие в фальшивомонетчестве») также содержит ряд норм, за нарушение которых осуществляется уголовное преследование, в том числе покушение на подделку подделки денег и использование поддельных денег (ст. 149—151), а также заведомо сознаваемое использование поддельных денег после их принятия (ст. 152) и приготовление к подделыванию денег (ст. 153). Максимальное наказание на совершение данных преступлений — лишение свободы сроком до 5 лет.

Уголовное преследование за фальшивомонетчество в Китае регламентируется ст. 170—173, ст. 177—178 Параграфа 4, Главы 3 второго раздела. Стоит отметить, что китайский законодатель, наряду с тем, что в ст. 171 УК КНР в качестве объективного признака отмечена перевозка, отдельно предусматривает уголовную ответственность за контрабанду поддельных денег (ст. 151 УК КНР). Немаловажным является тот факт, что за совершение преступлений, регулируемые ст. 170 УК КНР, при наличииотячающих обстоятельств предусмотрено наказание в виде смертной казни, что говорит о жесткости в проведении судебными органами Китая политики в отношении лиц, осуществляющих подделывание денег и иных платежных средств.

Таким образом, по результатам проведенного исследования норм, регулирующих уголовную ответственность за фальшивомонетчество в разных странах, можно сделать следующие выводы:

1. Как правило, в большинстве стран предмет преступлений за фальшивомонетчество имеет общность с предметом, указанным в уголовном законодательстве РФ. В то же время, в некоторых странах предмет дополнен (например, в Польше, в качестве предмета отдельно преступления отмечается платежное средство).

2. Признаки объективной стороны фальшивомонетчества в большинстве стран совпадают (как правило, к ним относится изготовление и сбыт). Однако ряд стран дополнили данную норму дополнительными действиями, характеризующие признак преступления (покушение на подделывание, приобретение).

3. По-разному в уголовном праве иностранных государств может формироваться система санкций (в Китае предусмотрена смертная казнь).

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. N 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10001172/> (дата обращения: 12.05.2017).
2. Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков (Женева, 20 апреля 1929 г.) // Информационно-правовой сервер «Человек@закон». URL: <http://zakon.kuban.ru/private/mkbpdz.htm> (дата обращения: 12.05.2017).
3. Всё о борьбе с фальшивомонетчеством // УВД ГОМЕЛЬСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА. URL: http://www.uvd.gomel.by/UBEP/VSE_O_BORBE_S_FALSHIVOMONETNICHESTVOM.html (дата обращения: 12.05.2017).
4. Уголовный кодекс Республики Польша // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1246817> (дата обращения: 12.05.2017).
5. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А. И. Чучаева. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 560.

Некоторые проблемы квалификации преступлений за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг

Васин Сергей Юрьевич, магистрант
Санкт-Петербургская юридическая академия

В любом современном обществе денежная система является одним из ключевых компонентов экономики. Денежная система Российской Федерации — это установленная финансовым законодательством форма организации денежного обращения, исторически сложившаяся в стране и включающая в свой состав денежную единицу со своим наименованием, виды денежных знаков, порядок выпуска (эмиссии) денежных знаков и организацию обращения посредством наличных и безналичных денег [1].

Проблемы квалификации преступлений за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг не раз вызывали затруднения у правоприменителей и споры в юридической литературе. Главным образом, проблема заключалась в разграничении уголовного преследования за противоправные деяния в сфере изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг от других преступлений, в частности с мошенничеством.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. N 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (в ред. от 17 апреля 2001 г. N 1) незаконное приобретение лицом чужого имущества с использованием поддельных денег или ценных бумаг в качестве средств платежа охватывается составом ст. 186 УК и дополнительной квалификации статьям, предусматривающим ответственность за хищение, не требует [2].

Такая позиция обосновывается на основе сложившейся в судебной практике критериев разграничения изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг и мо-

шенничества. Так, при разрешении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ важным является установление вопроса, являются ли денежные купюры, монеты или ценные бумаги поддельными и имеют ли они существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами. Таким образом, действия по изготовлению или сбыту поддельной купюры, явно не соответствующей подлинной могут быть квалифицированы как мошенничество [3].

Имеет важным значение, что подразумевается под сбытом поддельных денег или ценных бумаг. Изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлен хотя бы один денежный знак или ценная бумага, независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки.

Исходя из изложенного сбыт поддельных денег или ценных бумаг можно условно разделить на два вида:

- 1) сбыт поддельных денег или ценных бумаг, имеющих существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами;
- 2) сбыт поддельных денег или ценных бумаг, явно не соответствующих подлинным, что исключает их участие в обращении.

Для правильного разграничения преступления, предусмотренного статьей 186 УК РФ («Изготовление, хранение,

перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг») от статьи 159 УК РФ («Мошенничество»), необходимо обратиться к составам данных противоправных деяний.

По конструкции объективной стороны в теории выделяется два вида составов: материальный и формальный. В материальном составе в качестве обязательного его признака предполагается возникновение общественно-опасных последствий при совершении относящихся к данному составу преступлений. В формальном же составе преступление считается оконченным даже при отсутствии каких-либо отрицательных последствий для общества либо государства.

Преступление за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг относится к формальному составу. При квалификации данного рода преступлений правоприменителем не рассматриваются вопросы наступления общественно-опасных последствий, возникших при совершении данного противоправного деяния. Объясняется это неотвратимостью возникновения вреда отношениям собственности, поскольку лицо, совершающее данное преступление умышленно, то есть реализуя поддельные деньги или ценные бумаги путём их сбыта при оплате товаров, услуг, размене и т. п., фактически незаконно завладевает чужим имуществом путём обмана либо злоупотребления доверием пострадавшей стороны. В пункте 4 постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 апреля 1994 года № 2 также дается разъяснение данного вопроса: «Изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлен хотя бы один денежный знак или ценная бумага, независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки».

Однако здесь можно отметить, что лицо, совершающее данное преступление, реализуя поддельные деньги или ценные бумаги, то есть, используя их в качестве средства платежа, совершает одновременно два преступления:

- 1) незаконный сбыт фальшивых банкнот или ценных бумаг;
- 2) хищение в форме мошенничества.

В данном случае, при разграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 186 и 159 УК РФ, необходимо определить предмет противоправного деяния. Поддельные банковские билеты Центрального банка России или ценные бумаги должны иметь реальное сходство с подлинными деньгами и ценными бумагами, находящимися в обращении. Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 28 апреля 1994 года № 2 дал следующее пояснение: «При решении вопроса о наличии либо отсутствии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, необходимо установить, являются ли денежные купюры, монеты или ценные бумаги поддельными и имеют ли они существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами. В тех случаях, когда явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, исключающее

ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного числа лиц, такие действия могут быть квалифицированы как мошенничество». Сбыт поддельных купюр может быть квалифицирован как мошенничество только в том случае, если установлено явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, исключающее ее участие в денежном обращении, а также определены обстоятельства дела, свидетельствующие о направленности умысла лица, совершающего данное преступление на грубый обман ограниченного числа лиц.

При проведении анализа состава преступления, в частности определения субъективной стороны сбыта поддельных денежных знаков или ценных бумаг, напрашивается вывод, что основным мотивом лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 186 УК, является стремление материальной выгоды за счет имущества юридического или физического лица, которому он сбывает поддельные денежные знаки или ценные бумаги, что может говорить о корыстном умысле данного деяния.

Таким образом, лицо, сбывая поддельные денежные знаки или ценные бумаги, нарушает и охраняемые уголовным законом отношения собственности, что выражается:

- в противоправном безвозмездном изъятии и обращении в свою пользу чужого имущества с использованием обмана или злоупотребления доверием;
- в причинении имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества;
- в совершении указанных действий с корыстной целью.

При этом умыслом виновного охватывается, как факт сбыта поддельных денег или ценных бумаг, так и факт противоправного завладения им чужим имуществом [4].

Кроме этого, при применении норм уголовного права при квалификации преступлений, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг, правоприменитель может столкнуться с проблемами отграничения фальшивомонетчества от иных составов преступлений. В частности, необходимо отметить следующие статьи Особенной части УК РФ, где прослеживается сходство с нормами, указанными в ст. 186 УК:

1. Статья 185 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг, имеет сходный родовый объект. Преступлениями при сбыте поддельных ценных бумаг, а также при совершении деяний, являющихся преступными согласно ст. 185, наносится существенный вред общественным отношениям в сфере экономики. Как отмечает Гаухман Л. Д., «в юридической литературе под видовым объектом злоупотребления при эмиссии ценных бумаг и фальшивомонетчества понимают общественные отношения, которые обеспечивают экономическую деятельность, а именно некую совокупность всех этапов общественного производства».

2. Статья 327 УК РФ также имеет смежный со ст. 186 УК РФ состав преступления. Однако при совершении пре-

ступлений, предусмотренных статьей 327 УК РФ («Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков») отличается от преступлений, установленных в ст. 186 УК РФ, по предмету преступления. В данной статье предметом являются такие разновидности деловых бумаг, как денежные знаки и ценные бумаги. Предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, служат официальные документы, не являющиеся платежными, за которыми не находятся материальные ценности, деньги или услуги материального характера. То есть деяние, заключающееся в подделке документов, не относящихся к ценным бумагам,

будет квалифицироваться органами преследования по статье 327 УК РФ.

Таким образом, на данный момент при квалификации преступлений, предусмотренных статьей 186 УК РФ, правоприменитель может столкнуться с рядом проблем. Главным образом, они касаются разграничения преступлений за сбыт поддельных денег или ценных бумаг с иными составами преступлений, указанных в данной статье. Однако на данный момент сложилась серьезная судебная практика, которая даёт правоприменительным органам возможности для разрешения возникающих правовых коллизий в сфере экономических преступлений.

Литература:

1. Бельский К. С. Финансовое право. — М.: Юрист, 2005. — 208 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. N 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант.РУ». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10001172/> (дата обращения: 12.05.2017).
3. Зорин Г. А., Танкевич О. В. Стратегия борьбы с транснациональной преступностью. — Гродно: Стратегия борьбы с транснациональной преступностью, 1997. — 110 с.
4. Наказание за изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Электронная библиотека студента «Библиофонд». URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=443416> (дата обращения: 12.05.2017).

Проблемы злоупотребления правом в обязательственных правоотношениях с участием предпринимателей

Гайсин Анвар Айратович, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Одним из ключевых принципов российского гражданского права выступает принцип добросовестности. Вместе с тем, его применение имеет свои особенности в обязательственных правоотношениях с участием предпринимателей. Указанные особенности рассмотрены в настоящей статье.

Ключевые слова: обязательство, кредитор, должник, предпринимательская деятельность, защита прав и законных интересов, добросовестность, злоупотребление правом, обход закона

В Российском гражданском законодательстве провозглашены принципы, в соответствии с которыми должны осуществляться не только обязательства, но способы защиты в случае их нарушения. Среди них особое место занимает принцип добросовестности, установленный статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], которая гласит, что действия исключительно с намерением причинить вред иному лицу, а также действия в обход закона признаются неправомерными.

Интересно, что цивилистике велись споры о возможности применения указанного принципа в обязательственных правоотношениях. Так, по указанному вопросу высказывался В. В. Кулаков, который отмечал, что в обязательственных правоотношениях управомоченное лицо наделяется правом на конкретные действия от определенного обязанного лица. Следовательно, так как в таком относи-

тельном правоотношении четко установлены права и обязанности сторон, злоупотребление не возможно [2, с. 22].

Однако данная позиция представляется не вполне верной. Рассматривая структуру правоотношения, необходимо отметить, что оно состоит из таких элементов, как правомочие совершения определенных действий и правомочие требования такого совершения. При этом первое из них может также состоять из субправомочий заявления требования обязанному субъекту, а также принятия предложенного исполнения [3, с. 12]. Представляется, что именно они несут в себя потенциальный риск наличия злоупотребления соответствующими правами.

Более того, гражданско-правовое обязательство находится в сфере господства частных интересов и усмотрения сторон, что также обуславливает возможность возникновения проблемы злоупотребления своим правом.

Особенности злоупотребления правом в гражданско-правовых обязательствах состоят в том, что такое ненадлежащее правоосуществление направлено не только на причинение вреда другому лицу, но на получение необоснованных преимуществ для управомоченного субъекта. Такие действия приводят к нарушению имущественных интересов обязанного лица.

В случае если суд при разрешении спора обнаружит признаки злоупотребления правом, он на основании ст. 10 ГК РФ наделяется правом по применению такой меры, как отказа в защите права. В качестве форм такого отказа выделяют: отказ в принудительном осуществлении права; отказ в конкретном способе защиты права; лишение правомочий на результат, достигнутый путем недозволенного осуществления права, и другие [4, с. 90].

Следует отметить, что ранее в ст. 10 ГК РФ, устанавливающей пределы осуществления гражданских прав, была установлена такая форма злоупотребления, как действия с намерением исключительно причинить вред другому лицу. Однако в ходе осуществления реформы гражданского законодательства злоупотреблением также стали признаваться действия в обход закона. При этом список форм злоупотреблений не является закрытым. Кроме того, было отмечено, что если злоупотребление повлекло нарушение права субъекта, он вправе потребовать возмещения соответствующих убытков.

При этом, норы, которые составляли ранее содержание указанной статьи, зачастую трактовались судами очень широко как в сфере определения конкретных действия в качестве злоупотребления, так и при установлении последствий, которые несла сторона его допустившее.

В связи с таким расширительным толкованием, когда суды буквально любое непонравившееся действие стороны определяли как недобросовестное поведение, были даны ограничивающие разъяснения высшими судебными инстанциями [5], которые злоупотребление правом рассматривали как исключительный случай. Тем не менее, не смотря на такие разъяснения, применение ст. 10 осуществлялось арбитражными судами повсеместно, при этом обнаруживались все новые формы злоупотреблений. Указанные тенденции нашли свое отражение и в Информационном письме № 127 [6].

Так, в данном обзоре было отмечено, что санкция, которая заключается в отказе в защите права лица, направлена, в первую очередь, не на наказание злоупотребившего субъекта, но на защиту прав потерпевшего от этого лица, что определяет возможность применения ст. 10 ГК РФ, как к истцу, так и к ответчику.

Более того, в ином примере злоупотребление правом обнаружилось в действиях лица по регистрации товарного знака, что стало основанием для признания недействительным решения Роспатента (ответчика по делу) и аннулирования регистрации соответствующего товарного знака. Что интересно, в данном случае лицо, которое по мнению суда злоупотребило своим правом, не только не было ист-

цом по делу, но даже не было привлечено в качестве третьего лица.

Кроме того, в данном информационном письме в качестве последствия злоупотребления правом допускается возможность для суда не только отказать в защите права, но также и признать сделку недействительной. Аналогичное широкое толкование ст. 10 ГК РФ содержится и в доктрине. Так, Н. Б. Щербаков утверждает, что в случае злоупотребления суд может по своему усмотрению применить любую меру защиты из перечисленных в ст. 12 ГК РФ [7, с. 94].

В предпринимательской сфере суды признают совершенно различные действия злоупотреблением правом. Так, суды отмечают, что заключение договора, направленного на нарушение прав и законных интересов кредиторов, является злоупотреблением правом. Кредитор при защите своих прав имеет возможность обратиться с иском к имуществу должника. Зачастую должники, стремясь избежать таких негативных имущественных последствий, заключают сделки, влекущие отчуждение его имущества. В одном из таких дел встречный иск о признании договора купли-продажи недвижимого имущества недействительным был удовлетворен, так как заключение спорной сделки, направленной на нарушение прав кредиторов, в частности, имеющей целью уменьшение активов общества и его конкурсной массы путем отчуждения объекта недвижимости третьим лицам, было злоупотреблением гражданскими правами [8].

Еще одно злоупотребление со стороны должника, как отмечают суды, может быть связано с внесением им долга в депозит нотариуса. Так, указанные действия признаются недобросовестным поведением в случае, если не представлены доказательства уклонения кредитора от принятия исполнения. Например, при рассмотрении дела суд отказал в удовлетворении исковых требований о взыскании задолженности и штрафа в соответствии с генеральным договором об операциях на межбанковском рынке, так как истец злоупотребил правом, внося денежные средства в депозит нотариуса вместо перечисления их на счет ответчика, при этом необоснованно ссылаясь на то, что ответчик уклонялся от принятия исполнения обязательств истцом [9].

Злоупотребление своими правами существует и на стороне кредитора. Например, установление в кредитном договоре необоснованно завышенных процентов при просрочке платежа признается злоупотреблением правом, если потери банка полностью покрываются исходя из ставки обычных процентов [10].

Представляется, что столь широкое толкование нормы имеет корни еще в советской цивилистике, где к лицу, злоупотребившему правом, помимо классического отказа от защиты права применялись и иные меры воздействия. Между тем, в указанный период правовое регулирование указанного института имело свои существенные особенности, поскольку в качестве «осуществления гражданских прав в противоречии с назначением этих прав [11, с. 49]» «квалифицировались такие действия, которые шли вразрез с господствующей социалистической идеологией. При этом

сегодня указанные действия не только не признаются злоупотреблением правом, но даже и просто нарушением обязательств. Так, в качестве злоупотребления в советское время признавалась систематическая сдача в поднаем жилого помещения.

Очевидно, что такое понимание злоупотребления правом не может быть применимо в современных реалиях. На наш взгляд, расширительную практику толкования ст. 10 ГК РФ, выработанную арбитражной практикой, нельзя оценивать положительно. Суды, имея возможность применить ст. 10 ГК РФ, зачастую не пытаются понять сущность возникшего между сторонами правоотношения, а формально признают действия лиц злоупотреблением своими правами. Кроме того, судьи, не ограниченные в выборе последствий, следующих за недобросовестным поведением, зачастую нивелируют применение специальных правил, установленных законом (например, когда в результате злоупотребления суды признают сделку недействительной, игнорируя нормы ГК РФ, устанавливающие для этого специальный порядок). Представляется, в связи с этим, что в настоящее время существует необходимость

в разработке критериев и признаков тех действий, которые могут быть квалифицированы в качестве недобросовестного поведения, а также и правовых последствий при их обнаружении.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы. Гражданско-правовое обязательство находится в сфере господства частных интересов и усмотрения сторон, что также обуславливает возможность возникновения проблемы злоупотребления своим правом. При этом, несмотря на то, что ст. 10 ГК РФ закрепляет достаточно определенные формы злоупотребления правом, а также его последствия, суды квалифицируют действия сторон, особенно в предпринимательской деятельности, чрезмерно широко, подгоняя их под действие названной нормы.

Кроме того, суды также зачастую необоснованно применяют гораздо более широкий круг последствий, чем просто отказ от защиты права. В связи с указанным считаем, что существует необходимость в разработке критериев и признаков тех действий, которые могут быть квалифицированы в качестве недобросовестного поведения, а также применимых правовых последствий при их обнаружении.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 2 февраля 2017 г. № 12-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Кулаков В. В. Злоупотребление абсолютными и относительными гражданскими правами: проблемы теории и практики // Российское правосудие. 2009. № 5. С. 22–28.
3. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 112 с.
4. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / Науч. ред.: Ем В. С.; Редкол.: Козлова Н. В., Корнеев С. М., Кулагина Е. В., Панкратов П. А.. — 2-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2001. 315 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 152, 1996.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 2, 2009.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б. М. Гонгало, А. В. Коновалов, П. В. Крашенинников; под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2013. 190 с.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 02.11.2010 № 6526/10 по делу № А46–4670/2009 // Вестник ВАС РФ. № 2, 2011.
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.08.2001 № 1194/99 по делу № А40–31479/98–45–448 // Вестник ВАС РФ. № 12, 2001.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.12.1997 № 964/97 по делу № 96–9/147 [Электронный источник] Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / Авт. кол.: Б. С. Антимонов, Х. Э. Бахчисарайцев, С. Н. Братусь др.; Под ред. С. Н. Братуся и Е. А. Флейшиц. — М.: Госюриздат, 1962. 221 с.

К вопросу о разграничении нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств от смежных и иных составов преступлений

Голубков Александр Максимович, магистрант
Санкт-Петербургская юридическая академия

Автомобильный транспорт прочно вошел в повседневную жизнь современного человека. Сегодня машины служат не только предметом роскоши и средством обеспечения комфорта, но и поддерживают функционирование экономики страны. Объем грузоперевозок с каждым годом растет.

Однако, несмотря на широкое распространение транспорта, некоторые аспекты регулирования общественных отношений, которые связаны с его эксплуатацией и использованием, до сих пор остаются слабо разработанными.

Вместе с количеством транспортных средств, выросло и число нарушений в связи с их эксплуатацией. Высокая степень опасности сделала транспорт объектом пристального внимания законодателей. Практически каждый год вводятся новые нормы, призванные регулировать транспортную сферу.

Однако иногда нововведения законодателя создают путаницу на практике. Представляется, что отдельную проблему составляет квалификация преступлений, связанная с нарушением эксплуатации транспортных средств и Правил дорожного движения.

Дискуссионным вопросом в научной среде является разграничения понятий дорожно-транспортного происшествия, дорожно-транспортного правонарушения и дорожно-транспортного преступления. В российском законодательстве закреплено понятие дорожно-транспортного происшествия. Это широкое понятие, которое охватывает как дорожно-транспортные правонарушения, так и дорожно-транспортные преступления. При этом определение дорожно-транспортного преступления в Уголовном кодексе РФ отсутствует. [1] Некоторые авторы предлагают разграничить эти понятия, чтобы отделить административные нарушения, связанные с нарушением Правил дорожного движения и уголовные преступления, предусмотренные законодательством.

К примеру, по мнению Таюрской Е. А, понятие дорожно-транспортного правонарушения — слишком широкое для удобной квалификации, так как охватывает не только уголовные преступления, но еще и административные с дисциплинарными. В своей работе она предлагает наиболее узкое понятие — дорожно-транспортное преступление. И выдвигает следующее определение — общественно опасное деяние, совершенное по неосторожности лицом, управляющим транспортным средством, выразившееся в каком-либо нарушении установленных Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, вследствие чего наступают последствия, указанные в диспозиции соответствующей статьи УК РФ, которые и влекут наступление уголовной ответственности. [2]

Представляется, что такая дефиниция наиболее точно подчеркивает и выделяет состав преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом. Кроме того, это избавляет от путаницы, ведь правонарушение — это более широкое понятие, чем преступление.

Разделение административных составов от уголовных — не единственный дискуссионный вопрос. Отдельный интерес представляет также квалификация преступлений со смежным составом.

Смежные составы преступлений схожи по общественной опасности, но отличаются по одному или нескольким признакам. Для правильной квалификации необходимо выделить отличающиеся элементы, которые определяют состав конкретного преступления. На практике с этим могут возникнуть проблемы. При квалификации преступления, во избежание ошибок, необходимо точно определять те признаки, которые характерны конкретным составам преступлений.

Глава 27 Уголовного кодекса РФ содержит несколько составов, которые можно назвать смежными. Они регулируют отношения, связанные с нарушениями правил движения транспорта. Однако отдельные элементы состава преступления существенно отличаются.

Есть сравнить составы статей 263 и 264 УК РФ, то они будут отличаться по объекту, субъекту, предмету и объективной стороне. Статья 263 УК РФ предполагает наличие специального субъекта, который не только достиг шестнадцатилетнего возраста, но и обладает определенными профессиональными качествами. Основное отличие от субъекта преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ — обязанность по обеспечению безопасности движения и эксплуатации транспорта, которая наложена на него в связи с его профессиональной деятельностью. Что же касается субъекта статьи 264 УК РФ, то субъектом может быть только достигшее 16-летнего возраста лицо, управлявшее автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством, предназначенным для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. Таким образом, составы преступлений схожи только субъективной стороной — виной в форме неосторожности.

Необходимо также различать составы преступлений по статьям 264 и 268 УК РФ. Основное отличие заключается в субъекте. Если субъект состава преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ — это водитель транспортного средства, то субъект преступления по статье 268 УК РФ — это пассажир или пешеход, нарушающий правила движения.

Таким образом, обращая внимание на элементы состава преступления при квалификации преступлений связанных с функционированием транспортных средств, можно правильно выбрать необходимую норму УК РФ.

Исходя из анализа судебной практики, у судов иногда возникают проблемы с выбором статьи для применения, особенно при неоднозначности обстоятельств совершения преступления, связанного с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Несмотря на Постановление Пленума Верховного суда, иногда встречаются случаи, когда дела квалифицируются не по статье 264 УК РФ, а по статье 109 УК РФ. [3]

Показательный пример в своей работе привела Таюрская Е. А, рассмотрев случай, когда вследствие неосторожности при езде по сельскохозяйственному полю на автомобиле, гражданин Емельянов П. В. причинил гражданке Н. телесные повреждения, от которых впоследствии наступила ее смерть. Суд квалифицировал действия виновного по статье 109 УК РФ, несмотря на то, что в его деянии присутствуют все признаки состава преступления, предусмотренного статьей 246 УК РФ. [4] Представляется важным рассмотреть состав данного преступления.

Субъект — лицо, достигшее возраста 16-лет, находившееся за рулем во время совершения преступления. Стоит отметить, что виновный не имел права управления транспортным средством.

Субъективная сторона — вина в форме неосторожности. Виновный знал что в поле находится человек, но в силу своей самонадеянности, полагаясь на свою интуицию, не принял мер для своевременного реагирования и не учел высоту травы, которая скрывала погибшую.

Объективная сторона — действия лица, нарушающие Правила дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств.

Объект — общественная безопасность, связанная с эксплуатацией ТС.

Почему суд решил квалифицировать это дело по статье 109 УК РФ, несмотря на все признаки и причинно-следственную связь характерную для состава преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ, остается неясным.

Статья 109 УК РФ выделяет своим объектом жизнь и здоровье граждан, в то время как для статьи 264 УК РФ, жизнь и здоровья являются дополнительными объектами. В рассматриваемом случае, виновный грубо нарушил правила эксплуатации транспортных средств. Важным является само обстоятельство преступления. Виновный сознательно сел в транспортное средство и понимал общественную опасность своего деяния. Представляется, что это деяние необходимо классифицировать именно по статье 264 УК РФ.

Несмотря на постановление Пленума Верховного суда, при квалификации преступлений на практике случаются ошибки. Законодатель не дает точного определения дорожно-транспортного преступления, некоторые составы преступлений вызывают трудности при квалификации.

Представляется, что для тщательного рассмотрения дел, во избежание ошибок квалификации на практике, следует конкретизировать отдельные понятия и исключить спорные ситуации, а именно: ввести понятие дорожно-транспортного преступления, что позволит не путаться в составах со схожими правонарушениями; уточнить и закрепить норму, которая позволит безошибочно квалифицировать состав преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ.

Несмотря на проработанность данной темы, на практике перед судами все равно появляются сложные вопросы, которые не всегда решаются правильно.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.05.2017).
2. Таюрская Е. А. Теоритические аспекты определения понятия дорожно-транспортного преступления // Сибирский юридический вестник. — 2017. — № 1. — С. 100—104.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. N 25 г. Москва // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2008/12/26/pdd-dok.html> (дата обращения: 11.05.2017).
4. Приговор по делу № 1—13/2015 от 23 января 2015 года // Бийский районный суд Алтайского края. URL: https://biysky-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13977768&delo_id=1540006&new=&text_number=1&case_id=7454066 (дата обращения: 11.05.2017).

К вопросу об уголовной ответственности лиц при обоюдном нарушении правил дорожного движения

Голубков Александр Максимович, магистрант
Санкт-Петербургская юридическая академия

Широкое распространение автомобильного транспорта в последние годы не могло не отразиться на жизни общества. Налаженные грузоперевозки положительно влияют на экономику и логистику, личные автомобили стали предметом комфорта и позволяют людям быстрее передвигаться для решения повседневных задач, общественный транспорт ежедневно перевозит миллионы людей в крупных городах страны.

В связи с широким распространением транспорта, со временем возросла и его травмоопасность. Ежегодно происходят сотни ДТП, которые уносят жизни людей. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2016 году было зарегистрировано 22 тысячи преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, 7,9 тысяч из них привели к смерти человека, двух или более лиц.

Количество осужденных за преступления на дорогах также велико. В 2016 году за преступления, связанные с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств было осуждено 4,5 тысяч человек. [1]

Такие показатели неутешительны. Совершенствование правил регулирования дорожного движения и улучшения транспортной инфраструктуры являются одними из приоритетных задач, которые стоят сегодня перед государством.

Однако не менее важна и работа судов, а также всех субъектов, в задачи которых входит правильная квалификация совершенного преступного деяния.

Ответственность за нарушения Правил дорожного движения установлена статьей 264 Уголовного кодекса. Там же описаны и обстоятельства, при которых она влечет для виновного лица неблагоприятные последствия. [2]

Однако на практике иногда возникают спорные ситуации, при которых установление всех обстоятельств дела становится затруднительным или когда ответственные сотрудники ГИБДД при составлении протокола о нарушении Правил дорожного движения не фиксируют значимые для дела обстоятельства.

Особую сложность представляют случаи, когда нарушение было совершено не одним участником дорожно-транспортного происшествия, а сразу двумя или более.

Такие ситуации возникают, например, в случае когда оба автомобилиста совершили правонарушение, в результате чего пострадал пешеход.

К сожалению, такие обстоятельства не являются редкостью, и суды часто сталкиваются с ними на практике. Однако помимо очевидных проблем в установлении при-

чинно-следственной связи, возникают также и трудности при вынесении приговора. Зачастую суды не указывают все пункты Правил дорожного движения, нарушенные обвиняемым, что ведет к несправедливости при вынесении приговора или нарушения прав потерпевшего.

Первая проблема, с которой сталкиваются участники уголовного процесса при рассмотрении таких дел заключается в установлении причинно-следственной связи. Несмотря на диспозицию статьи 264 Уголовного кодекса РФ и разъяснений Пленума Верховного суда, на практике все равно возникает ряд сложностей.

В постановлении Пленума Верховного суда № 25 от 9 декабря 2008 года, раскрываются условия уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 264 УК РФ. В постановлении разъясняется, что уголовная ответственность может иметь место лишь если наступившие последствия находятся в причинной связи с допущенными лицом нарушениями правил дорожного движения; при этом в приговоре следует указать, нарушение каких конкретно пунктов повлекло наступление последствий, и в чем конкретно выразилось это нарушение. [3]

Что же касается причинно-следственной связи, то Верховный суд разъясняет, что причинную связь в транспортных преступлениях следует считать установленной во всех случаях, когда нарушение соответствующих правил предшествовало наступлению вредного результата, было необходимым условием его наступления либо создало реальную возможность его наступления, либо превратило такую возможность в действительность.

Трудными также представляются дела, где имели место случайные события, которые влияют на установление причинно-следственной связи. Андреева Л. А. считает, что Когда результат закономерен не вытекал из совершенного деяния, и когда он закономерен последовал бы из него, но при конкретно сложившихся обстоятельствах действия других лиц или внешних сил изменили ход событий, вследствие чего наступивший результат превратился в случайность относительно первоначального противоправного действия, такая связь является случайной и исключает уголовную ответственность за наступившие последствия. [4]

Несмотря на разъяснения, у судей все равно возникают сложности. Бывают ситуации, когда для определения причинно-следственной связи между правонарушением и наступившими последствиями предполагалось участие эксперта, однако на основании его заключения вывод все равно должен устанавливаться суд.

Данную ситуацию хорошо иллюстрирует пример из общения судебной практики судьи Улановой Ю. Ю: Игнатенко С. Т., осужденного по части 2 статьи 264 УК РФ Опочецким районным судом, по которому было признано, что смерть потерпевшего не состояла в причинно-следственной связи с дорожно-транспортным происшествием, в котором он до этого пострадал по вине Игнатенко С. Т.

Игнатенко С. Т. был признан виновным в том, что, являясь лицом, управляющим автомобилем в состоянии опьянения, совершил нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Как установил суд, Игнатенко С. Т., управляя автомобилем марки «Опель Вектра, в нарушение п. п. 1.3, 1.5, 2.7, 2.1.2, 9.1, 9.4, 9.10 и 10.1 Правил дорожного движения РФ, выехал на встречную полосу движения и допустил столкновение с автомобилем «Фольксваген Transporter» под управлением Нагорнюка Ю. А., который двигался во встречном направлении.

В результате произошедшего дорожно-транспортного происшествия пассажиру автомобиля марки «Опель Вектра» Федорову А. И. были причинены телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью; водителю автомобиля «Фольксваген Transporter» Нагорнюку Ю. А. — телесные повреждения в виде закрытого перелома шейки левого бедра со смещением и сотрясения головного мозга, нанесшие тяжкий вред здоровью, как повлекшие значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть.

Как видно из приговора, спустя 1.5 месяца после ДТП наступила смерть Нагорнюка Ю. Я. от длительно протекавшего заболевания сердечно-сосудистой системы — ишемической болезни сердца, при этом органами следствия и судом сделан вывод об отсутствии прямой причинной связи между дорожно-транспортным происшествием и смертью одного из потерпевших. [5]

В рассматриваемом случае суд, ознакомившись с заключением самостоятельно установил причинно-следственную связь между событием и последствиями, на основании чего и был вынесен обвинительный приговор. Однако случаются ситуации, когда лица совершают нарушения Правил дорожного движения обоюдно, что приводит к сложностям при установлении вины каждого из них.

Пленум по этому вопросу разъясняет, что «в тех случаях, когда нарушения правил дорожного движения были допущены двумя или более участниками дорожного движения, содеянное ими влечет уголовную ответственность по ст. 264 УК РФ, если их действия по управлению транспортным средством находились в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в названной статье Уголовного кодекса Российской Федерации»

Исходя из этого разъяснения следует, что каждое деяние, совершенное конкретным участником дорожно-транспортного происшествия, следует квалифицировать отдельно.

Таким образом, если два участника дорожно-транспортного происшествия нарушат правила дорожного движения, то составы их правонарушений будут рассматриваться индивидуально. Это представляет некоторую сложность при квалификации составов преступлений по статье 264 УК РФ. К примеру, если один участник движения превысил допустимую скорость на данном участке дороги, а другой выполнил проезд на запрещающий сигнал светофора, что привело в результате к столкновению и причинению смерти пешехода, то к уголовной ответственности будет привлечен водитель того автомобиля, который проехал на запрещающий сигнал.

Это объясняется тем, что, рассматривая причинно-следственную связь, суд будет исходить из того, что действия водителя машины, проехавшей на запрещающий сигнал светофора в итоге привели к смерти пешехода. В то время как второй водитель, нарушивший скоростной режим, будет привлечен к административной ответственности за превышение скорости.

На практике такие дела представляют для судов сложность. Рассматривая действия каждого участника правонарушения индивидуально, суды не всегда видят картину в целом, могут допустить ошибку при квалификации преступлений или не всегда видят все обстоятельства, что может привести к исключению из приговора отдельных действий виновного, которые имели место быть.

Представляется, что для наиболее точной и полной квалификации таких дел, необходимо учитывать не только действия субъектов правонарушения индивидуально, но и оценивать их в совокупности. Ведь несмотря на установление причинно-следственной связи, на практике складываются ситуации, когда суд признает виновным не лицо, находившееся в момент правонарушения в состоянии алкогольного опьянения, а лицо, которые совершило запрещающий маневр, либо нарушило скоростной режим вследствие своей невнимательности.

Стоит отметить, что дела, где Правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств нарушаются сразу несколькими участниками дорожного движения хоть и редко встречаются на практике, но все же квалификация составов и установление причинно-следственной связи представляется в них затруднительными, что может пагубно отразиться на обвинительном приговоре.

Таким образом, рассматривая дела по статье 264 УК РФ, следует обращать внимание не только на индивидуальные действия правонарушителей, но и на обстоятельства в совокупности. Причиной нарушения Правил дорожного движения может послужить кочка или прокол шины, однако несмотря на случайность, лицо все равно понесет уголовную ответственность, даже в случае если второй участник ДТП находился в момент совершения правонарушения в состоянии алкогольного опьянения. Представляется, что судам следует уделять отдельное внимание данной категории дел, а законодателю внести уточняющие разъяснения.

Литература:

- 1) Правонарушения: Федеральная служба государственной статистики // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (дата обращения: 12.05.2017).
- 2) «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b729b65a24b312d2cbee8543a8afdb15ebb4046/ (дата обращения: 12.05.2017).
- 3) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/ (дата обращения: 12.05.2017).
- 4) Андреева Л — избранное // Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://files.sudrf.ru/1544/docum_sud/doc20160615—100704.doc. (дата обращения: 12.05.2017).
- 5) Проблемы судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 166, 264 и ст. 264.1 УК РФ. // ГАС РФ «Правосудие». URL: http://files.sudrf.ru/1544/docum_sud/doc20160615—100704.doc. (дата обращения: 12.05.2017).

Понятие и принципы правосудия

Исаков Иван Александрович, студент
Рязанский педагогический колледж

Наруцкая Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Рязанский филиал Московской академии экономики и права

В статье определена актуальность анализа современного понимания понятия правосудия и его принципов. Анализируются точки зрения современных ученых, юристов, практиков на определение сущности правосудия, обращается внимание на узкий взгляд отдельных специалистов, предлагающих определение правосудия в приложении к конкретному виду судопроизводства. В заключительной части статьи формулируется авторская дефиниция правосудия.

Ключевые слова: суд, правосудие, судопроизводство, принципы правосудия

В современной России судебная реформа осуществляется с 1991 г. Новое содержание преобразования отечественной судебной системы получили с принятием Конституции Российской Федерации. В процессе реформирования в России в целом сформировалась стабильная правовая система, позволяющая осуществлять конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство. Реформирование судебной системы продолжается и в настоящее время: в апреле 2014 года была внесена в Конституцию РФ поправка, которая предусматривает формирование единого высшего судебного органа в виде Верховного Суда РФ. В рамках реализации Программы, принятой в 2012 году, «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы» [1] осуществляется комплекс мероприятий, направленных на информатизацию судебной системы России и внедрение современных информационных технологий в судебную деятельность, посредством которой и осуществляется правосудие.

В рамках данной статьи мы обратимся к сущности понятия и принципам современного правосудия, проанализируем точки зрения ученых, юристов, практиков в данной области.

Правосудие представляет собой деятельность суда, направленную на рассмотрение и разрешение конкретных дел и споров, эта деятельность урегулирована законодательством федерального уровня. В Толковом словаре В. И. Даля правосудие определено как «особый вид государственной (публичной) деятельности, состоящий в том, что независимый, беспристрастный и справедливый суд (суды) на основе закона рассматривает и разрешает правовые споры и дела, отнесенные к его ведению, в установленных законом правовых формах» [3, с. 380].

Такая дефиниция правосудия, на наш взгляд, является наиболее оптимальной, так как, во-первых, содержит основополагающие принципы правосудия (независимость, беспристрастность, справедливость), а, во-вторых, характеризует деятельность всех судов, функционирующих в государстве, что отражает (несмотря на то, что В. И. Даль формулировал определение задолго до наших дней) единство судебной системы в государстве. Такое единство, напомним, закреплено в ст. 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014 г.) «О судебной системе Российской Федерации».

Несмотря на законодательно закрепленное и фактически реализуемое в государстве единство судебной системы, отдельные исследователи предлагают определение правосудия в приложении к конкретному виду судопроизводства. Например, А. А. Камардина утверждает, что «под правосудием следует понимать урегулированную законом деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел в судах первой и второй инстанции, рассмотрение и разрешение уголовного дела в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам, а также в стадии исполнения приговора. В каждой стадии уголовного судопроизводства правосудие осуществляется в особенной форме, которая соответствует назначению и особенностям каждой стадии» [4, с. 15].

В приложении к уголовному судопроизводству определяют правосудие и ряд других авторов, в том числе, А. Д. Бойков, А. В. Долгушина, З. С. Лусегенова, Е. В. Рябцева и др. Н. В. Нестор в своей статье «Понятие, принципы и формы восстановительного правосудия» приводит мнение Тони Маршала, в котором говорится, что «правосудие — это процесс, с помощью которого стороны, вовлеченные в преступление, совместно определяют, как обращаться с его последствиями и какие выводы должны быть сделаны на будущее» [цит. по: 6, с. 29].

Представляется более верной точка зрения тех ученых, которые характеризуют правосудие в приложении ко всем видам судопроизводства. М. Ю. Тихомиров приходит к выводу, что правосудие «есть совершаемая в процессуальном порядке правоприменительная деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, а также экономических споров в целях охраны прав и интересов граждан, общества и государства» [7, с. 347]. И. В. Губенок, видит ценность приведенного определения «в указании на цели, ради которых осуществляется правосудие, и, в первую очередь, на те, в которых есть указание на охрану прав и интересов граждан» [2, с. 109].

Правосудие является особым, специфическим видом юридической деятельности, которая возлагается государством на действующую судебную власть страны.

Совокупность властной компетенции судов, которые выносят общеобязательные для физических, юридических лиц, государства и муниципальных образований решения, с обязательными для всех без исключения участников судебного процесса правилами процедуры, всё это определяет специфику правосудия, представляющего, как мы уже указывали выше, особый род деятельности, характерный только для судов. Правосудию, осуществляемого посредством отдельных видов судопроизводства, свойственны специфические общие сущностные характеристики и принципы. К таковым относятся закрепленные в действующей Конституции РФ (ст. 120 и 123) положения относительно независимости судов и судей, подчинении их только действующему законодательству, об открытом разбирательстве дел в судебных заседаниях (за исключением случаев, прямо предусмотренных законом), осуществление право-

судия на основе состязательности и равноправия заинтересованных сторон.

Изначально принципы правосудия были сформулированы в правовой теории, отдельные их положения мы можем наблюдать у древнеримских юристов. Постепенно принципы начали формулироваться законодателем и находили закрепление в нормах права, что и позволяет нам говорить о наличии именно правовых принципов.

Китаева А. Г. и Китаева Н. Г. отмечают, что «принципы правосудия имеют двойственную природу. С одной стороны, они объективны, поскольку выводятся из объективно существующей реальности. С другой стороны, они и субъективны, поскольку зарождаются в процессе повседневной человеческой деятельности и пропускаются через мышление конкретных людей» [5, с. 147].

Под основополагающими принципами правосудия следует понимать те общие и руководящие принципы, которые закреплены в законодательных актах федерального уровня и определяют самые значимые стороны правосудия как отдельного особого вида государственной деятельности. Такие законодательные положения составляют основу для осуществления всех видов судопроизводства в России, а также содержат предписания о деятельности судебных органов. Совокупность принципов образует основу, которая является опорой для законодательных предписаний, регулирующих правосудие. Принципы правосудия закреплены в нормах Конституции России, конституционных и федеральных законах.

Одним из основополагающих принципов правосудия является конституционный принцип, закрепленный в ч. 1 ст. 118 Конституции РФ — осуществление правосудия только судом.

Шигуров А. В. предполагает, что нормативное содержание принципа осуществления правосудия только судом, в приложении к уголовному судопроизводству, включает в себя следующие положения: «1) правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом; 2) никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом; 3) подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено УПК РФ» [8, с. 188].

Значение такого принципа правосудия, как его осуществление только судом, заключается в закреплении на государственном уровне такой непреложной истины, что только суд является итоговой, конечной инстанцией, которая определяет «правую» сторону в споре, только суд (при наличии достаточных доказательств) признаёт человека виновным в совершении преступления. Таким образом, исключается возможность применения к конкретному человеку уголовного наказания каким-либо другим государственным органом. Государство, закрепляя принцип осуществления правосудия только судом, гарантирует каждому человеку

законность, обоснованность, мотивированность, справедливость решений по рассматриваемым спорам и делам.

В реализации данного принципа А. В. Шигуров видит ряд проблем и предлагает их решение, с которыми, на наш взгляд, следует согласиться. Он отмечает, что «первой проблемой является неурегулированность в законе процедуры распределения дел в суде» [8, с. 188]. По мнению А. В. Шигурова механизм распределения дел между судьями в многосоставном суде должен исключать влияние на него любых заинтересованных лиц, в том числе председателя суда. Решением проблемы было бы введение автоматизированных систем делопроизводства в суде, которые бы не только вели учет поступивших в суд дел, но и по определенным, рассмотренным выше, принципам распределяли дела между судьями. Второй проблемой реализации принципа осуществления правосудия только судом является отсутствие в Конституции РФ и иных нормативных актах определения понятия правосудия. С нашей точки зрения, это существенно уменьшает гарантирующее значение рассматриваемого принципа [8, с. 188–189]. Последнее заявление

А. В. Шигурова еще раз подчеркивает актуальность заявленной в данной статье темы, в заключении которой мы представим свою авторскую позицию на определение правосудия.

В результате проведенного анализа представляется возможным определить правосудие в качестве особого, значимого вида государственной деятельности, заключающегося в том, что на основании действующего законодательства независимый, беспристрастный и справедливый суд рассматривает и разрешает правовые споры и дела посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Правосудию свойственны специфические принципы. К таковым относятся закрепленные в действующей Конституции РФ (ст. 120 и 123) положения относительно независимости судов и судей, подчинении их только действующему законодательству, об открытом разбирательстве дел в судебных заседаниях (за исключением случаев, прямо предусмотренных законом), осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия заинтересованных сторон.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» (с изм. от 10 апреля 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1. Ст. 13.
2. Губенок И. В. К вопросу о понятии эффективного правосудия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. № 1. С. 109–112.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. М.: Рипол классик, 2006. — 549 с.
4. Камардина А. А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3. С. 14–17.
5. Китаева А. Г., Китаева Н. Г. Генезис принципов правосудия // Инновационная наука. 2016. № 4–4. С. 146–149.
6. Нестор Н. В. Понятие, принципы и формы восстановительного правосудия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4. С. 28–32.
7. Тихомиров М. Ю., Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Юринформцентр, 1997. — 525 с.
8. Шигуров А. В. Проблемы реализации принципа осуществления правосудия только судом // Вестник Мордовского университета. 2009. № 4. С. 188–191.

Сотрудничество государств в борьбе с преступностью

Касымова Зумрад Сабирджановна, ассистент

Ташкентский университет информационных технологий имени аль-Хорезми (Узбекистан)

Одной из самых влиятельных международных организаций, занимающейся вопросами обеспечения сотрудничества в борьбе с преступностью, является МКО. Оно представляет собой объединение национальных институтов и специалистов.

Преступность постоянно совершенствует свои формы и методы, широко использует возможности, предоставляемые современным обществом, его политика — правовой системой, наукой и техникой, что существенно затрудняет борьбу с ней.

Ключевые слова: международные конгрессы, МАУП, МКО, ЭКОСОС ООН

Преступность постоянно совершенствует свои формы и методы, широко использует возможности, предоставляемые современным обществом, его политико-правовой системой, наукой и техникой, что существенно затрудняет борьбу с ней.

Основным органом, координирующим деятельность государств в борьбе с преступностью, является ЭКОСОС ООН. В его составе постоянно функционирует Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию, которая готовит и проводит раз в пять лет конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. С 1955 г. было проведено 9 конгрессов. Обладая высоким международным авторитетом, конгрессы способствуют совершенствованию международного уголовного права и его унификации, дают возможность специалистам обмениваться опытом успешной борьбы и предупреждения международной преступности. В их работе принимают участие эксперты разных стран по уголовному праву, пенитенциарии, криминологии, пенологии, должностные лица полицейских служб, а также специалисты по правам человека и реабилитации жертв преступлений. Наряду с ООН и ее специализированными органами ряд крупных криминологических проблем решаются в рамках международных организаций, имеющих в ООН консультативный статус. Среди этих организаций наибольший вклад в дело борьбы с преступностью вносят: Международная ассоциация уголовного права (МАУП) и Международное криминологическое общество (МКО) [2, с. 112].

МАУП была основана в 1942 году на основе Международного союза специалистов по уголовному праву, возникшего еще в 1889 году. Устав МАУП гласит, что эта организация стремится к совершенствованию гуманного и эффективного правосудия. Она осуществляет деятельность с помощью национальных групп отдельных стран. Ассоциация организует проведение международных конгрессов по проблемам уголовного права, консультирует ООН, ЮНЕСКО и другие международные организации, по просьбам государственных органов отдельных стран проводит экспертизы проектов законодательных актов.

Основными задачами МАУП, как следует из Устава этой организации, являются: сотрудничество теоретиков и практиков уголовного процесса; изучение проблем международного уголовного права. Ассоциация издает журнал «Международный обзор уголовного права», публикует отчеты о международных мероприятиях, издает труды по вопросам борьбы с преступностью в мире.

Основными международными мероприятиями МАУП является проведение конгрессов, которые проходят — раз в пять лет. Круг вопросов, обсуждаемых на конгрессах, довольно широк и включает в себя как проблемы уголовного права в узком смысле этого слова, так и проблемы уголовного процесса, прокурорского надзора, пенитенциарии, криминологии [2, с. 111].

В промежутках между конгрессами МАУП проводит несколько коллоквиумов. Их тематика, как правило, соот-

ветствует теме предстоящего конгресса и касается региональных проблем, которые будут обсуждаться на конгрессе.

В 1972 году МАУП совместно с местными властями города Сиракузы (Сицилия) создали Высший международный институт уголовно — правовых наук. Этот институт проводит научные исследования в области уголовной юстиции и обеспечивает профессиональную подготовку дипломированных специалистов. Ежегодно в январе, мае, декабре институт проводит учебные семинары, где обучаются научные и практические работники из разных стран. Периодически институт организует международные конференции экспертов по различным вопросам борьбы с преступностью. Так, в конце 1991 года институт под эгидой Генерального секретаря Европейского Совета провел международную конференцию «Охрана прав человека при отправлении уголовного правосудия в странах Центральной и Восточной Европы» [4, с. 96—97]. Главная задача конференции: помочь обмену мнениями в области научно — практической деятельности по борьбе с преступностью; ускорить процессы правовых реформ; открыть возможности для широкого обмена мнениями между специалистами разных стран; помочь в осуществлении перехода от концепции социалистической законности к концепции правового государства. В числе основных тем для обсуждения на конференции были: структура и независимость судейского корпуса; роль прокуратуры в обеспечении режима законности и правопорядка; обеспечение права граждан на эффективную защиту и правовую помощь.

Одной из самых влиятельных международных организаций, занимающейся вопросами обеспечения сотрудничества в борьбе с преступностью, является МКО. Оно представляет собой объединение национальных институтов и специалистов. Общество было основано в Риме в 1934 году по инициативе итальянского профессора уголовной антропологии Бениньо Ди Туллио. Сегодняшнее название общество получило в 1938 году на I конгрессе в Риме. Устав МКО был принят в 1949 году. В соответствии с Уставом МКО имеет консультативный статус ООН и вторую категорию международных неправительственных организаций, а также своего постоянного представителя в ООН. С 1960 года МКО получило консультативный статус ЮНЕСКО категории «В». В качестве организации, имеющей консультативный статус ООН, МКО поддерживает деловые связи со Всемирной организацией здравоохранения и Европейским Советом, принимая участие в сессиях и конференциях этих организаций. Тесные научные контакты МКО обеспечивает с МАУП, Международным обществом социальной защиты, Международным пенитенциарным и пенологическим обществом, Международной организацией уголовной полиции (Интерполом) [4, с. 96—97].

Главная цель МКО, как это следует из Устава организации — содействовать изучению преступности на международном уровне, объединяя для этого усилия ученых и практиков — специалистов в области криминологии,

криминалистики, психологии, социологии и других дисциплин, заинтересованных в изучении преступности [3, с. 72]. Осуществляя свою деятельность, МКО организует международные конгрессы, семинары, коллоквиумы, публикует их материалы; оказывает содействие в научном обмене между национальными научными и учебными центрами; организует международные криминологические курсы повышения квалификации научных кадров; организует совместно с другими международными учреждениями и национальными научными учреждениями региональные международные криминологические центры, учреждает и назначает стипендии и премии для стимулирования и развития криминологической науки. Финансирование МКО обеспечивается членскими взносами, добровольными пожертвованиями государств, собственной издательской и иной деятельностью.

Высшим органом МКО является Генеральная ассамблея, которая собирается один раз в пять лет во время проведения международного конгресса. Административным органом общества является Руководящий совет, состоящий из 30 членов, избираемых всеми членами общества голо-

сованием по почте. В Руководящий совет входят представители всех континентов и стран, где криминология получила достаточное развитие.

Впервые на IX Конгрессе проводились семинары практикумы, на которых практические работники правоохранительных органов и ученые, обменивались своим опытом, знаниями и технологией борьбы с международной преступностью и вырабатывали соответствующие практические рекомендации [1].

Таким образом, Конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями являются важнейшими глобальными форумами по координации усилий государств, международных организаций и всего человечества по борьбе с преступностью, ее предупреждению и унификации международного уголовного права. Рекомендации Конгрессов закрепляются в резолюциях ЭКОСОС Генеральной Ассамблеи ООН, которая принимает и открывает для подписания государствами важнейших международных договоров универсального характера, направленных на борьбу с международной преступностью.

Литература:

1. Доклад IX Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Каир, 29 апреля — 8 мая 1995 г.
2. Международное уголовное право. Под ред. Панов В.П. — М., 1997.
3. Международное уголовное право Под ред. Лукашук И.И. — М., 1999.
4. Периодический обзор ООН. Т. 14. № 4. 1991.

К вопросу об определении понятия «эффективность использования государственных средств» в нормативных актах Российской Федерации

Кичикова Алта Баатровна, магистрант
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Президент Российской Федерации В. В. Путин 13 июля 2016 года в ходе заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам уже не в первый раз призвал «достигать практических результатов, кардинально повышать эффективность расходов» [1], что в условиях сокращения доходной части бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обусловленного продолжающимся экономическим кризисом, является важнейшим фактором достижения целей социально-экономического развития страны.

Анализ бюджетного законодательства Российской Федерации свидетельствует об отсутствии в нормативных актах Российской Федерации единообразного подхода к определению понятия «эффективность использования бюджетных средств».

Так статья 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации [2] (далее — БК РФ) в редакции, действовавшей до 1 января 2008 года, устанавливала в качестве принципа бюджетной системы Российской Федерации принцип эффективности и экономности использования бюджетных средств. Согласно указанному принципу при составлении и исполнении бюджетов уполномоченные органы и получатели бюджетных средств должны были исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств.

Основной вопрос, возникавший при толковании указанного принципа, заключался в том, чтобы установить, какое определение соответствует понятию «экономность исполь-

зования бюджетных средств», а какое — «эффективность использования бюджетных средств», а также каким образом соотносятся указанные определения между собой.

Примечательно, что в комментариях по указанной статье БК РФ в литературе различными авторами давались противоположные ответы на данный вопрос.

Так, А. Н. Козырин полагал, что согласно статье 34 БК РФ в редакции, действовавшей до 1 января 2008 года, «суть принципа экономности состоит в том, что уполномоченные органы и получатели бюджетных средств должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств. Эффективность предполагает достижение наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств». [3]

В свою очередь, А. Н. Борисов считал, что «эффективность использования бюджетных средств — это достижение заданных результатов с использованием наименьшего объема этих средств, а экономность использования бюджетных средств — это достижение наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств». [4]

Ряд других авторов считали, что «эффективность использования бюджетных средств подразумевает достижение наивысшего результата при выполнении какого-либо действия, мероприятия, на финансирование которого предусмотрено расходование бюджетных средств. Экономность, в свою очередь, предполагает наименьшее расходование предоставленных средств». [5]

По мнению Е. Ю. Грачевой «на стадии составления или исполнения бюджета органы исполнительной власти, которые ответственны за исполнение и составление бюджетов, должны исходить из достижения одной из двух целей: либо достижения запланированных результатов, либо достижения наилучшего результата. При достижении запланированных результатов органы исполнительной власти должны стремиться к экономии бюджетных средств, а при достижении лучшего результата по сравнению с запланированным органы исполнительной власти могут использовать полностью все средства, предусмотренные в бюджете для финансирования соответствующих мероприятий». [6]

Между тем, в международном сообществе высших органов аудита и в нормативных актах зарубежных стран существует иное определение сущности эффективности бюджетных расходов. Понятие эффективности в соответствии со стандартом ИНТОСАИ ISSAI 300 «Основополагающие принципы аудита эффективности» [7] включает три взаимосвязанных между собой аспекта: экономичность, результативность, продуктивность.

Согласно пункту 11 указанного стандарта принцип экономичности означает сокращение расходов на ресурсы. Используемые ресурсы должны приобретаться в установленные сроки, в надлежащем количестве, надлежащего качества и по наилучшей цене.

При этом общепризнанным является разделение экономичности на абсолютную и относительную. Под абсолютной экономичностью понимается достижение заданных результатов с использованием наименьшего объема средств; под относительной — достижение наилучшего результата с использованием заданного объема ресурсов.

Таким образом, в статье 34 БК РФ в редакции, действовавшей до 1 января 2008 года, по сути был закреплён принцип «экономичности использования бюджетных средств», но не принцип эффективности в целом. И если обе характеристики, приведенные в указанной редакции статьи 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации, относились к понятию «экономность использования бюджетных средств», то тогда фактически отсутствовало легальное определение сущности эффективности бюджетных расходов.

С 1 января 2008 года после принятия Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» [8] название статьи 34 БК РФ было изменено на «Принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств».

Несмотря на новое название, содержание данной статьи осталось прежним, что еще сильнее запутало понимание эффективности использования государственных средств. Произошла замена слова «экономность» на слово «результативность», а также был изменен порядок употребления в названии статьи указанных выше определений. Данное нововведение не только не решило прежних вопросов, возникавших при толковании статьи 34 БК РФ в предыдущей редакции, но и породило новый вопрос: являются ли понятия «результативность» и «экономность» тождественными.

В соответствии со стандартом ISSAI 300 принцип результативности, как один из аспектов эффективности, относится к достижению поставленных целей и запланированных результатов. В ходе оценки результативности использования государственных средств необходимо оценить степень соответствия фактических результатов запланированным, а также социально-экономический эффект, полученный от этих результатов.

Следует еще раз подчеркнуть, что в соответствии с международными актами и результативность, и экономность являются только отдельными сторонами эффективности использования средств, имеющими собственные сущностные характеристики, которые большинство ученых так и не смогли четко сформулировать при определении содержания понятий «эффективность использования бюджетных средств», «экономность использования бюджетных средств», «результативность использования бюджетных средств».

На наш взгляд, если исходить из правил формальной логики, данные сложные суждения являются конъюнктивными [9], следовательно, стоит согласиться с мнением А. Р. Валеева, согласно которому «в Бюджетном кодексе

Российской Федерации установлены два возможных варианта использования бюджетных средств, которые законодательство признает одновременно как эффективное, так и экономное использование бюджетных средств и нацеливает участников бюджетного процесса на достижение любого из этих вариантов». [10]

С учетом того, что содержание указанной статьи является сложным дизъюнктивным суждением, можно сделать вывод о том, что, если участникам бюджетного процесса удалось достигнуть заданных результатов с использованием наименьшего объема средств, это означает реализацию принципа эффективности и экономности (результативности — в редакции, действовавшей после 1 января 2008 года). Точно также и достижение участниками бюджетного процесса наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств является эффективным и экономным (результативным — в редакции, действовавшей после 1 января 2008 года) использованием бюджетных средств.

Очередное изменение статья 34 БК РФ претерпела со вступлением в силу Федерального закона от 07.05.2013 № 104-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса» [11], который изменил название статьи — «Принцип эффективности использования бюджетных средств», а также установил ее новое содержание.

Теперь принцип эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Статья 34 БК РФ в новой редакции с формально-юридической точки зрения в большей степени соответствует общемировой практике определения эффективности использования государственных средств. Однако по-прежнему остаются некоторые неразрешенные вопросы, основным из которых является вопрос соотношения статьи 34 БК РФ со статьей 37 БК РФ, которая устанавливает принцип достоверности бюджета, заключающийся в том, что показатели прогноза социально-экономического развития соответствующей территории должны быть надежными, а расчет доходов и расходов бюджета реалистичным.

Если расчеты расходов бюджета являются достоверными, то возникает закономерный вопрос: каким образом возможно реализовать принцип эффективности использования бюджетных средств? Либо произведенный расчет расходов бюджета является не реалистичным, либо любое использование бюджетных средств в соответствии с принятым законом о бюджете является неэффективным.

Принятый в 2011 году Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [12] в качестве одного из основных полномочий контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований установил контроль за результативностью (эффективностью и экономностью) использования средств региональных или местных бюджетов.

То есть авторы указанного закона, оперируя такими терминами как «эффективность», «экономность» и «результативность», устанавливают иное, отличное от установленного нормами БК РФ, их соотношение между собой. Исходя из формально-логического и грамматического толкования указанной нормы, более широким является понятие результативности использования бюджетных средств, а понятия эффективности и экономности использования бюджетных средств являются его составными частями.

По нашему мнению, подход к соотношению указанных понятий, предложенный в Федеральном законе «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», противоречит вышестоящему в иерархии нормативных актов БК РФ (статья 2 БК РФ). Следовательно, как минимум, необходимо привести положения Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» в соответствие с нормами БК РФ.

Если Российская Федерация закрепляет собственный подход к определению эффективности бюджетных расходов, отличный от общемирового, то такой подход должен быть хотя бы единообразным как на уровне федерации, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Следует отметить, что нет единого подхода к определению понятия «эффективность использования бюджетных средств» и на уровне подзаконных актов.

Так Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 гг. [13] не использует понятие «эффективности бюджетных расходов», но оперирует понятием «результативность бюджетных расходов», устанавливая, что под результативностью следует понимать соотношение между результатами деятельности и расходами на их достижение, а также степень достижения планируемых результатов деятельности.

Содержание результативности бюджетных расходов раскрывается в Методических рекомендациях по подготовке Докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования на 2006–2008 годы, [14] в которых одним из разделов доклада является «Результативность бюджетных расходов».

Согласно данным Методическим рекомендациям оценка результативности деятельности субъекта бюджетного планирования производится на основании данных о динамике

в отчетном периоде плановых и фактически достигнутых показателей деятельности (непосредственных и конечных), а также затрат в разрезе тактических задач, программ и, при необходимости, отдельных мероприятий. При проведении оценки результативности использования бюджетных средств рекомендовано использовать такие аналитические показатели как «экономическая эффективность», «общественная эффективность», «общественно-экономическая эффективность».

При этом под экономической эффективностью понимается соотношение непосредственных результатов деятельности, результатов, полученных и планируемых для достижения в рамках тактических задач, программ, программных мероприятий, с затратами на их достижение (например, затраты на строительство/ремонт 1 км автодороги).

Общественная эффективность — это соотношение общественно значимого эффекта деятельности (показателя конечного результата деятельности или его изменения) по отношению к непосредственным показателям деятельности.

Общественно-экономическая эффективность, в свою очередь, представляет собой соотношение величины достигнутого и планируемого в результате решения тактической задачи конечного общественно значимого результата и величины затрат на его достижение.

Следует отметить, что экономическая эффективность в указанных Методических рекомендациях, по сути, представляет собой принцип продуктивности использования бюджетных средств. Общественная и общественно-экономическая эффективность — не что иное, как социально-экономический эффект результатов деятельности проверяемого объекта, оценка которого проводится в рамках анализа результативности использования средств.

Эффективность никак не может быть «аналитическим показателем», применяемым для оценки результативности использования бюджетных средств. Более того, оценка результативности является составной частью оценки эффективности бюджетных расходов. Поэтому, по нашему мнению, выделение подобных «аналитических показателей» представляется необоснованным.

Согласно Программе Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года [15] государственный (муниципальный) финансовый контроль — это деятельность уполномоченных органов государственной власти (государственных органов) и органов местного самоуправления (муниципальных органов), направленная на контроль, в том числе экономности, результативности и эффективности использования средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Следовательно, исходя опять-таки из формально-логического и грамматического толкования, понятия «экономность», «результативность», «эффективность» использования бюджетных средств рассматривались как самостоятельные, не подчиненные понятия.

В 2013 году Правительством Российской Федерации была принята Программа повышения эффективности управления общественным (государственными и муниципальными) финансами до 2018 года. [16] В данной Программе активно используется термин «эффективность бюджетных расходов», но при этом не определено, что следует понимать под указанным термином.

Так, в Программе установлено, что «аудит эффективности призван дать оценку эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления с точки зрения результативности выполнения мероприятий государственных (муниципальных) программ, а также достижения конечных целей и задач данных программ в социальной, экономической или иных сферах деятельности общества». Однако оценка эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления не входит в задачи государственного финансового контроля. Указанное определение цели аудита эффективности не корректно.

Еще одна трактовка эффективности использования государственных средств дана в Методических указаниях по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации. [17] В соответствии с пунктом 10 Приложения № 2 к указанным Методическим указаниям эффективность использования средств федерального бюджета представляет собой отношение степени реализации мероприятий к степени соответствия запланированному уровню расходов из средств федерального бюджета. Однако в 2016 году Методические указания утратили силу в связи с принятием Министерством экономического развития РФ приказа от 16.09.2016 № 582 [18], в котором отсутствует понятие «эффективность использования государственных средств».

Понятия «эффективность» и «результативность» бюджетных расходов используются как самостоятельные понятия также в таких документах как Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов [19], Концепция создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет». [20]

Таким образом, как показывает проведенный анализ, различные и зачастую противоречивые определения понятия эффективности использования государственных средств, существующие на сегодняшний день в доктрине финансового контроля, обусловили отсутствие единого нормативного регулирования вопросов эффективности бюджетных расходов.

Все нормативные правовые акты Российской Федерации, устанавливающие многочисленные определения «эффективности бюджетных расходов», противоречат общепризнанным международным нормам, в соответствии с которыми понятие «эффективности использования бюджетных средств» должно строиться на определении экономичности, продуктивности, результативности использования бюджетных средств.

Отсутствие в нормативном регулировании порядка использования бюджетных средств единой терминологии, определяющей содержание эффективности бюджетных расходов, становится одной из главных причин, делающей практически невозможным разработку единых методов повышения эффективности бюджетных расходов.

Для решения указанной проблемы считаем необходимым внести изменения в статью 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми принцип эффективности бюджетных расходов означал бы, что при исполнении бюджетов участники бюджетного про-

цесса должны исходить из необходимости достижения экономности, продуктивности и результативности использования государственных средств. При этом одновременно в статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации необходимо установить легальное определение терминов «экономность», «продуктивность» «результативность» использования государственных средств, соответствующие положениям международных стандартов ИНТОСАИ. Соответствующие изменения также должны быть внесены во все иные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы эффективности бюджетных расходов.

Литература:

1. «Путин призвал кардинально повышать эффективность расходов» [Электронный ресурс] // <https://regnum.ru/news/economy/2156629.html> (Дата обращения: 16.11.2016)
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 31.08.1998 № 31, ст. 3823
3. Постатейный комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации под ред. А. Н. Козырина // подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2002
4. Борисов А. Н. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Юстицинформ, 2006.
5. Бобкова О. В., Борисов М. С., Гатин А. М., Колпаков Р. В., Никитина О. В., Романова Е. В., Степанова О. Н. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации // подготовлен для системы ГАРАНТ, 2005.
6. «Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации» (постатейный) под ред. Е. Ю. Грачевой, М., изд. Проспект, 2009
7. Режим доступа: http://www.issai.org/en_us/site-issai/issai-framework/3-fundamental-auditing-principles.htm (Дата обращения: 25.03.2017)
8. Федеральный закон от 26 апреля 2007 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 3.04.2007 № 18, ст. 2117
9. Ивлев Ю. В. Логика для юристов. Учебник, 5-е издание, М., изд. Проспект, 2016.
10. Валеев А. Р. Эффективность использования бюджетных средств: планирование и контроль (на примере Республики Татарстан) диссертация... кандидата экономических наук: 08.00.10 / Валеев Азат Рустемович; [Место защиты: Гос. науч. — исслед. ин-т систем. анализа Счёт. палаты РФ]. — Москва, 2012. — 292 с.: ил. РГБ ОД, 61 12—8/3448
11. Федеральный закон от 07.05.2013 № 104-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса» // Собрание законодательства РФ от 13.05.2013 № 19, ст. 2331
12. Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства РФ от 14.02.2011, N 7, ст. 903
13. Постановление Правительства РФ от 22.05.2004 N 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» (вместе с «Концепцией реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004—2006 годах», «Планом мероприятий по реализации Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004—2006 годах») // Собрание законодательства РФ от 31.05.2004, N 22, ст. 2180
14. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 27.06.2005 N 02-АЛ/2008 «О направлении Методических рекомендаций по подготовке Докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования на 2006—2008 годы» // СПС КонсультантПлюс
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.06.2010 N 1101-р «Об утверждении Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года» // Собрание законодательства РФ от 12.07.2010, N 28, ст. 3720

16. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2013 N 2593-р «Об утверждении Программы повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года»// Собрание законодательства РФ от 13.01.2014, N 2 (часть II), ст. 219
17. Приказ Минэкономразвития России от 20.11.2013 N 690 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации»//Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, N 17, 28.04.2014
18. Приказ Минэкономразвития России от 16.09.2016 N 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» [Электронный ресурс] //URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349561&backlink=1&&nd=102412697> (Дата обращения: 24.09.2016)
19. «Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» [Электронный ресурс] //URL: http://minfin.ru/common/upload/library/2014/07/main/ONBP_2015–2017.pdf (Дата обращения: 24.09.2016)
20. Распоряжение Правительства РФ от 20.07.2011 N 1275-р «О Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»// Собрание законодательства РФ от 01.08.2011, N 31, ст. 4773

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по реализации принципа свободы договора в предпринимательской деятельности

Колесникова Кристина Олеговна, магистрант

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье проанализированы правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и практика применения Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Ключевые слова: свобода договора, принцип диспозитивности, толкование

Актуальность анализа правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по реализации принципа свободы договора в предпринимательской деятельности заключается, прежде всего, в том, что свобода волеизъявления сторон при заключении договора является одним из основополагающих принципов гражданского законодательства. В связи с чем, основополагающим документом исследования указанного правового вопроса будет являться Постановление Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» [3], которое было принято 4 марта 2014 года и является одним из самых значимых документов в истории современного российского договорного права. Как верно заметили Карапетов А. Г. и Фетисова А. М., оно стало поворотным пунктом в развитии отечественного гражданского права, закрепив ряд важнейших и общепризнанных в мире принципов и правил, без которых трудно себе представить договорное право современного государства [5].

Кроме того, Карапетов А. Г. и Фетисова А. М. [5] достаточно точно выделяют два принципиальных разъяснения в отношении пределов свободы договора и две важные частные практические проблемы, которые были решены в Постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах». Итак, во-первых, вышеуказанное Постановление наконец разрешило вопрос о критериях квалификации норм договорного права в качестве императивных и диспозитивных. Во-вторых, закрепило диспозитивную квалификацию ст. 782 ГК РФ [1] о праве сторон договора

возмездного оказания услуг немотивированно отказаться от договора, и тем самым решена частная, но крайне острая проблема российского договорного права. В-третьих, в Постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» были даны важнейшие разъяснения в отношении методологии борьбы с навязыванием несправедливых договорных условий слабой стороне договора. В-четвертых, введен принцип толкования неясных и противоречивых условий договора по модели *contra proferentem*.

За прошедшие три года разъяснения, данные в Постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах», активно применяются в судебной практике, так как в последнее время в российской науке гражданского права все сильнее звучали голоса в пользу отхода от неписаной советской методологии квалификации норм договорного права по умолчанию в качестве императивных и перехода к общепринятой в мире практике решения этой проблемы, в связи с чем, полагаем необходимым провести анализ судебных актов и обобщить правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по реализации принципа свободы договора в предпринимательской деятельности.

Кроме того, полагаем необходимым отметить, что судебная практика все эти годы изредка допускала право сторон согласовать иное распределение их прав и обязанностей, чем было указано в норме, не содержащей «оговорки о диспозитивности» [4]. Тем не менее, до весны 2014 г. та-

кие примеры были, скорее, исключением: большинство судов автоматически признавали императивность норм договорного права, не содержащих оговорки о праве сторон согласовать иное.

В связи с чем, конечно же следует признать заслугу ВАС РФ, который в Постановлении Пленума № 16 решился сделать то, что наука и оборот ожидали уже много лет. Суд прояснил вопрос о критериях квалификации норм договорного права в качестве императивных или диспозитивных. ВАС РФ восполнил пробел в законе, закрепив эти критерии, и при этом реализовал ту методологию, которая характерна для всех европейских развитых и даже развивающихся стран.

Наибольший интерес и самые острые дискуссии при оценке указанного Постановления вызвали сформулированные в его п. п. 1–4 правовые позиции о соотношении императивности и диспозитивности правовой нормы, которые Карапетов А. Г. и Фетисова А. М. [5] кратко изложили следующим образом:

Во-первых, если в норме договорного права, определяющей права и обязанности сторон договора, есть прямо выраженная оговорка о праве сторон согласовать иное, норма является однозначно диспозитивной. И наоборот, если норма выражена как явный законодательный запрет или из ее текста иным образом недвусмысленно вытекает невозможность согласовать иное, норма считается однозначно императивной.

Во-вторых, если норма договорного права, определяющая права и обязанности сторон договора, не имеет подобных текстуальных атрибутов императивности или диспозитивности (а таких норм в российском ГК РФ большинство), то следует исходить из того, что закон не прояснил природу нормы и последняя должна определяться судом на основе телеологического толкования (т. е. толкования нормы на основе анализа ее целей). При этом важно обратить внимание на то, что речь идет только о нормах, определяющих права и обязанности сторон договора. Соответственно, право суда квалифицировать норму в качестве диспозитивной или императивной на основе телеологического толкования Постановлением Пленума № 16 признается именно в этой сфере. Речь не идет о нормах корпоративного, вещного, наследственного и иных областей частного права, не регулирующих содержание заключаемых договоров. Более того, речь не идет о нормах договорного права, определяющих требования к форме договора, порядку его заключения, существенные условия договора, или вовсе адресованных судам (ст. ст. 333, 431 ГК РФ и т. п.).

В-третьих, при кристаллизации на основе телеологического толкования природы нормы, определяющей права и обязанности сторон договора, но не имеющей четкого текстуального атрибута императивности или диспозитивности, суд должен исходить из опровержимой презумпции диспозитивности такой нормы. Эта презумпция опровергается, если из анализа смысла нормы и ее целей суду очевидно, что императивность такой нормы с неопреде-

ленным статусом (а) вытекает из существа законодательного регулирования соответствующего типа договоров; (б) предопределяется необходимостью обеспечить справедливый баланс интересов сторон или (в) направлена на защиту охраняемых законом интересов (в том числе публичных интересов, интересов третьих лиц или слабой стороны договора).

В-четвертых, если суд на основе анализа этих критериев императивности норм с неопределенным статусом приходит к выводу о наличии оснований для императивной квалификации, он должен мотивировать в решении свой выбор и объяснить, в силу каких резонов он придает норме императивное значение. Если же суд не решается отступить от данной презумпции, так как ему не очевидны резоны для императивной квалификации спорной нормы с неопределенным статусом, суду следует положиться на диспозитивную квалификацию, которая по общему правилу предполагается. В этом случае на судье не лежит бремя мотивировки своего выбора. Это в полной мере вытекает из статуса принципа свободы договора в качестве опровержимой презумпции. Выбор в пользу диспозитивной квалификации не требует мотивировки, так как диспозитивность и действие принципа свободы договора предполагаются; если же суд считает нужным квалифицировать спорную норму в качестве императивной, он должен обосновать свой вывод со ссылкой на те принципы и цели правового регулирования, которые могут оправдать такое ограничение свободы договора.

В-пятых, ВАС РФ не поставил под сомнение тот факт, что в силу п. 1 ст. 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [2] все нормы потребительского законодательства, определяющие права и обязанности сторон потребительского договора, являются строго императивными и не допускают отступление от них в сторону ухудшения положения потребителя. Иначе говоря, телеологическое толкование норм с неопределенным статусом было предписано Судом в основном в отношении сугубо коммерческих сделок, разрешение споров по которым входит в компетенцию арбитражных судов. Такое ограничительное решение абсолютно оправданно и не вызывает каких-либо возражений.

В-шестых, ВАС РФ достаточно мудро уточнил, что императивность норм с неопределенным статусом может следовать из существа законодательного регулирования отдельных видов договоров. В Постановлении Пленума № 16 не приведены конкретные примеры договорных типов, применительно к которым презумпция диспозитивности может быть перевернута и зафиксирован примат императивного метода регулирования. Но оставлена возможность при дальнейшем развитии судебной практики (в нынешних условиях — под руководством Верховного Суда) уточнить, какие конкретно договорные типы должны подпадать под режим, в котором императивная квалификация норм с неопределенным статусом должна становиться общим правилом, а диспозитивная — исключением. Как ми-

нимум имеются определенные основания для анализа целесообразности такого разворота презумпции в отношении договоров железнодорожной перевозки, энергоснабжения, государственных закупок и некоторых иных договоров, при заключении которых имеется существенный разрыв переговорных возможностей и риски серьезных злоупотреблений свободой договора.

В результате проведенного исследования, безусловно, можно сделать вывод о том, что Постановление Пленума № 16 зафиксировало отход от устаревшей советской методологии, которая слепо признавала все нормы договорного права с неопределенным статусом императивными без оглядки на наличие каких-либо оснований для ограничения конституционного принципа свободы договора.

Кроме того, закрепление в Постановлении Пленума № 16 не имеющего адекватных альтернатив алгоритма телеологического толкования является серьезным прогрессом

в развитии отечественного права и позволяет реализовать на практике позицию Конституционного Суда РФ о конституционном статусе принципа свободы договора и неконституционности любых его ограничений, которые не вытекают из необходимости защиты конкурирующих конституционных ценностей и принципов. Любое иное решение было бы принципиально нелегитимным и заслуживало бы оспаривания в Конституционном Суде РФ.

Таким образом, на сегодняшний день российской правовой системе в сфере реализации принципа свободы договора присущи проблемы максимизации императивных норм без каких-либо политико-правовых оснований, в связи с чем полагаем необходимым расширить судебское усмотрение и признать, что сделки, противоречащие закону, однозначно ничтожны, что сторона обязательства, действующая недобросовестно, не может ссылаться на недействительность или незаключенность договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 03.07.2016) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 5, май.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.11.2013 N 8498/13 по делу № А56—36566/2012 «О взыскании задолженности по оплате доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью» // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 3.
5. Карапетов А. Г., Фетисова Е. М. Практика применения арбитражными судами Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 12. — С. 146—191.

Ретроспективный анализ мошенничества

Копытова Марина Викторовна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассматривается процесс становления и развития юридической ответственности за мошенничество: от древнего Рима до 18 века. Основой исследования выступают источники российского права XVI—XX вв., а также взгляды отечественных и зарубежных правоведов.

Ключевые слова: мошенничество, деликт против собственности, карманная кража, обман, злоупотребление доверием

Для понимания современной ситуации в сфере проявления такого преступления как мошенничество, выявления тенденций его развития необходимо дать ретроспективный анализ мошенничества.

Реализация принципа историзма — это уважение к прошлому, которое подразумевает отыскание и адекватное восприятие его ценностей. Претворение в жизнь данного принципа позволяет раскрыть тенденции исторического процесса, сформулировать рекомендации практического

характера. Ведь как писал лорд Г. Болингброк, «история — это философия, которая учит нас с помощью примеров» [1, с. 11].

Как считали древнеримские юристы, любое преступление совершается или путём насилия, или путём обмана. Данные способы преступлений охватили различные сферы общественной жизни, включая имущественную, и в течение уже многих веков являются двумя самыми часто встречающимися способами и формами преступного поведения

[2]. При всём том, в римском праве основной деликт против собственности — *furtum* (воровство) расходился в современном понимании и с кражей, и с мошенничеством, и с присвоением. Его содержание было объемнее: это был деликт против имущественных прав вообще.

Отличительной чертой мошенничества являются два альтернативных способа совершения указанного преступления, а именно — обман и злоупотребление доверием.

Обман как способ завладения имуществом был известен еще законодателям Древнего Рима, которые четко определяли мошенничество, дифференцировали его на виды. *Dolus*, обман, мошенничество вошел в ряд деликтов со времени введения претором и известным юристом Аквилем Галлом в 66 г. до н. э. инфамирующего иска, который был направлен на простое возмещение причиненного обманом вреда [3, с. 316]. Порой для избежания инфамирующих последствий этого иска, иск инфамирующий заменялся простым *actio in factum* (иском, основанным на описании фактических взаимоотношений сторон).

По причине недостаточной определенности понятия инфамирующего иска под это понятие подводили довольно разнообразные отношения, и данный вид иска зачастую использовался юристами в случаях, когда затруднительно было подобрать другой подходящий иск [3, с. 317]. Таким образом, мошеннический обман в данный период времени хоть и определялся как самостоятельный вид обмана, но не отличался при квалификации от иных преступлений, совершаемых в какой-либо мере с помощью обмана. Следовательно, мошенничество на данной стадии еще в полной мере не образует автономно существующего деяния.

В Русском государстве мошенничество как самостоятельный вид преступления появляется гораздо позже. Мошенничество — это преступление цивилизованное, которое возникло в ряду наказуемых деяний лишь при существенном развитии экономического оборота. Указанные посяательства зарождаются и получают распространение по мере развития договорных отношений, экономическую основу которых составляют общественное разделение труда, господство обмена и товарно-денежных отношений, развитие торговли [4, с. 9].

Первое закрепление корыстного злоупотребления доверием, которое каралось в уголовном порядке, находим в ст. 47 Пространной редакции Русской Правды (XI—XII вв.), где говорилось, что «человек, который обманом получил деньги и пытался скрыться в другой земле, не может пользоваться доверием, так же, как и вор [5, с. 69]. Понятие мошенничества отсутствовало в данном законодательном акте, что свидетельствует лишь о первоначальном этапе понимания данного преступления российскими законодателями.

Дальнейшее закрепление мошенничества в качестве преступления датируется 1550 годом. Именно в этом году Судебник Ивана Грозного впервые в ст. 58 затронул понятие мошенничества, способом совершения которого и до настоящего времени остается обман.

Преимущественно, в этот период противоправными признавались и наказывались обманы в долговых отношениях, торговые обманы в качестве и количестве продаваемых товаров, скоморошество, игра в карты, лодыги, шахматы, лжесвидетельство и другое [2].

Профессор И. Я. Фойницкий считал, что Судебник 1550 года под мошенничеством понимает не современное значение этого понятия, а карманную кражу. Ведь этимологически понятие «мошенничество» образуется от слова «мошна», что на старорусском языке означает «карман, сумка для денег». Под мошенничеством подразумевалась ловкая кража из такой сумки [6, с. 178]. Следовательно, обман использовался для облегчения совершения «татьбы — кражи», т. е. и в данном правовом акте обман как способ совершения мошенничества не приобретает самостоятельного значения.

Следует также учитывать, что законодатель того времени не мог сразу просто так установить общие начала наказуемого обмана, так как таким изменением он открыл бы «широкое поле для ябедничества и доносительства, которое было бы чрезвычайно опасно ввиду неокрепших ещё в судах разумных состязательных процессуальных принципов, да и ход исторического развития не позволял этого сделать» [7, с. 54].

Позднее ответственность за мошенничество была установлена Соборным уложением 1649 года. Состав мошенничества был закреплён в данном нормативном акте, однако способ совершения раскрыт не был. Понятие его автоматически понималось таким же, как в Судебнике 1550 г. Здесь значительно усилено наказание за совершение этого преступления, впервые появляется за это деяние наказание в виде лишения свободы [8, с. 91].

18 век привнёс в историю русского уголовного права два направления относительно признания обмана уголовно-наказуемым деянием: а) обман охватывается мошенничеством как общее понятие; б) в уголовном законодательстве существуют самостоятельные случаи обмана ввиду их исторического происхождения.

Доказательством этого является Указ Екатерины II от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов», в котором вводились три вида корыстных имущественных преступлений: воровство-кража, воровство-мошенничество и воровство-грабёж. Мошенничеством охватывалось:

- 1) карманная кража на торгах или в многолюдных собраниях;
- 2) внезапное похищение чужого имущества, рассчитанное на ловкость деятеля, а не на испуг потерпевшего;
- 3) завладение имуществом посредством обмана.

Бесспорная ценность данного законодательного акта состоит в том, что в нём упоминается, хотя и в качестве альтернативного, такой сущностный признак мошенничества, как обман [9, с. 75].

Постепенно теория нормального благоразумия, согласно которой во всяком обществе встречаются лживые

уверения, до того вошедшие в обычай, что им никто не верит, подменяется теорией индивидуального благоразумия, или обязательной личной осмотрительности. Суть последней заключается в том, что обман надлежит связывать с личностью самого обманутого, а не с нравами и обычаями среды, где обман происходил. Иначе обман, от которого можно было бы уберечься при обычной для потерпевшего осмотрительности, не должен быть наказуем [10, с. 23].

Данная теория была предложена немецким учёным-юристом Генером, который предполагал, что требование уголовного наказания за мошенничество, когда обманутому лицу причиняется ущерб вследствие его доверчивости и небрежности к собственным интересам, может быть объяснено лишь смещением начал уголовного права и морали. При формировании данной теории были положены известные формулы древнеримского права: «Законы служат тем, кто бодрствует, а не дремлет»; «Право пишется лишь для бдящих, заботящихся о своих интересах» [10, с. 31].

Важной особенностью имущественного обмана также следует признать смещение корыстной цели в сторону получения виновным имущественной выгоды. При обмане деятельность лица была связана с введением в заблуждение потерпевшего, причём обманщик должен был сам ввести лицо в заблуждение или, по крайней мере, укрепить его в нём. Имущественный ущерб также являлся неотъемлемым признаком наказуемого обмана, однако не всегда и не везде [11, с. 76].

В последующем законодатель стабильно выделяет мошенничество как самостоятельный вид преступления против собственности и детально прописывает отдельные его характеристики. Так, в Уложении о наказаниях уголовных

и исправительных 1845 г. законодатель довольно подробно регулирует состав мошенничества как вид преступного посягательства против собственности. Эти вопросы находят отражение в Разделе двенадцатом «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» в Главе третьей «О похищении чужого имущества» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Необходимо обратить внимание, что конструкция состава мошенничества в дальнейших, после издания Уложения в 1845 г., редакциях практически не менялась, и, учитывая, что нормы Уголовного уложения 1903 г. о преступлениях против собственности так и не было введено в действие, можно констатировать, что состав мошенничества, сформулированный в 1845 г., сохранялся до падения империи в 1917 г. [12, с. 68].

Таким образом, исторический опыт развития и становления системы уголовного законодательства показывает, что представления об уголовно-правовом понятии мошенничества неоднократно менялись, образовав ряд научно-теоретических и практических проблем.

На всём протяжении исторического развития изменения в экономической сфере приводили к существенному усложнению имущественных отношений. Расширение сферы жизнедеятельности общества в свете новых социально-экономических условий в России повлекло за собой появление нетрадиционных форм мошенничества, что потребовало их осмысления и совершенствования правоприменительной практики. Делается логичный вывод, что понятие мошенничества — сложное, безусловно требующие научного исследования. Ретроспективный анализ даёт возможность проанализировать истоки этого понятия и выявляет новые возможности для его осмысления.

Литература:

1. Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М. 1978. — С. 11. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.twirpx.com/file/907772/>.
2. Хилута В. В. Мошенничество в историко-правовом аспекте // Вестник ТИСБИ. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1299666> (дата обращения: 23.01.2017).
3. Покровский И. А. История Римского права. СПб: издательско-торговый дом Летний сад. 1999, 527 с.
4. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара: Издательство «Самарский университет» 2002. 359 с.
5. Российское законодательство X—XX веков: в 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. 432 с.
6. Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: Сравнительное исследование. СПб.: Лань, 2014. 549 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/46357>.
7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции: Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994.
8. Упоров И. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. 1998. № 9. С. 86—91.
9. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. Учебно-практическое пособие / Кочои С. М. — 2-е изд., доп. и перераб. — М., 2000. — 288 с.
10. Елисеев С. А. Преступления против собственности по Уголовному уложению 1903 г. // Сибирский юридический вестник. 2001. № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://law.isu.ru/ru/science/vestnik/index.html> (дата обращения: 23.01.2017).
11. Клепицкий И. А. Мошенничество и правонарушения гражданско-правового характера // Законность. 2012, № 3.
12. Лукин В. К., Хуако Х. Ш. Хищение имущества в форме мошенничества в истории России // Вестник КСЭИ. 2015. № 4. С. 68.

Специалист по судебному администрированию: истоки и становление службы

Махова Дарья Сергеевна, студент
Рязанский педагогический колледж

Наруцкая Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Рязанский филиал Московской академии экономики и права

В статье предпринята попытка определить истоки службы судебного администрирования. Проанализированы нормы Псковской судной грамоты, Судебника 1497 года, положения судебной реформы 1864 года и последующее законодательство в части регулирования деятельности лиц, обеспечивающих судопроизводство. Определены основы современного правового регулирования деятельности специалистов по судебному администрированию.

Ключевые слова: суд, пристав, подъячий, дьяк, специалист по судебному администрированию

Вопросам судопроизводства исторически уделяется значительное внимание, но государственное регулирование и научная аналитика главным образом направлены на саму систему судов, на порядок и принципиальные основы судопроизводства. Деятельность лиц, способствующих осуществлению судебного процесса, обеспечивающих его надлежащее производство, первоначально лишь фрагментарно, опосредованно регулировалась нормами права. Изначально такие функции частично выполнялись приставами, чему мы находим подтверждение в нормах Псковской судной грамоты. Например, согласно ст. 25 указанного акта приставы вызывали в суд ответчика, при его неявке, доставляли силой, в соответствии со ст. 50 Псковской судной грамоты приставы занимались написанием повесток и обвинительных приговоров [1, с. 29, 31]. При выполнении отдельных функций по содействию судебному процессу, основное назначение приставов всё-таки заключалось в исполнении судебных решений.

Согласно положениям Судебника 1497 г. на Руси в суде велся протокол заседания, вызовы в суд осуществлялись специальными грамотами, судебные решения оформлялись «правой» грамотой. На первый взгляд все эти действия понятны и не требуют дополнительных пояснений, но возникает ряд вопросов: как и кто вел протокол заседания? какая нам известна информация о специальных грамотах? (сейчас в России вызов в суд осуществляется повесткой, а на Руси специальными грамотами), кто писал решение судьи (правую грамоту)? То есть многие функции, которые сейчас выполняют секретари, специалисты по судебному администрированию, ранее исполняли определенные люди, но их правовой статус не был урегулирован отдельным актом и лишь некоторые положения Судебника 1497 года позволяют нам определить лицо в чьи обязанности входили вышеперечисленные функции.

Так, п. 15 Судебника 1497 года гласил: «А от (оформления) правой грамоты взыскивать от (приложения) печати с (каждого) рубля (исковой суммы) по девяти денег, а дьяку от подписи (грамоты) с (каждого) рубля по алтыну, а подъячему, который напишет правую (грамоту) (выделено авторами), взыскивать с (каждого) рубля по три деньги» [1, с. 37]. Таким образом, из п. 15 Судеб-

ника 1497 года следует, что решение судьи оформляет (записывает) подъячий. В его же функции входила запись судебных решений в протокол (см. п. 16 Судебника 1497 г.).

Согласно п. 17 Судебника 1497 г. бояре занимались оформлением правых и отпусковых грамот, а подъячие записывали эти грамоты: «А от (оформления) правой грамоты и отпусковой (на холопа и рабу) боярину взыскивать от печати с холопа и с рабы, с (каждой) головы (человека не свободного состояния) по девяти денег, а дьяку от подписи — по алтыну с головы, а подъячему, который грамоту правую напишет или отпусковую, — с головы по три деньги» [1, с. 37].

Подъячие выполняли и иные обязанности по содействию судебному процессу: записывали приговор суда (п. 22, 23 Судебника 1497 г.). Из п. 24. Судебника 1497 г. следует, что при судебных разбирательствах, попадающих под юрисдикцию именно князя, оформлением (печать) протокола занимается печатник князя, а решение на списке (протоколе) уже записывает подъячий. Содержание пунктов 25 и 28 Судебника 1497 г. позволяет констатировать, что подъячий обычно занимался оформлением и записью различных грамот.

Помимо подъячих запись правовых грамот возлагалась и на дьяка. П. 40 Судебника 1497 г. гласил: «А от (оформления) правой грамоты взыскивать боярину или сыну боярскому, за которым кормление с правом боярского суда, с (каждого) рубля (суммы иска) по два с половиной алтына от (приложения) печати; то ему (наместнику) и с тиуном; а дьяку, который грамоту правую напишет, от письма с (каждого) рубля взыскивать по три деньги...» [1, с. 40]. Таким образом, оформлением приговора занимались бояре, наместник с тиуном занимались печатью, а дьяк в свою очередь записывал правую грамоту данного вида.

Судебная реформа 1864 года внесла достаточно большие коррективы в состав лиц обеспечивающих судебный процесс: штат сотрудников был значительно увеличен и в его состав входили такие сотрудники, как секретари, помощники, судебные приставы, архивариусы и т. д. А. М. Юнусов в своём диссертационном исследовании отмечает: «В канцелярии суда проходили службу секретари, их помощники... По совместительству помощники секретарей исполняли дополнительные обязанности (кассиры, переводчиков и т. д.).

Например, при Оренбургском окружном суде состояло два секретаря: по одному в каждом отделении, пять помощников, один из которых исполнял обязанности заведующего кассой и смотрителя здания. Ещё в процессе реализации реформы мнением Государственного Совета, утверждённым 14 июня. 1870 года, была введена должность архивариуса...» [2, с. 104–105].

Секретари, помощники, кассиры, переводчики — все эти лица содействовали деятельности суда. Их состав и численность постоянно менялись, корректировались, возникали новые должности, например, в структуре суда появляется отдельное лицо, отвечающее за доставку корреспонденции и повесток — курьер.

К сотрудникам аппарата суда предъявлялись достаточно высокие требования. А. М. Юнусов указывает, что «на должности секретаря и его помощника принимались только лица, имевшие высшее юридическое образование, независимо от формы его получения (очная, экстернат), или опыт правоприменительной деятельности» [2, с. 109]. Каждое должностное лицо, служившее в суде, относилось к определенному классу. В соответствии с Табелем о рангах судебные приставы, секретарь окружного суда находились в восьмом классе и получали соответствующее жалование. «Для секретаря окружного суда размер содержания устанавливался 1200 рублей; архивариуса — 1000 рублей, переводчика и помощника секретаря — 600 рублей...» [2, с. 117].

В процессе судебной реформы 1864 года на законодательном уровне было ограничено право судебных чиновников совмещать должности государственной службы. Исключения были сделаны только в отношении помощников секретарей судов, которые одновременно с выполнением своих основных обязанностей могли занимать должности архивариусов либо переводчиков.

Таким образом, в истории российского государства обязанности по судебному администрированию возлагались на различных лиц: на приставов, подъячих, дьяконов, секретарей, помощников и т. д. Значительно позже законодатель пришёл к пониманию о необходимости урегулирования деятельности аппарата суда отдельными нормами.

В законодательстве советского периода появляется понятие «аппарат суда» и более конкретно, чётко распределяются обязанности между сотрудниками по обеспечению судебного процесса. Ст. 26 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР», в частности, гласила: «Председатель районного (городского) народного суда руководит работой аппарата суда». В ст. 78 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. определялась структура и штатная численность аппаратов судов РСФСР. В ней указывалось целевое предназначение аппарата суда, которое заключалось в обеспечении работы судов по осуществлению правосудия, обобщению судебной практики и иной деятельности в судах. В ст. 78 указанного закона мы находим наименование отдельных сотрудников аппарата суда: «...Для проведения работы по изучению, обобщению судебной практики и ана-

лизе судебной статистики, систематизации и пропаганде советского законодательства и выполнению других функций, связанных с деятельностью Верховного Суда РСФСР, в составе аппарата Верховного Суда РСФСР образуются отделы и другие структурные подразделения. Начальники отделов, других структурных подразделений и их заместители являются старшими помощниками или помощниками Председателя Верховного Суда РСФСР. В Кассационной коллегии, судебных коллегиях и отделах Верховного Суда РСФСР состоят главные и старшие консультанты, консультанты, инспектора, а также другие служащие и младший обслуживающий персонал».

Ныне действующий Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» достаточно лаконично и точно определяет основное назначение аппарата современного суда: обеспечение деятельности суда (см. ст. 30). В ст. 32 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» определено, что аппарат суда осуществляет обеспечение работы суда и подчиняется председателю соответствующего суда. Работники аппарата суда являются государственными служащими, им присваиваются классные чины и другие специальные звания.

Современный институт администраторов суда получил своё законодательное закрепление в результате принятия Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации». Цель создания института администраторов суда состояла в стремлении освободить председателей судов и самих судей от выполнения ряда несвойственных им обязанностей в области организационного обеспечения работы судов. Такая деятельность находится вне рамок процесса осуществления правосудия, а значит, должна выполняться не судьями, а иными лицами, которых в нормах обозначены как администраторы суда.

Область профессиональной деятельности специалистов по судебному администрированию достаточно широка, это и организационно-административная деятельность по созданию условий для осуществления правосудия в Российской Федерации, а также правовое, информационное, организационно-техническое обеспечение судебной деятельности.

Основные полномочия администратора суда перечислены в ст. 19 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации». Специалисты по судебному администрированию осуществляют деятельность в области документооборота в суде и документированию информации суда; по информационному обеспечению деятельности суда; по техническому обеспечению деятельности суда; занимаются обобщением судебной статистики.

Администратор суда непосредственно подчиняется председателю соответствующего суда и выполняет его распоряжения. Методические рекомендации по организации деятельности администраторов судов утверждены Генеральным

директором Судебного департамента при Верховном Суде РФ 24 ноября 2009 г.

Современная система обеспечения судопроизводства является достаточно прогрессивной, но её развитие не останавливается на достигнутом, что подтверждается, в частности, внедрением в процесс элементов «электронного пра-

восудия», в рамках которого всё активнее применяются современные информационные технологии. Такое развитие, естественно, предъявляет всё большие требования к специалистам по судебному администрированию, подготовку которых осуществляет ряд учебных заведений России, в том числе Рязанский педагогический колледж.

Литература:

1. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: ООО «ТК Велби», 2002. — 472 с.
2. Юнусов А. М. Организационно-правовые основы формирования и деятельности окружных судов в механизме реализации судебной реформы 1864 года (на материалах Южного Урала): диссерт. канд. ... юрид. наук. Челябинск, 2011. — 205 с.

Общее собрание акционеров в Российской Империи XIX века

Моисеев Артемий Николаевич, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В настоящей статье рассматривается общее собрание акционеров в Российской Империи XIX века. Для выделения основных положений регламентации его деятельности автор обращается к различным источникам, как-то: нормативные правовые акты, уставы акционерных обществ, а также доктринальные исследования юристов указанного периода. На основании изученных материалов делается вывод о том, что Общее собрание акционеров имело достаточно обширный объем полномочий, однако, исходя из наблюдений за его деятельностью, некоторые юристы относились к нему весьма скептически.

Ключевые слова: общее собрание акционеров, корпоративное право, законодательство российской империи, управление акционерным обществом

Согласно Своду законов Российской Империи [1, с. 434—436] управление акционерной компанией непосредственно возлагалось на её правление. Вместе с тем, указанный документ регламентировал, что некоторые вопросы в обязательном порядке должны были быть вынесены и решены на общем собрании. При этом законодатель лаконично определил круг вопросов, выносимых на обсуждение общего собрания «теми, которые требуют общего согласия акционеров» [1, с. 435]. К таковым относятся назначение запасного капитала общества, распределение дивидендов, назначение членов правления и прочие. Следует отметить, что в приведенном законе, из пункта «Д) Порядок внутреннего управления компанией» регламентации общего собрания акционеров отведено всего три статьи из одиннадцати. Вероятно, такое сравнительно небольшое количество норм по данному вопросу можно объяснить другим положением, встречающимся несколько ранее в этом документе, которое гласит, что состав и образ действия каждой компании определяются их уставами [1, с. 428—429].

Таким образом, для получения более подробной информации необходимо обратиться непосредственно к уставам акционерных обществ. Анализируя данные уставы, можно прийти к выводу, что Общие собрания акционеров в наши дни имеют не столь много отличий в сравнении с их дореволюционными предшественниками.

Так, уже в то время Общие Собрания акционеров делились на обыкновенные и чрезвычайные [2, с. 162]. Различие между ними было в том, что, как понятно из названия, обыкновенные общие собрания проходили согласно заранее установленному графику, но не реже одного раза в год, а собрания чрезвычайные могли созываться как правлением акционерного общества, так и определенным уставом числом акционеров [4, с. 277]. Отметим некоторые примечательные положения, предусмотренные уставами обществ. Уставом общества вводился кворум акционеров, в случае, если число акционеров было меньше него, собрание признавалось несостоявшимся и назначалось вторичное собрание [2, с. 166]. Акционеры могли передать свое право голоса по доверенности, в начале собрания производился пересчет лично присутствующих акционеров, а также представителей с указанием имеющихся у них голосов. Длительность заседания собрания не была установлена, оно могло длиться как один день, так и несколько. Вопросы, выносимые на общее собрание, принимались простым или квалифицированным числом голосов, в зависимости от важности принятого решения. Постановления общего собрания были обязательны для всех акционеров, как присутствовавших, так и отсутствующих, как согласившихся, так и возражавших против его принятия. Однако, акционер, отсутствовавший на собрании,

либо голосовавший против его принятия мог оспорить такое постановление в суде и признать его ничтожным в случае нарушения устава, либо закона. В таком случае, иск предъявлялся непосредственно к юридическому лицу [2, с. 173]. Говоря об исках акционеров, также следует отметить, что они не отвечают по искам кредиторов компании, тем не менее, они несут ответственность друг перед другом. То есть одна группа акционеров, которая не принимала участие в принятии того или иного решения, которое привело к ухудшению положения общества имеет право подать иски к акционерам, принявшим такое решение. Однако такие иски были скорее исключением в Российской Империи [2, с. 174].

Голоса акционеров были пропорциональны количеству имеющихся у них акций. Пропорция была не строгая, выражалось это в том, что число голосов увеличивалось несколько медленнее, чем число имеющихся акций, также зачастую устанавливался потолок имеющихся у одного лица голосов [2, 168]. Но в то же время у акционера, обладающего числом акций меньше установленного значения, могло не быть права голоса вовсе, однако у них было право присутствовать на общем собрании [2, 167].

Уведомление акционеров и их созыв осуществлялся путем публикации в местных ведомостях. В опубликованной заметке должны были содержаться, как время и место проведение Общего собрания, так и вопросы, которые будут вынесены на обсуждение. Отметим, что повестка дня формировалась правлением общества, иных способов вынести вопрос на обсуждение не было.

Если же говорить непосредственно о компетенции Общего собрания акционеров в Российской Империи XIX века, то опять же, обращаясь к уставам, можно выделить некоторые основные полномочия:

1) Рассмотрение отчета, представленного правлением общества, а также рассмотрение отчета Ревизионной комиссии, если таковая была учреждена. В случае утверждения отчета, по результатам такого рассмотрения Правлению назначалось вознаграждение.

2) Также на Общем собрании акционеров утверждались сметы распределения денежных средств на выплату дивидендов, текущие траты Правления для деятельности предприятия и иных расходов на следующий год. Важно отметить, что суммы расходов Правления могли быть увеличены также на Общем собрании акционеров.

3) Еще одной важнейшей функцией Общего собрания является избрание членов Правления общества, а также членов ревизионной комиссии. Также размер их вознаграждения устанавливается на Общем собрании.

4) Помимо прочего, на Общем Собрании акционеров рассматривались вопросы изменения устава, а также вопросы прекращения деятельности общества. Однако такие решения не имели юридическую силу, пока не были утверждены Правительством Российской Империи.

5) Иные вопросы текущей деятельности акционерного общества, как то: определение цены облигаций, утвержде-

ние сделок с недвижимым имуществом, вопросы открытия филиалов общества и прочие.

В то же время, нельзя не отметить тот факт, что некоторые, казалось бы, крайне важные решения, выносимые на Общее собрание, могли быть приняты и самим Правлением в случае крайней необходимости, если уставом предусмотрен такой механизм.

Кроме того, некоторые юристы того времени весьма скептически относились к общим собраниям акционеров. Для рассмотрения данной проблемы можно обратиться к труду Льва Иосифовича Петражицкого «Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. По поводу предстоящей реформы акционерного права» 1898 года. В нем, автор анализирует существовавшие мнения относительно значения и результативности общих собраний акционеров. Одна группа юристов полагала, что Общее собрание акционеров, как орган, полностью себя дискредитировало. Представитель данной точки зрения Ф. Гехт указывал, что собрания являются «ареной для ораторских упражнений директоров» [3, с. 159]. Причиной тому служит пассивность самих акционеров, а также их застенчивость и пиетет перед Директорами, а также злоупотребление последними своими правами и осведомленностью в делах компании. Более того, уже тогда были схемы, по которым перед голосованием акции компании, находящиеся в свободном обороте, приобретались Директорами и впоследствии передавались доверенным лицам, чтобы те, в свою очередь, проголосовали так, как им скажут. Для противодействия подобным инсинуациям, уставами некоторых обществ, регламентировалось положение, согласно которому, право голоса возникало лишь по прошествии некоторого времени. При этом, такое ограничение не распространялось на случаи, когда фиктивная передача акций не предполагается, например, приобретение акций по наследству или в качестве приданного [2, с. 169]. Также встречались случаи, когда протокол собрания, который должен был в обязательном порядке заверяться нотариально, был составлен и заверен до проведения самого собрания. Иными словами, по мнению многих, в том числе и иностранных юристов Общее собрание акционеров представляло собой фикцию и де-факто практически не имело никакой власти.

В тоже время были и те, кто с такой точкой зрения не был согласен, Л. И. Петражицкий отмечал, что он как раз, видел противоположные примеры деятельности общего собрания, которые были переполнены активно участвующими в жизни общества акционерами [3, с. 160]. При этом он допускал, что на некоторых этапах жизни акционерного общества собрания могут носить формальный характер и на самом деле приниматься правлением, а не акционерами. Такая ситуация свойственна недавно учрежденному акционерному обществу, когда и первые акционеры, и члены правления — одни и те же люди. В такие периоды даже хищения средств правлением общества у предприятия нельзя назвать деликтом, так как фактически эти люди

забирают средства у самих себя, и они могут совершенно легально оформить такое изъятие денежных средств выплате себе выписать себе вознаграждение в каком угодно размере. Но в данном случае, конечно, не должны нарушаться интересы прочих учредителей, а также ухудшаться положение самого общества.

Подводя итог можно сделать следующий вывод, не смотря на то, что общее собрание акционеров было од-

ним из двух основных органов управления акционерного общества в Российской Империи, а также большим объемом полномочий. На практике оно имело достаточно много проблем, которые привели к тому, что некоторыми он воспринимался, как фикция, однако, существовали и противоположные также логично обоснованные точки зрения, что делает оценку деятельности данного органа в Российской Империи XIX века неоднозначной.

Литература:

1. Свод законов Российской Империи том. X, часть 1, книга 4 Об Обязательствах по договорам, раздел № 3 об обязательствах по договорам на имущ. в особенности — СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. — 604 с.
2. Писемский П. Акционерные компании с точки зрения гражданского права — М.: Типография Грачева и Ко, 1876. — 231 с.
3. Петражицкий Л. И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционеров компаний в народном хозяйстве. По поводу предстоящей реформы акционерного права. — СПб.: Типография Министерства Финансов, 1898. — 220 с.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. — СПб.: Типография правительствующего Сената, 1863

Способы защиты исключительного права на товарный знак

Москвитина Анастасия Олеговна, магистрант

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В статье проанализированы способы защиты исключительного права на товарный знак.

Ключевые слова: *товарный знак, способы защиты права на товарный знак*

Среди способов защиты исключительного права на товарный знак выделяются меры ответственности. По общему правилу они подлежат применению при наличии вины нарушителя. Итак, нарушителям исключительных прав на товарные знаки и иные средства индивидуализации грозит привлечение к гражданско-правовой (статья 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации [4]), уголовной (статья 180 Уголовного кодекса Российской Федерации [2]) и административной ответственности (статья 14.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [3], статьи 14.4—14.6 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5]).

Согласно статье 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации основными способами защиты исключительного права на товарный знак являются: изъятие из оборота и уничтожение контрафактных товаров, упаковок, этикеток; удаление рекламы, содержащей товарный знак; возмещение убытков, причиненных правообладателю; уплата компенсации в размере до пяти миллионов рублей.

Далее остановимся подробнее на каждом из способов защиты исключительного права на товарный знак.

Итак, относительно изъятия из оборота и уничтожения контрафактных товаров, следует сказать, что в соответ-

ствии со статьями 1515 и 1519 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] контрафактными являются товары, этикетки, упаковка товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, а также незаконно использованы наименования мест происхождения товаров или сходные с ними до степени смешения обозначения.

Следует согласиться с Гориным Е., который говорит о том, что введение на рынок контрафактных товаров приводит к имущественным потерям правообладателей котированных товарных знаков:

- снижается потребительский спрос, так как, используя чужой товарный знак, нарушитель переманивает на свою сторону потребителей оригинального товара;
- правообладатель лишается прибыли, которую мог бы получить от предоставления доступа к бренду-активу и связанной с ним клиентской базе, деловой репутации;
- страдает репутация при покупке низкокачественных контрафактных товаров;
- затраты на новые маркетинговые кампании для возвращения доверия потребителей к продукту [8, с. 4].

Из анализа судебной практики, мы пришли к выводу о том, что привлечь к уголовной ответственности лиц, продающих контрафактный товар, крайне сложно, так как согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [7] для привлечения к уголовной ответственности по части 1 статьи 180 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо установить, что лицо неоднократно незаконно использовало чужой товарный знак или одновременно использовало больше двух чужих товарных знаков на одной единице товара. При этом многократное нанесение чужого товарного знака на товары, входящие в одну партию, не образует признака неоднократности совершения преступления.

Таким образом, уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за незаконное использование товарного знака, не обеспечивает защиту исключительных прав на средства индивидуализации в полной мере: во-первых, в связи со сложностью доказывания факта неоднократности; во-вторых, ввиду отсутствия единообразия в применении.

Далее скажем о таком способе защиты исключительного права на товарный знак как удаление рекламы, содержащей товарный знак. Итак, российская практика по делам об использовании товарных знаков в поисковой рекламе в настоящее время не позволяет правообладателям эффективно бороться с использованием принадлежащих им товарных знаков в качестве ключевых слов для поисковой рекламы. Тем не менее, существует вероятность того, что сложившаяся практика в дальнейшем может быть пересмотрена и российские суды начнут признавать вероятность смешения как минимум в тех случаях, когда использование товарных знаков третьих лиц в качестве ключевых слов сопровождается явным намерением рекламодателя выдать себя за правообладателя или его уполномоченного представителя. Представляется, что эффективным средством защиты в делах такого рода также может стать обращение в Федеральную антимонопольную службу при наличии в действиях, связанных с использованием товарных знаков в качестве ключевых слов, признаков недобросовестной конкуренции (например, при наличии явно необоснованного и недобросовестного использования деловой репутации иного лица, его товаров или услуг).

Кроме того, следует допустить, что в связи с формальным изменением норм, регулирующих основания ответственности рекламодателей за нарушения исключительных прав, правообладатели смогут более эффективно взаимодействовать с поисковыми системами, в связи с чем у правообладателей появляется возможность добиваться удаления связанной с нарушениями, но непосредственно не содержащей их рекламы через суд на основании новой редакции статьи 1250 Гражданского кодекса Российской Федерации.

С другой стороны, несбалансированный подход, при котором на поисковые системы может быть возложена обязанность осуществлять предварительную проверку рекламных объявлений на предмет возможного нарушения исключительных прав, недопустим. И это обязательно должно приниматься во внимание судами при вынесении решений по делам о пресечении действий, создающих угрозу нарушения исключительных прав.

Что касается возмещения убытков, причиненных правообладателю, то здесь необходимо сказать о Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» [6], которым указанные нормы признаны частично не соответствующими Конституции РФ [1] применительно к пункту 3 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором установлено, что в Арбитражный суд Алтайского края поступили иски о возмещении убытков к нескольким индивидуальным предпринимателям по вопросу незаконного распоряжения ими исключительными правами, в связи с чем истцы в качестве защиты нарушенных прав избрали не возмещение убытков, а компенсацию, которая теоретически существенно превышает размер понесенных заявителями убытков.

По мнению Еременко В. И. [9, с. 22], существующие санкции, в частности невозможность уменьшения их размера судами ниже установленного предела, нарушают принцип разумности и справедливости в вопросе пределов ответственности нарушителей и ее соответствия причиненным убыткам, по следующим основаниям.

Гражданское законодательство предоставляет право автору или иному правообладателю исключительного права на произведение (подп. 1 ст. 1301 ГК РФ), объекта смежных прав (подп. 1 ст. 1311 ГК РФ) и товарного знака (подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ) потребовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере не менее 10 000 руб.

Полагая, что указанные нормы противоречат ряду статей Конституции РФ, определяющих права и свободы человека и гражданина, заявители обратились в Конституционный Суд РФ с заявлением о проверке законности спорных положений ГК РФ.

Противоправность указанных норм, по мнению заявителей, выражается в том, что они устанавливают тот минимум ответственности, ниже которого санкции быть не могут. Следовательно, у суда отсутствует возможность отразить в своем решении учитываемые в каждом конкретном деле обстоятельства. Наиболее выражает это пункт 3 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации, возлагающий на суды обязанность устанавливать размер компенсации за нарушение прав в отношении каждого объекта и не позволяющий уменьшать ее ниже установленного предела.

Лицо, чье право нарушено, вправе требовать с нарушителя возмещения всех понесенных убытков, размер которых должен быть установлен с разумной степенью достоверности исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению. Однако специфика правоотношений, связанных с использованием интеллектуальной собственности, зачастую не позволяет установить ни точную, ни приблизительную величину убытков. Например, ни автор, ни исполнитель, ни иной правообладатель физически не в состоянии контролировать воспроизведение, продажу или иное использование, скажем, песни или фильма. Равно как и обладатель товарного знака не в состоянии отследить его использование недобросовестными предпринимателями.

Законодатель устранил этот пробел, включив альтернативный способ ответственности в виде компенса-

ции, не требующей от правообладателя доказывать размер понесенных им убытков. Согласно пункту 3 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации размер компенсации определяется судом в пределах санкций, установленных соответствующей нарушению статьей Гражданского кодекса Российской Федерации, в том числе упомянутыми ранее статьями 1301, 1311 и 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Помимо этого, если одним действием ответчика были нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности, размер компенсации устанавливается судом за каждый такой результат. Однако, если все эти объекты интеллектуальной собственности принадлежат одному лицу, размер компенсации может быть установлен судом ниже установленных пределов, но не менее половины минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
5. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3434.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 52 (Часть V). — Ст. 7729.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2007. — № 7, июль.
8. Горин Е. Новая стратегия борьбы с контрафактом // ЭЖ-Юрист. — 2017. — № 5. — С. 4.
9. Еременко В. И. Правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно компенсации за нарушение исключительных прав // Адвокат. — 2017. — № 1. — С. 20–25.

Об актуальности исследования основных направлений совершенствования раскрытия и расследования квартирных краж

Набиев Самир Фаигович, магистрант
Тюменский государственный университет

В настоящее время в Российской Федерации категория имущественных преступлений является одной из самых распространенных. Так, согласно официальным сведениям, предоставленным МВД России, почти половину всех

зарегистрированных противоправных деяний в 2016 г. составляют хищения чужого имущества, а именно — 43,7% от общего количества преступлений [1]. Что же касается квартирных краж чужого имущества (совершено краж —

871,1 тыс.), каждое тридцать первое (3,2%) зарегистрированное преступление — квартирная кража), то следует констатировать, что из всех имущественных преступлений, совершаемых на территории нашего государства, они преобладают. Это обусловлено тем, что они с учетом способа их совершения, являются наиболее легко исполнимыми преступлениями.

Несмотря на такое состояние, в целом, в последние годы наблюдается динамика к снижению количества регистрируемых преступлений, посягающих на собственность, в том числе и количество квартирных краж.

Несмотря на данное обстоятельство раскрываемость квартирных краж чужого имущества органами внутренних дел (далее — ОВД) остается на достаточно низком уровне. Расследование квартирных краж всегда отличалось значительной сложностью, поэтому довольно значительный процент этих преступлений остается нераскрытым [2]. Особую озабоченность квартирные кражи вызывают в городских поселениях. Это связано с тем, что в городах совершается подавляющее большинство краж из квартир граждан. Это обусловлено рядом объективных факторов, способствующих совершению указанной категории преступлений в городских поселениях.

Кроме того, на сегодняшний день вызывают тревогу ряд объективно обусловленных факторов, которые оказывают существенное влияние на состояние преступности, как в целом, так и на количество преступлений против собственности, в том числе и на количество квартирных краж. Это соответственно не дает никаких оснований констатировать, что в ближайшее время их количество будет уменьшаться. Такими факторами, на наш взгляд, являются следующие:

- ухудшение социально-экономического положения большинства граждан нашей страны;
- наличие большого количества граждан из стран ближнего зарубежья, порой находящихся нелегально на территории Российской Федерации;
- освобождение по амнистии большого количества лиц, отбывающих наказания;
- в том числе отсутствие рабочих мест, в связи с сокращением объемов производства в стране и другие.

В тоже время продолжают существовать недостатки в деятельности ОВД по раскрытию и расследованию квартирных краж, выражающиеся:

- в недостаточно оперативном реагировании ОВД на событие преступления;
- в неполном и некачественном проведении первоначальных и последующих следственных действий, которое приводит к отсутствию или неполноте информации о содеянном, особенно на первоначальном этапе расследования;
- в проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий лишь в первые дни после совершения преступления.

Главными причинами, на наш взгляд, такого положения дел, характеризующей деятельность ОВД в борьбе

с квартирными кражами и в целом с преступностью, является низкий уровень профессионализма и отсутствие возможности реально противодействовать ОВД преступности.

Несмотря на все вышеизложенное, защита имущественных интересов граждан нашей страны остается одной из существенных, приоритетных проблем на современном этапе построения демократического государства, поскольку действенность разрешения указанной проблемы касается интересов общества в целом.

В связи с этим наблюдается острая необходимость в совершенствовании особенностей расследования квартирных краж на современном этапе, с учетом реалий, имеющих быть в деятельности ОВД.

Таким направлением, на наш взгляд, является разработка научно-обоснованных рекомендаций прикладного характера, которые бы способствовали совершенствованию деятельности по раскрытию и расследованию квартирных краж чужого имущества.

При этом не сказать, что такие исследования не проводились, будет весьма неверно. Научные исследования в сфере совершенствования раскрытия и расследования преступлений против собственности относятся к наиболее фундаментальным в криминалистической методике, и находятся в центре особого внимания ученых. Вопросы уголовно-правового и криминологического характера, проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений против собственности также широко представлены в юридической литературе, поэтому данные аспекты расследования квартирных краж не являются разработкой сегодняшнего дня. Этому вопросу уделялось значительное внимание и в предыдущие годы многими известными учеными-криминалистами.

С учетом вышеизложенного и, в настоящее время более усовершенствованная методика расследования квартирных краж, ориентированная на изменившиеся правовой режим, социальные отношения, современные условия следственной практики, по нашему мнению, будет весьма востребованной следователями, дознавателями и оперативными работниками ОВД.

Одним из направлений совершенствования имеющихся рекомендаций по раскрытию и расследованию квартирных краж, на наш взгляд, видится в нетрадиционном подходе к определению следственных ситуаций по делам данной категории.

Такими следственными ситуациями, на наш взгляд, должны быть следующие:

- 1) о проникновении стало известно из заявления лиц, проживающих в квартире или ее владельцев (первых пришедших домой и обнаруживших признаки кражи либо обнаруживших отсутствие ценностей);
- 2) о проникновении стало известно из заявления иных лиц, обнаруживших проникновение в помещение (лиц, проживающих в соседних квартирах с той, в которую совершено проникновение, случайных прохожих, и т. п.);

- 3) явка с повинной (связана с деятельностью оперативных работников и следователей при расследовании уголовных дел, по которым воры задержаны за совершение иного преступления, а также с сообщениями о совершенном преступлении лицом, которое вовлекли в преступную деятельность);
- 4) о проникновении стало известно из сообщений сотрудников отделов вневедомственной охраны, обнаруживающих последствия проникновения при выездах на место поступление тревожного сигнала;
- 5) о проникновении стало известно из сообщений сотрудников полиции практически любой службы, которым граждане сообщили о проникновении, но писать заявление отказались;
- 6) о проникновении стало известно из сообщений работников, отражающих результаты оперативно-розыскной или следственной деятельности (в слу-

чаях, когда информация о совершенной краже поступает следователю от лица, допрашиваемого в связи с расследованием какого-либо преступления, а также когда информация о совершенной краже поступает оперативному работнику от негласного аппарата).

Полагаем, что такое решение, не соответствующее принятым в криминалистике подходам к определению следственных ситуаций, будет способствовать разработке, нестандартных подходов и мышления, применяемых в результате чрезвычайного интеллектуального и эмоционального напряжения. Это в свою очередь будет приводить к раскрытию и качественному расследованию. Дальнейшее обобщение таких материалов, выработка научно-обоснованных рекомендаций по применению нетрадиционных подходов и их широкое внедрение в практику, на наш взгляд, позволит решать ряд прикладных задач.

Литература:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. Официальный сайт МВД России [Элект. ресурс]. Режим доступа: <http://www.mvd.ru>. Состояние преступности в России.
2. Меньшенина А. Н. К проблеме борьбы с квартирными кражами // Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство: сборник статей по итогам V (XII) Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Кемеровский государственный университет (29—30 апреля 2015 года). Кемерово, 2015. С. 391.

Выявление уровня пенсионной грамотности молодежи города Красноярск

Погодаева Алёна Сергеевна, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В настоящее время, система социального обеспечения в общем претерпевает существенные изменения, в частности проходит реформирование пенсионной системы. Многие люди не задумываются о пенсии, тем более молодежь, по мнению которой пенсионный возраст еще далеко. Для того чтобы выявить уровень пенсионной грамотности молодежи, в рамках данной работы было проведено специальное социологическое исследование. Исследование проводилось в городе Красноярске методом группового заочного анкетирования. Респонденты были опрошены с помощью квотной выборки. Были установлены квоты по половозрастному признаку и статусу респондентов (работа/обучение). Анкетирование было разделено на два блока. Первый был направлен на выявление общих сведений об участниках опроса, на выявление общественного мнения о функционировании пенсионной системы в РФ и выявление отношения молодежи к пенсии. Второй блок был направлен на выявление уровня пенсионной грамотности. Итак, участниками данного исследования стала молодежь города Красноярск в возрасте от 16 до 30 лет. Было опро-

шено 272 человека, а именно, в связи с нормализацией выборки: в возрасте 16—19 лет было опрошено 49 человек из них 25 мужчин и 24 женщины (18%), в возрасте 20—24 года было опрошено 95 человек, из которых 46 мужчин и 49 женщин (35%), в возрасте 25—30 лет было опрошено 128 человек из них 60 мужчин и 68 женщин (47%).

При этом большинство респондентов, а именно 57% (155 человек) имеют незаконченное высшее образование; 26% (71 человека) имеют высшее образование; 10% (27 человек) имеют среднее профессиональное образование; 7% (19 человека) имеют общее образование. Приведенные данные объясняются лишь тем, что основные респонденты являются студентами Сибирского федерального университета, а также близлежащих средних специальных учебных заведений.

На вопрос: «Работаете ли Вы в настоящее время?», ответы были таковы: 50% (136 человек) ответили, что не работают; 26% (71 человек) ответили, что работают официально; 24% (65 человек) ответили, что работают неофициально. Видно, что основная часть молодежи не ра-

бота, но это можно связать с тем, что большинству учащихся в вузе поддержку оказывают родители, обеспечивая их существование и предоставляя детям все условия для получения образования. Как видно из результатов, студентов, работающих официально и неофициально, практически равное количество. У данного факта множество причин, например, неофициальная занятость, скорее всего, не предполагает полного рабочего дня, что способствует успешному совмещению работы и учебы. Но, безусловно, работа по официальному трудоустройству представляет большую ценность для человека, нежели неофициальная, что уже может говорить об относительной пенсионной неграмотности молодёжи и отсутствии планов на дальнейшее будущее.

Следующим был вопрос: «Можете ли Вы сказать, что понимаете (знаете), как формируется ваша пенсия?». 56 % (152 человек) что в целом понимают, но не знают деталей; 19 % (52 человек) не знают, но хотят иметь такие знания; 13 % (35 человека) не могут сказать из чего формируется их будущая пенсия; и только 12 % (33 человек) имеют четкое представление по данному вопросу. Стоит заметить, что лишь малая часть обладает конкретными знаниями по рассматриваемой теме. Большой процент не знающих и обладающих желанием разобраться говорит о том, что необходимо государству больше внимания уделять пенсионному образованию как молодёжи, так и всему населению. Малая часть, понимающая, как формируется пенсия, состоит из представителей старшего молодёжного возраста (25–30), так как в данном возрасте, как правило, люди имеют собственные семьи, у них появляются дети, появляются первые мысли о старости.

Также респондентам был задан вопрос: «Как вы думаете, какие источники доходов обеспечат вашу старость?». Подавляющее большинство 35 % считают, что заработная плата и прибавки; 21 % считают, что личные сбережения (накопления); 19 % утверждают, что страховая пенсия; 8 % рассчитывают на доходы от сдачи имущества в аренду; 6 % вообще рассчитывают на финансовое обеспечение детей (родственников). 5 % считают, что пенсия из негосударственного пенсионного фонда; также 5 % предпочитают что-то другое, но сами не знают, что; и 1,4 % затрудняются ответить. Среди опрошенных молодых людей только часть видит обеспечение старости посредством государственной пенсии, остальные респонденты считают основным источником дохода в пенсионном возрасте — заработную плату и другие варианты.

На вопрос: «Готовы ли Вы делать отчисления / уже делаете ежемесячные отчисления в счет будущей пенсии?», ответы таковы: 36 % (98 человека) пока не решил (а); 30 % (82 человека) готовы; 22 % (59 человек) нет, я не делаю взносы и не собираюсь; 12 % (33 человека) да, я уже делаю взносы. Данные ответы свидетельствуют о том, что очень низкий процент молодёжи, а именно молодёжь в возрасте 25–30 лет, которая трудоустроена официально, делает отчисления в пенсионный фонд. Учащаяся молодёжь пока не готова делать отчисления, а некоторые и вообще не со-

бираются, считая, что государство не сможет обеспечить им достойное существование в обществе. Есть вероятность, что со временем мнение опрошенных изменится, так как на данный момент большинство этих людей занимается образовательной деятельностью и не имеет представления об основах пенсионного обеспечения, если не сталкивается с этим в образовательном процессе.

Респондентам был задан вопрос: «Как бы Вы оценили доступность предоставляемых услуг Пенсионным фондом в вашем городе/районе?». 44 % (120 человек) затрудняются ответить на поставленный вопрос; 37 % (101 человек) считают, что достаточно доступны; 10 % (27 человек) ответили, что труднодоступны; 9 % (24 человека) ответили, что совсем не доступны. Данная статистика может свидетельствовать о том, что подавляющая часть молодёжи не обращается в пенсионный фонд за услугами, поэтому затрудняется ответить о доступности и качестве выполняемых услуг.

Следующий ряд вопросов в анкете был посвящен мероприятиям, направленным на повышение пенсионной грамотности. Респондентам был задан вопрос: «Проводились ли в Вашем учебном заведении мероприятия по повышению пенсионной грамотности и насколько они были эффективны?». 82 % (223 человека) ответили, что не проводилось; 15 % (41 человек) ответили, что проводилось; 3 % (8 человек) ответили, что не помнят. С одной стороны можно сделать вывод, что сотрудники ПФР не заинтересованы в том, чтобы информировать молодёжь о формировании будущей пенсии, либо же практика данной деятельности настолько новая, что не может охватить достаточно большее количество молодых людей, хотя широко применяется во многих городах РФ. Процент эффективности лекций низкий, как отмечает молодёжь, которая присутствовала на данных мероприятиях, но отсюда невозможно сделать конкретного вывода, либо молодёжь в силу возраста не настолько была заинтересована в прослушивании данного материала, который излагали специалисты ПФР, либо специалисты не настолько компетентны в данном вопросе. Следовательно, стоит отметить, чтобы проводить мероприятия по повышению пенсионной грамотности, специалисты должны разбираться во всех вопросах, связанных с пенсионным обеспечением. Для большей эффективности того, что после прослушанного материала молодёжь начнёт разбираться в пенсии, нужно подобные мероприятия проводить несколько раз в год.

Второй блок вопросов в анкете направлен на выявление уровня пенсионной грамотности молодёжи.

Следующий вопрос звучал так: «Кто является страховщиком по Обязательному пенсионному страхованию?». По Закону РФ «Об обязательном пенсионном страховании РФ», страховщиком по обязательному пенсионному страхованию является Пенсионный фонд Российской Федерации [1]. Ответы на данный вопрос были таковы: 90 % (245 человек) ответили верно — «Пенсионный Фонд РФ»; небольшое количество респондентов выбрало вариант «Стра-

ховой агент» — 7 % (19 человек) и вариант «Управляющая компания» — 3 % (8 человек). В целом, можно сказать, что молодежь знает, какие субъекты включает в себя структура обязательного пенсионного страхования, страховщиком которой является Пенсионный Фонд РФ.

Далее был задан вопрос: «При регистрации в системе обязательного пенсионного страхования каждому гражданину открывается?». Согласно ФЗ «Об индивидуальном учете в системе обязательного пенсионного страхования», при регистрации открывается индивидуальный лицевой счёт [2]. 85 % (231 человек) ответили верно; 9 % (24 человек) выбрали вариант «светлое будущее»; 6 % (17 человек) считают, что у них появится возможность бесплатного проезда. Следует отметить, что и в этом вопросе большая часть респондентов показала хороший уровень знаний, однако «возможность бесплатного проезда» является лишь одним из видов льгот для пенсионеров, но никак не может выступать правильным вариантом ответа, как и «светлое будущее», на которое надеется каждый человек, выходя на пенсию.

Далее вопрос: «Какой документ выдается каждому гражданину на руки после регистрации в системе обязательного пенсионного страхования?». 59 % (160 человек) ответили верно — страховое свидетельство; 38 % (103 человека) ответили — пенсионное удостоверение; 3 % (15 человек) считают, что лицензия на пенсию. Таким образом, можно увидеть, что данный вопрос поставил респондентов в замешательство при выборе ответа между страховым свидетельством и пенсионным удостоверением. Респонденты не в курсе, что пенсионное удостоверение — это документ, который получает гражданин, достигший пенсионного возраста.

Следующий вопрос: «По достижению какого возраста устанавливается пенсия по старости на общих основаниях?». Ответы респондентов были таковы: 92 % (250 человек) ответили верно; 8 % (22 человека) выбрали вариант ответа «женщины — 57, мужчины — 62»; и третий вариант «женщины — 75, мужчины — 85» никто не выбрал. Можно отметить, что преобладающая часть респондентов знает границы достижения пенсионного возраста, ведь действительно по действующему законодательству пенсионный возраст для женщин составляет 55 лет, для мужчин 60 лет [3], исключение составляют государственные гражданские служащие, так как правительство уже приняло решение с 2017 года повысить им пенсионный возраст, который будет составлять 65 лет для мужчин и для женщин.

А вот ответы на следующий вопрос разделились весьма неоднозначно. Вопрос: «Укажите минимальный трудовой стаж, требуемый для установления трудовой пенсии по старости». 10 % (27 человек) выбрали ответ — 1 месяц; 44 % (120 человек) — 10 лет; 44 % (120 человек) — 5 лет; 2 % (5 человек) — 7 лет. Таким образом, мнения респондентов разделились поровну между вариантами ответов 10 и 5 лет. Однако, ни один из вариантов не является верным. С 2016 года минимальный трудовой стаж не менее 7 лет [4].

Верно, ответили на данный вопрос лишь 2 % (5 человек). Это на порядок меньше, чем количество респондентов, выбравших первый вариант. Такой низкий процент правильных ответов, вероятно, связан с постоянным реформированием пенсионной системы, поэтому не все нововведения успели закрепиться в общественном сознании.

Предпоследний вопрос респондентам был задан такой: «Как Вы полагаете, от каких факторов зависит размер трудовой пенсии по старости?». Размер трудовой пенсии по старости с 2012 года зависит в основном от нескольких факторов и условий [5], таким образом, правильный ответ — от всех вышеперечисленных. 65 % (177 человек) ответили верно; 21 % (57 человек) ответили — от суммы страховых взносов, которую работодатели заплатили в ПФР; 8 % (22 человека) ответили — от продолжительности стажа; 6 % (16 человек) считают, что от заработка. Конечно, ответ на этот вопрос не может быть однозначным, так как преобладает несколько факторов, но в целом, молодежь показала неплохие знания в данном вопросе, представление о формировании пенсии в целом можно охарактеризовать, как удовлетворительное.

И последний вопрос в анкете: «Кто может уплачивать взносы на обязательное пенсионное страхование?». Согласно Законодательству Российской Федерации [6, 7] работодатели обязаны каждый месяц уплачивать за своих работников страховые взносы на обязательное пенсионное и медицинское страхование, т. к. от взносов на обязательное пенсионное страхование напрямую зависит выплата пенсий нынешним пенсионерам. Также это гарантирует гражданам, трудоустроенным официально и получающим так называемую «белую» зарплату, выплату им пенсии в будущем. 79 % (215 человек) выбрали правильный вариант ответа; 17 % (46 человека) ответили — страховая компания; 4 % (11 человек) ответили — родители. Следовательно, большинство респондентов знают о системе обязательного пенсионного страхования, хоть часть молодежи и предпочитает работать неофициально.

Подводя итоговую черту исследования, анализируя два блока вопросов по отдельности, можно сделать вывод, что молодые граждане уверены, что пенсия не сможет им обеспечить достойную жизнь в старости, от этого нет доверия к пенсионному обеспечению. В силу своего возраста, молодежь вообще предпочитает не думать об этом, так как считает, что это ещё далеко, тем самым малоинформирована в части вопросов. Но это касается молодежи в возрасте от 18 до 22 лет, то есть, та часть, которая не работает, либо работает, но неофициально. Что касается молодежи старшего возраста, то там ситуация выглядит таким образом: молодые люди имеют представление о будущей пенсии, и при этом заинтересованы в её формировании и в том, чтобы получить знания на те вопросы, которые у них вызвали трудности при ответе. А в целом, если анализировать второй блок вопросов касающийся уровня пенсионной грамотности, то молодежь осведомлена в общем и имеет знания по многим вопросам, но опять же это молодежь более

старшего возраста. Следовательно, повышение пенсионной грамотности среди молодежи необходимо, особенно для учащейся молодёжи, так как думать о пенсии нужно

смолоду. Нужно повышать социальную грамотность, формировать пенсионную культуру, проводить мероприятия по данной тематике.

Литература:

1. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 15.12.2001 № 167 — ФЗ. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Об индивидуальном (персонифицированном) учёте в системе обязательного пенсионного страхования [Электронный ресурс]: федер. закон от 01.04.1996 № 27 — ФЗ (ред. от 28.12.2016). // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. О страховых пенсиях [Электронный ресурс]: федер. закон от 28.12.2013 № 400 — ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Не менее 9 баллов и 7 лет страхового стажа требуется для назначения страховой пенсии в 2016 году [Электронный ресурс]: // — Режим доступа: <http://www.pfrf.ru>.
5. Факторы, влияющие на размер будущей пенсии [Электронный ресурс]: // — Режим доступа: <http://www.pfrf.ru>.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001. № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 2): федер. закон от 05.08. 2000 № 117 — ФЗ (ред. от 03.04.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.04.2017). // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Обязанность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей

Погонышева Светлана Дмитриевна, студент

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся обязанности работодателя возместить ущерб, причиненный работнику в связи с исполнением трудовых обязанностей.

Автор отмечает, что данные отношения регулируются не только нормами трудового права, но и нормами самостоятельной отрасли российского права — права социального обеспечения.

Ключевые слова: возмещение вреда, труд, работник, обязательное социальное страхование, травма, профессиональное заболевание, несчастный случай

Obligation to compensate for harm caused to an employee in connection with the performance of his labor duties

Pogonisheva S. D., student

North Caucasus branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar)

The article deals with issues related to the employer's obligation to compensate for the damage caused to the employee in connection with the performance of labor duties.

The author notes that these relations are regulated not only by the norms of the labor law, but also by the norms of the independent branch of Russian law — the rights of social security.

Keywords: compensation for harm, labor, employee, compulsory social insurance, trauma, occupational disease, accident.

Актуальность проблемы возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, в последнее время приобретает особую значимость. Обуславливается это, прежде всего, ростом случаев причинения вреда здоровью работника при исполнении им трудовых (служебных) обязанностей.

По оценкам Международной организации труда [1], ежедневно по причинам, связанным с несчастными случаями на производстве и заболеваниями профессионального характера, погибает в среднем 6 тысяч человек. Каждый год 340 миллионов работников становятся жертвами несчастных случаев на производстве; регистрируется около 160 миллионов профессиональных заболеваний. Ежегодно 2,3 миллиона работников погибают на производстве или в результате трудовой деятельности. Вследствие травм, гибели людей и заболеваний, приводящих к нетрудоспособности, а также вследствие отсутствия на работе, необходимости лечения или выплаты компенсации в связи со смертью кормильца, теряется четыре процента мирового валового внутреннего продукта.

Как показало время, с переходом к рыночным отношениям, массовой приватизацией государственных предприятий и организаций функционировавший механизм возмещения вреда работникам в случае причинения вреда их здоровью при исполнении трудовых обязанностей, не оправдал себя на практике и стал постепенно разрушаться. Это выразилось как в длительных задержках единовременных и ежемесячных выплат, так и в их обесценивании.

Судебная практика последних лет свидетельствует о постоянном увеличении числа

гражданских дел, связанных с рассмотрением споров о возмещении вреда вследствие производственного травматизма. Вообще, данная категория дел будет рассматриваться в рамках гражданского судопроизводства только если лицо, получившее вред, в связи с исполнением им трудовых обязанностей не застраховано или если вред, за счет средств обязательного социального страхования, возмещен не в полном объеме. Кроме того, в результате военных действий и роста преступности значительно увеличились случаи причинения вреда здоровью военнослужащих, работников полиции и других категорий граждан при исполнении ими служебных обязанностей, обусловленных договором (контрактом).

Среди основных принципов правового регулирования трудовых отношений, закрепленных статьей 2 Трудового кодекса Российской Федерации, предусмотрены такие, как обязательность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, и обеспечение права на обязательное социальное страхование.

Правовое регулирование возмещения вреда работникам, получившим производственные травмы и профессиональные заболевания, обеспечивается в настоящее время Трудовым кодексом РФ (ст. 2, ст. 227) и Федеральным за-

коном от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [2] (далее — Федеральный закон № 125-ФЗ).

Адриановская Т. Л., Карданова И. В. отмечают [3, с.64], что обязательное социальное страхование в целом — это обширная система государственных правовых, экономических и организационных мер, направленных на страхование граждан от возможных объективных, то есть независящих от воли самих граждан изменений их материального и социального положения.

В настоящее время все работодатели обязаны выплачивать в Фонд социального страхования РФ страховые взносы, которые Фонд (страховщик) аккумулирует, а затем перераспределяет между пострадавшими, имеющими право на получение страховых выплат, а именно к лицам, которые застрахованы. Физические лица, выполняющие работу на основании гражданско-правового договора, подлежат обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, если в соответствии с указанным договором страхователь обязан уплачивать страховщику страховые взносы (ст. 5 Федерального закона № 125-ФЗ).

Обязательное социальное страхование распространяется не только на граждан Российской Федерации, но и на иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено федеральными законами или международными договорами Российской Федерации. Федеральный закон не ограничивает права застрахованных на возмещение вреда в соответствии с законодательством РФ в части, превышающей то обеспечение, которое предоставляется по данному закону. Это означает, что граждане, пострадавшие на производстве (а в соответствующих случаях и члены их семей) вправе требовать возмещения причиненного вреда их здоровью и жизни в общегражданском порядке.

Следовательно, отношения по возмещению ущерба, причиненного здоровью работника в связи с исполнением им трудовых обязанностей, сегодня регулируются не только нормами трудового права, но и нормами самостоятельной отрасли российского права — права социального обеспечения.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 2 [4] отмечается, что работодатель (страхователь) несет ответственность за вред, причиненный жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей, в порядке, закрепленном главой 59 Гражданского кодекса Российской Федерации. Это свидетельствует о регулировании данных отношений также нормами гражданского права.

Следует согласиться с мнением [5, с.25] о наличии правовых норм разной отраслевой природы, регулирующих отношения в сфере страховой ответственности работодателя за ущерб, причиненный здоровью работника.

Основанием для различных выплат (компенсаций) из Фонда социального страхования является несчаст-

ный случай (или профессиональное заболевание), причем несчастный случай не увязывается с виновностью работодателя, а трактуется как юридический факт, как событие.

Ученые отмечают [6], что трудовым законодательством Российской Федерации на работодателя возложены определенные обязательства по обеспечению охраны здоровья работников. Так, работодатель обязан информировать работников об условиях и охране труда на рабочих местах, о риске повреждения здоровья и полагающихся работникам компенсациях, а также средствах индивидуальной защиты (ст. 212 ТК РФ). Предусмотрена материальная ответственность работодателя перед работником за вред, причиненный ему в связи с повреждением здоровья: в соответствии со ст. 220 ТК РФ в случае причинения вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей возмещение указанного вреда осуществляется в соответствии с федеральным законом

При наступлении несчастного случая на производстве работнику выплачиваются (п. 1 ст. 8 Федерального закона № 125-ФЗ):

- 1) пособие по временной нетрудоспособности;
- 2) единовременная и ежемесячные страховые выплаты;
- 3) дополнительные расходы, связанные с медицинской, социальной и профессиональной реабилитацией работника.

Российское законодательство, обеспечивающее реализацию права на социальную защиту лиц, пострадавших на производстве, устанавливает страховой способ формирования источника финансирования соответствующих выплат и предусматривает только одного страховщика — Фонд социального страхования Российской Федерации [7, с.43–48].

Федеральный закон № 125-ФЗ (ст. 3) предусматривает, что обеспечение по страхованию определяется как страховое возмещение вреда в виде денежных сумм, выплачиваемых либо компенсируемых страховщиком застрахованному лицу.

При этом, некоторые виды дополнительных расходов (услуг по реабилитации), такие как: обеспечение транспортными средствами, обеспечение техническими средствами реабилитации и их ремонт, изготовление и ремонт протезов, протезно-ортопедических изделий и ортезов, медицинская реабилитация в организациях, оказывающих санаторно-курортные услуги, профессиональное обучение и получение дополнительного профессионального образования, — предоставляются в натуральной форме.

Статья 184 ТК РФ гарантирует, что при повреждении здоровья или в случае смерти работника вследствие несчастного случая на производстве либо профессионального заболевания работнику (его семье) возмещаются его утраченный заработок (доход), а также связанные с повреждением здоровья дополнительные расходы на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию либо соответствующие расходы в связи со смертью работника.

Таким образом, правоотношения по возмещению вреда носят межотраслевой характер. Часть норм, регулирующих данный вид отношений, содержится в ТК РФ, а часть в отдельных федеральных законах. Подтверждением этому служит содержание ст. 184 ТК РФ «Гарантии и компенсации при несчастном случае на производстве и профессиональном заболевании», которая носит отсылочный характер.

С принятием Федерального закона № 125-ФЗ обязательное социальное страхование стало полноценной частью социального обеспечения работников, поскольку ни гражданско-правовой способ, ни административно-правовой способ регулирования в прошлые годы не могли обеспечить реальную защиту прав и интересов пострадавших от несчастных случаев на производстве и членов их семей.

Результаты исследования позволили сформулировать и обосновать следующие основные выводы и предложения:

1. Во всех случаях вред, причиненный здоровью гражданина, является внедоговорным. Жизнь и здоровье — абсолютные права (блага) граждан, которые защищаются нормами всех отраслей права. Следовательно, обязанность возмещения вреда вытекает из факта нарушения установленного законом общего запрета причинять вред жизни и здоровью граждан. Поэтому обязательства вследствие причинения вреда здоровью гражданина даже при наличии между причинителем вреда и потерпевшим договорных (в том числе трудовых, служебных) отношений являются видом внедоговорных (деликтных) обязательств.

2. Федеральный закон № 125-ФЗ, содержащий специальное правовое регулирование, учитывающее специфику обстоятельств причинения вреда работнику в связи с исполнением трудовых обязанностей, не ограничивает права работников на возмещение вреда в соответствии с законодательством Российской Федерации, в части, превышающей обеспечение по страхованию.

3. Возмещение дополнительных расходов, направленных на восстановление здоровья работника, должно осуществляться исходя из оптимальных возможностей современной медицины без ограничения возмещения какой-либо суммой.

Литература:

1. За безопасный труд [Электронный ресурс] URL: // http://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/occupational-safety-and-health/WCMS_249276/lang—ru/index.htm (дата обращения 05.04.2017 г.).
2. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

3. Адриановская Т.Л., Карданова И.В. Право социального обеспечения: Институт пособий и компенсационных выплат: учеб.-практ. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т.Л. Адриановская, И.В. Карданова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — 455 с. С.64.
4. О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 5.
5. Адриановская Т.Л. Правовое регулирование вопросов страховой ответственности работодателя за ущерб, причиненный здоровью работника // Очерки новейшей камералистики. 2015. № 1. С. 25.
6. Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации: монография / Э.Н. Бондаренко, Е.С. Герасимова, С.Ю. Головина и др.; под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 256 с. // СПС КонсультантПлюс.
7. Севастьянов М.А., Коробов М.В., Владимирова О.Н., Иштерякова О.А. Пути совершенствования порядка предоставления пострадавшим на производстве реабилитационных мероприятий и технических средств реабилитации // Социальное и пенсионное право. 2016. № 4. С. 43—48.

Проблемы оценки доказательств по уголовному делу

Саенко Елена Владимировна, магистрант
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье рассматриваются актуальные проблемы оценки доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательство, доказывание, оценка доказательств, относимость доказательств, допустимость доказательств, достаточность доказательств, достоверность доказательств

Значительным и достаточно сложным этапом процесса доказывания является оценка доказательств, так как только от нее зависит законность и обоснованность принимаемых решений по уголовным делам.

На сегодняшний момент у ученых-правоведов отсутствует единое мнение по поводу того, что необходимо понимать под оценкой доказательств. Определение понятия оценки доказательств можно вывести из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, если говорить о ней как о собранных и проверенных доказательствах, при этом такую оценку процессуальные органы производят по своему внутреннему убеждению, которое основано на анализе всех обстоятельств уголовного дела и всей совокупности собранных доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Оценка доказательств является основанием для принятия по делу решений, при этом важно отметить определяющую роль дознавателя, следователя, прокурора или суда в установлении относимости, допустимости и достоверности каждого из доказательств. Целью оценки доказательств является их определение с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, достаточности. Относимость влечет за собой оценку содержания доказательств с позиции взаимосвязи с предметом доказывания, то есть с действительными обстоятельствами уголовного дела. Допустимость — важное свойство доказательства, которое характеризует его с точки зрения соответствия положением действующего уголовно-процессуального законо-

дательства. Достаточность доказательств — требование, которое предъявляется к собранной совокупности доказательств при принятии конкретных процессуальных решений [1, с. 3].

Законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации постарался дать наиболее полное и непротиворечивое определение, что породило правовую однозначность, но вместе с тем не разрешило научные споры о понятии оценки доказательств.

На основании части 1 статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Оценка доказательств по внутреннему убеждению означает следующий порядок: ни дознаватель, ни следователь, ни прокурор, ни суд не вправе и не должны руководствоваться оценкой, которая предлагается кем-либо другим, а также перелagать обязанность оценки доказательств за нее на другое лицо. Оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны руководствоваться законом.

Под законом в этом случае следует понимать не только уголовно-процессуальное законодательство, но и иные источники уголовно-процессуального законодательства, а в некоторых случаях и иных отраслей. Возникает вопрос,

как быть, если поступить по закону не позволяет совесть? На мой взгляд, следует поступать по совести, так как законы бывают несовершенными и несправедливыми.

Оценивать доказательства на основании своей совести — это значит не только подчинить такую оценку профессиональному правосознанию, но и подвергнуть ее нравственному самоконтролю, основанному на общечеловеческих ценностях и истинах о справедливости и порядочности. Тема оценки доказательств имеет продолжение в статье 88 Уголовно-процессуального кодекса, а разрыв данной темы на две части, на мой взгляд, представляется весьма спорным в своей целесообразности.

Оценка относимости доказательств. Суммарный анализ имеющихся научных точек зрения касательно сущностной характеристики названного свойства позволяет сделать вывод о том, что оценка относимости доказательства состоит в определении его пригодности своим содержанием устанавливать факты, являющиеся предметом доказывания. Проще говоря, оценка относимости доказательства производится путем сопоставления информации, содержащейся в этом доказательстве, с тем кругом обстоятельств, которые необходимо установить.

В теории уголовного процесса при оценке судом относимости доказательств в стадии рассмотрения уголовного дела по существу различают общий и непосредственный критерии [8, с. 101–104]. При этом в качестве общего критерия рассматривается как перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, сформулированный в УПК РФ (ст. 73, 421, 434), так и положения Уголовного закона, конкретизирующие названные обстоятельства применительно к составу преступления, а также устанавливающие обстоятельства, смягчающие либо отягчающие наказание (ст. 61, 63 УК РФ). Непосредственным же критерием оценки относимости доказательств выступают фактические обстоятельства выдвинутого обвинения, т. е. относимыми являются все те сведения, которые либо подтверждают, либо опровергают его.

Особого внимания суда заслуживает оценка относимости косвенных доказательств. Относимость прямых доказательств, содержание которых совпадает с расследуемым событием (или его исключает) и виновностью (невиновностью) обвиняемого, всегда очевидна. Что же касается решения вопроса об относимости косвенных доказательств, то в этом случае нередко возникают трудности. Это вызвано прежде всего тем, что каждому косвенному доказательству, взятому в отдельности, может быть дано несколько взаимоисключающих толкований. При этом относимость того или иного доказательства может неоднократно меняться под влиянием новых сведений об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела. Они приобретают значение для дела и должны оцениваться только в совокупности с другими доказательствами. Поэтому, оценивая относимость того или иного доказательства, суду необходимо тщательно сопоставить и увязать его с другими доказательствами, исследованными в судебном заседании, как, напри-

мер, это сделал суд, разрешая ходатайство адвоката о вызове нового свидетеля.

Суть эпизода судебного разбирательства заключается в следующем. При рассмотрении уголовного дела по обвинению М. в убийстве адвокат Е. заявил ходатайство о том, чтобы вызвали в суд и допросили в качестве свидетеля гражданина Т., который, со слов подсудимого, подарил последнему нож, найденный на месте преступления и приобретенный к делу в качестве вещественного доказательства. Государственный обвинитель полагал, что ходатайство адвоката следует отклонить, поскольку факт, о котором может свидетельствовать гражданин Т., к рассматриваемому делу отношения не имеет. Подсудимый М. заявил, что это не тот нож, которым он наносил удары потерпевшему, однако факт совершенного им убийства не отрицает, хотя в силу опьянения обстоятельств совершенного преступления не помнит.

Усмотрев пробел в цепи доказательств, ходатайство адвоката суд удовлетворил. В результате выяснилось, что гражданин Т. был очевидцем убийства. При этом, опасаясь негативных для себя последствий, действительное орудие преступления он с места происшествия забрал и спрятал, а другой нож, испачкав кровью убитого, подкинул. При производстве дополнительных судебных действий следственного характера и эта версия подтвердилась [14].

Свобода оценки доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе возведена в принцип уголовного судопроизводства. Оценка доказательств с позиции достоверности означает их анализ с целью ответа на вопрос, насколько сведения, то есть фактические данные, составляющие их содержание, отвечают действительности, говоря другими словами, соответствуют ли они философской категории истины.

Нормы, закрепленные в частях 2–4 статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса, определяют процедуру признания доказательств недопустимыми. Эта процедура различна в зависимости от того, на какой стадии процесса решается вопрос о недопустимости доказательств.

Оценка судом данного свойства доказательств занимает особое место, поскольку ошибка в этой части может привести к искусственному дефициту доказательств в смысле их достаточности для правильного вывода, а в конечном счете — к судебной ошибке и постановлению незаконного приговора.

Казалось бы, вопрос оценки доказательств с точки зрения допустимости исследован «вдоль и поперек» и не содержит научного интереса. Такое утверждение верно, но только отчасти. Действительно, свойствам и правилам оценки доказательств посвящены работы многих ученых, таких как: Золотых [4], Орлов [11], Кипнис [5] и т. д. Однако количество ошибок, допускаемых судами в этой связи, особенно в отношении допустимости доказательств, свидетельствует о том, что эта проблема по-прежнему остается актуальной.

Требование допустимости, основанное на конституционном запрете использовать при осуществлении правосудия доказательства, полученные с нарушением закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ), подчеркивает особенную социаль-

ную ценность процессуальной формы, что обязывает меня обратиться к некоторым проблемным моментам, связанным с оценкой сведений о фактах с точки зрения указанного свойства.

В развитие конституционных положений относительно допустимости доказательств законодатель подходит к решению этого вопроса достаточно императивно. В ч. 1 ст. 75 УПК РФ установлено, что доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 названного Кодекса. Буквальное толкование указанной нормы приводит к выводу о безоговорочном признании доказательства, полученного с нарушением закона, недопустимым, не вдаваясь при этом в оценку существа нарушения.

Если основываться на этом императиве, то оценка допустимости доказательств с точки зрения процессуальной формы сводится лишь к установлению ее нарушения. То есть любое, пусть даже формальное, упущение в формировании доказательства уже означает отсутствие свойства допустимости. Такое изложение закона ограничивает усмотрение судьи в оценке доказательств и «размывает» принцип оценки по внутреннему убеждению, «подмешивая» к нему опять же свойства формальной оценки. В результате важнейшие для аргументации судебного решения доказательства исключительно по формальным основаниям нередко оказываются вне уголовного судопроизводства. Например, отсутствие подписи одного понятого, участвовавшего в осмотре места происшествия, может при таком подходе свести на нет результат всего следственного действия. Между тем этот процессуальный дефект еще не есть свидетельство того, что понятой в осмотре места происшествия не участвовал. Для признания обстоятельств, установленных при осмотре места происшествия, достоверными и допустимыми имеет значение не столько наличие или отсутствие подписи понятого, сколько его участие в осмотре и подтверждение в протоколе результатов осмотра. Нередко доказательства, установленные при первичном осмотре места происшествия, становятся главными доказательствами обвинения или же, наоборот, оправдания невиновного. Следовательно, формальное отсутствие подписи понятого в протоколе осмотра места происшествия можно компенсировать его допросом в суде по тем обстоятельствам, которые позволили бы принять решение о допустимости или недопустимости, а затем и достоверности сведений о фактах, указанных в этом протоколе.

Высказанная мной точка зрения в процессуальной науке не новшество. Она имеет среди ученых и сторонников, и противников. Например, ряд авторов, среди которых Мухин И. [9, с. 120–123] и Лобанов А. [7, с. 42–43], утверждают, что независимо от характера нарушений в уголовном судопроизводстве нельзя использовать доказательства с процессуальными издержками. Столь категоричная по-

зиция объясняется желанием видеть процедуру собирания доказательств абсолютно свободной от процессуальных нарушений. Признание никчемности, бесплодности затраченных усилий на собирание доказательств с процессуальными нарушениями, считал В. М. Савицкий, ориентирует на позитивный результат в борьбе с фальсификацией. Только так, по его мнению, можно возродить, сохранить и приумножить у практических работников чувство ответственности за честь, здоровье и жизнь людей, оказавшихся в орбите правоохранительной деятельности [12, с. 57–59]. На первый взгляд подобная позиция известного ученого весьма привлекательна, особенно с точки зрения усиления ответственности работников следственных органов по отношению к выполняемым ими обязанностям. Но при более глубоком рассмотрении этой проблемы нетрудно заметить, что полное воплощение этой идеи в жизнь будет малопродуктивным и приведет к еще большей волоките в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, необоснованному оправданию или обвинению.

На предварительном следствии вывод должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, особого решения о недопустимости соответствующего доказательства не требует [6, с. 115]. Такое доказательство не применяется в обоснование выводов, которые содержатся в итоговом уголовно-процессуальном документе, венчающем стадию предварительного расследования, то есть в обвинительном документе следователя или обвинительном акте дознавателя. Таким образом, это доказательство не входит в число подлежащих исследованию в судебном разбирательстве. Думается, что суд в стадии судебного разбирательства может возвратиться к оценке доказательства, признанного недопустимым органом расследования, и принять по этому вопросу другое решение, поэтому досудебное следствие не зря называют предварительным.

Доказательствами следует считать только такие сведения, которые были получены из предусмотренного законом источника. Если же сведения были получены из источников, не предусмотренных законом, то они не могут быть применены в обоснование выводов и решений по уголовному делу. Этому признаку лишены и, следовательно, не могут быть признаны доказательствами: слухи, сведения, содержащиеся в газетных публикациях, телепередачах и т. д., а также информация, которая была получена в ходе проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий, то есть без проверки их следственным путем [3, с. 6].

Сведения по уголовному делу добываются путем производства закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе процессуальных действий, порядок которых регламентирован уголовно-процессуальными нормами. Данная регламентация призвана обеспечить достоверность данных, на основе которых разрешается уголовное дело. Например, если следователь произвел обыск/выемку без понятых, то он тем самым нарушил требование Уголовно-процессуального кодекса, и содержание протокола этого следствен-

ного мероприятия должно быть подвергнуто неразрешимым сомнениям.

Оценка достоверности доказательств. Проблема оценки доказательств судом с точки зрения достоверности приобретает особую актуальность в современном российском уголовном судопроизводстве. Это обусловлено тем, что до принятия УПК РФ достоверным признавалось такое доказательство, истинность которого не вызывает сомнений [11, с. 53]. Этим свойством подчеркивалось соответствие сведений о фактах реальной действительности. Таким образом, достоверное знание, полученное в результате уголовно-процессуального познания, приравнивалось к истине. Между тем существенным отличием УПК 2001 г. является тот факт, что истина больше не рассматривается как основная цель уголовного судопроизводства. Поэтому вряд ли можно раскрывать понятие «достоверность доказательств» через понятие «истина», как это делалось ранее. Думается, что здесь требуется иной подход.

Как справедливо полагают некоторые ученые, с учетом сегодняшних реальных возможностей уголовно-процессуального познания следует исходить из того, что достоверность доказательства — это прежде всего юридическая категория [1, с. 262]. Оценка, как мыслительный акт, представляет собой установление соответствия (несоответствия) объекта оценки заранее определенным критериям или требованиям. Следовательно, для того чтобы оценить доказательство с точки зрения достоверности, необходимо сформировать эти критерии, не забывая при этом процессуальный характер исследуемой категории. В качестве таковых в процессуальной науке предлагается рассматривать другие доказательства, имеющиеся в уголовном деле [10, с. 37]. То есть для того, чтобы суду установить, достоверно ли то или иное доказательство, его нужно сопоставить не с некой объективной действительностью, а с другими реально существующими доказательствами по делу. Соответственно, неопровергнутость доказательства другими доказательствами позволяет судить о его достоверности. Подобное решение поставленной задачи мне представляется

вполне обоснованным, особенно учитывая принципиальное законодательное положение о том, что доказательства оцениваются судом по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). Конечно, такой путь познания позволяет суду приступить к решению вопроса о достоверности доказательства только тогда, когда в судебном заседании уже исследовано достаточное количество других доказательств. В этом случае работает логический закон достаточного основания, в силу которого всякое утверждение может быть признано соответствующим действительности только тогда, когда оно имеет достаточное основание. Как в свое время писал В. Д. Арсеньев, нельзя решать вопрос о достоверности каждого отдельно взятого доказательства, а также недопустимо делать окончательные выводы об искомых по делу обстоятельствах на основе изолированной оценки отдельных доказательств [2, с. 148].

Таким образом, можно сказать, что доказательствами по уголовному делу могут являться фактические данные, которые получены из законного источника и имеют отношение к обстоятельствам, подлежащим установлению по любому уголовному делу. Данная формула имеет действительное практическое значение, с ее помощью можно определить доказательственную важность каждого материала, находящегося в уголовном деле; и отсутствие одного из признаков, перечисленных в этой формуле, будет говорить о том, что определенный материал, будь то документ или предмет, доказательством не является.

Отсутствие в законе определения понятий относимости, допустимости, достоверности и достаточности дает основание для порождения разных мнений в правовой литературе по вопросу содержания данных категорий. Отсутствует единство в их трактовке среди дознавателей и следователей, что также создает некоторые трудности. Достаточно споров в науке и на практике ведется по вопросу доказательственного значения материалов, которые были получены до возбуждения уголовного дела, и доказательств, которые были представлены защитником. Все перечисленные проблемы нуждаются в изучении, уточнении и переосмыслении.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 марта 2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2004. № 5.
2. Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (постановка проблемы). СПб., 2007.
3. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
4. Борзов В. М., Костовская Н. В. Некоторые проблемные вопросы оценки доказательств судом // Мировой судья. 2012. № 11.
5. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 1999;
6. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Д. Агамов, Р. Х. Батхиев, Т. А. Боголюбова [и др.]; под ред. А. Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2013.
8. Лобанов А. Оценка защитником допустимости доказательств // Законность. 1996. № 6.
9. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008.

10. Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971.
11. Овсянников И. В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7.
12. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М., 2000.
13. Савицкий В. М. Перед судом присяжных: виновен или не виновен? М., 1995.
14. Архив Екатеринбургского гарнизонного военного суда 2003 г. // URL: <http://egvs.svd.sudrf.ru/>

Причины возникновения экстремизма. Его признаки и профилактика

Салыкина Дарья Александровна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье рассматриваются причины возникновения экстремизма. Приводятся наиболее отличительные признаки экстремизма и предлагаются меры по его профилактике.

Ключевые слова: экстремизм, мотив, причины, признаки и профилактика экстремизма

The causes of extremism. Its symptoms and prevention

Salykina Darya Aleksandrovna

Kuban state agricultural university of I. T. Trubilin, rasnodar, Krasnodar Krai

The article discusses the causes of extra-extremism. Are the most distinctive signs of extremism and proposes measures for its prevention.

Key words: extremism, the motive, causes, signs and prevention of extremism.

На сегодняшний день экстремизм является одним из самых распространенных преступлений против государственной власти.

Согласно Федеральному закону № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», под экстремизмом понимается деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или симво-

лики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий.

Мотивом экстремизма является стойкая неприязнь и (или) нетерпимое отношение, испытываемое лицом к другим гражданам, их группам вследствие несогласия с их взглядами, по причине их принадлежности к определенной национальности, расе, конфессии, религиозному объединению и т. д. [2, с. 21]

Все причины совершения преступлений экстремистской направленности следует поделить по двум критериям — внешние (связаны с изменениями, происходящими в государственных и общественных структурах) и внутренние (под воздействием которых формируется внутреннее побуждение совершать указанные деяния) причины [1, с. 28—31].

Так, Фридинский С. Н. выделяет три группы таких факторов, которые влияют на рост преступлений экстремистской направленности [3, с. 366]:

1) Экономические факторы: экономические кризисы, безработица, большое социальное расслоение в обществе; наличие на той или иной территории запасов природных богатств, что может вызвать рост недовольств на иных территориях.

2) Социально-политические факторы: ослабление государственной власти и пассивность ее силовых структур, высокая коррумпированность, криминализация общества, содействие экстремистской деятельности со стороны представителей зарубежных общественных организаций.

3) Идеологические факторы: отсутствие в государстве общепризнанной идеологической концепции, находящей поддержку со стороны большей части населения.

Аналогичной позиции придерживаются Мамедов В. А. и Деккерт Д. В., при этом они в дополнение выделяют и иные причины преступлений экстремисткой направленности: кризисы внутри семьи и недостаток воспитания; пробелы в системе образования; распространение средств массовой информации и иной литературы, которые влияют на нравственные и культурные ценности.

Результаты социологических исследования показывают, что негативное отношение к лицам иной расы, национальности, религиозной принадлежности, выражающееся в экстремистской деятельности, проявляется из-за массовой законной и незаконной миграции населения из регионов РФ и других государств.

Есть еще одна причина проявления данного вида преступлений, ей является произошедшие ранее криминалистические случаи, связанные с участием лиц разных наций, рас, религий и т. д.

Отличительными признаками экстремизма являются: осуществление определенной деятельности (создании какого-либо движения, сообщества, течения, общественного

объединения); противоправность; отрицание инакомыслия и нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, экономических, религиозных и др.); идеологическая направленность (экстремисты пытаются апеллировать к каким-либо известным идеологическим или религиозным учениям, претендуют на свое «истинное» или «углубленное» толкование того или иного учения).

Для борьбы с экстремизмом на сегодняшний день огромное значение имеет выявление обстоятельств, которые способствовали совершению преступления и принятие мер к их устранению. Именно знание причин и условий, способствовавших совершению преступлений данной направленности, позволяют принять меры, которые необходимы для их предотвращения и устранения. Профилактическая работа правоохранительных органов должна включать в себя методы распознавания и предотвращения преступного деяния. Необходимо произвести укрепление авторитета правоохранительных органов в стране. Также следует проводить беседы с населением с целью разъяснить им механизмы правовой защиты, к которым граждане могут прибегнуть в случае совершения преступления [4]. Необходимо проводить постоянное информирование граждан о новых способах и методах совершения экстремизма (публикации в газетах, по телевидению, проведение бесед, размещение информации в интернет ресурсах). Повышение уровня правовой культуры граждан путем проведения в школах, средних и высших учебных заведениях специальных тренингов и семинаров.

Литература:

1. Агапов П. В. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. — 2011. — № 10. — С. 28–31.
2. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Кунашев. — М., 2012. — С. 21.
3. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): Дис. доктора юрид. наук. — М., 2011. — С. 366.
4. Электронный ресурс «Студопедия» [электронный ресурс]. — Режим доступа <http://studopedia.org/8—190985.html>. Дата обращения 13.10.2016.

Духовность — основа информационной безопасности

Санакулов Абдор, ассистент

Ташкентский университет информационных технологий имени аль-Хорезми (Узбекистан)

Вопрос информационной безопасности общества был всегда актуальным и злободневным для любого государства, он существовал всегда, во все времена и у всех народов. Информация когда-то была простым сообщением, доведением одного сообщения другим. Со временем она превратилась в политику, стала средством борьбы даже

за власть. Поэтому особенно в XX веке страны и народы стремятся обезопасить себя от всякого рода негативной информации и возможных ее последствий. Так возникла потребность отбора и использования информации в своих целях и распространения ее для дальнейшей выработки культуры народа.

Исследователи по-разному определяют безопасность информации. Например, русский ученый Л. И. Шершнева считает, что «информационная безопасность — способность государства, общества, социальной группы, личности обеспечить с определенной вероятностью достаточные и защищенные информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания жизнедеятельности, устойчивого функционирования и развития, противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические источники информации, вырабатывать личностные и групповые навыки и умения безопасного поведения, поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано» [1].

Старшее советское поколение помнит, что в то время общество было закрытым, и не было доступа к объективной информации. Была жесточайшая слежка и фильтрация информации, чтобы держать людей в узде и распространять только целевую информацию. Этим система охраняла себя и своих граждан от проникновения чуждых, так называемых «буржуазных» идей и ценностей. До поры до времени эти методы информационной безопасности давали свои результаты, но глобализация, стирание границ в информационном пространстве, резкое повышение уровня информации повысили информированность советских людей. Одной из причин, как уже многие ученые мира отмечали, распада Союза стала именно информированность людей, которые всегда мечтали об этом, во многих случаях народ узнавал о событиях своей страны через другие страны мира.

Поэтому независимость стран СНГ в первую очередь обеспечила их информационной свободой, возможностью говорить и писать о своих болячках в открытую. Тоталитаризм заставлял людей не мыслить, а следовать за идеологией, которую проповедовала партия. Воспитанные таким методом, многие люди в первые периоды независимости не смогли решить глобальные вопросы, принимать объективную информацию, анализировать её и выяснить, насколько она безопасна, лояльна. Потому что в советские времена этому не учили, этого не преподавали. В результате чего многие маститые западные идеологи использовали этот вакуум для своих корыстных целей, распространив по миру, а в данном случае по странам Центральной Азии, свои ценности и понятия. В определенной степени в первые годы независимости немалая часть населения, в том числе молодежь, поверили этой информации, не думая о том, что стоит за этим.

День сегодняшний с его телекоммуникационными вычислительными системами, инновационными технологиями кардинально изменили окружающий мир. Если ранее было возможно «запрудить» конкретные информационные каналы, то сегодня все окружающее пространство информационно коллапсировало. Время на информационное

взаимодействие между самыми отдаленными точками резко сократилось. В результате проблема защиты информации, которая ранее была как никогда актуальна, перевернулась наоборот, и теперь она стоит как проблема, как защита духовности человека от вредоносной информации. Сегодня информационная безопасность понимается как ответственность за распространение правдивой информации и охрана, защита молодежи от вредных влияний.

Поэтому информационная угроза — это не что иное, как явные и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере. Изучение проблемы информационной угрозы за последние годы доказывает то, что в мире растет поток разрушительных идей, информации, особенно разрушающей духовность народов. Народ Республики Узбекистан благодаря своей преданности духовным ценностям предков, сохраняя ее в основном скрытно, иногда и открыто, обрел независимость.

Свободное информационное пространство, глобализация вместе с положительными привело к нам и отрицательные факторы в укреплении духовных ценностей нашего народа. Сейчас информация распространяется по миру открыто, но на неё мало надежности, во многих случаях это дезинформация, которой защищают интересы каких-то сил и группы стран. Поэтому страны СНГ, а также Республика Узбекистан тоже приняли соответствующие меры по защите не только информационного пространства, но и самой информации, и ее получателей от информационных угроз и агрессий.

Так, в Узбекистане приняты Законы «Об информатизации» и «О принципах и гарантиях свободы информации». Например, 20-я статья Закона «Об информатизации» посвящена организации защиты информационных ресурсов и информационных систем. В ней указывается, что защите подлежат информационные ресурсы и информационные системы, неправомерное обращение с которыми может нанести ущерб их собственникам, владельцам или иным юридическим и физическим лицам. Государственные органы, юридические и физические лица обязаны обеспечить защиту информационных ресурсов и информационных систем, содержащих информацию о государственных секретах и конфиденциальную информацию. В 1-й статье Закона «О принципах и гарантиях свободы информации» отмечается, что основные задачи настоящего Закона — защита информации, меры по предотвращению угроз информационной безопасности и устранению их последствий; информационная безопасность — состояние защищенности интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Кроме того, в республике функционирует Республиканская комиссия по координации реализации Комплексной программы развития Национальной информационно-коммуникационной системы на 2013–2020 годы, ею разработано методическое пособие по информационной безопасности на территории Республики Узбекистан. В этой

программе предусмотрены все меры информационной безопасности.

Открыто говорить о приемах и методах информационной угрозы сегодня необходимо, потому что, во-первых, осмысление того или иного приема информационной угрозы позволяет перевести его из разряда скрытых угроз в явные, с которыми уже можно бороться. И, во-вторых, факт наличия теории информационных угроз должен предостеречь потенциальную жертву от идеалистически наивного восприятия как внешнего, так и собственного внутреннего мира. Мы сегодня знаем, что в формировании мировоззрения молодежи информация играет решающую роль и, исходя из этого, в системе образования уже в 2001 году по инициативе первого Президента нашей республики Ислама Каримова был введен курс «Национальная идея: основные понятия и принципы».

Принципы национальной идеи в основном опираются на духовные ценности нашего народа, такие как, процветание Родины, мир и спокойствие страны, благосостояние народа, межнациональное согласие, религиозная терпимость, социальная солидарность и формирование гармонично развитой личности. В них отражены общность, связь и обусловленность понятий национальной идеи с различными сферами общественной жизни, духовными основами узбекского народа, его национально-культурным наследием, обычаями, традициями, ценностями, языком, культурой, историей и философией. Вот благодаря чему, наш народ пережил все тяготы тоталитаризма и беззакония в отношении не только узбекского народа, но и всех народов бывшего Союза.

Интеллектуальное насилие, между прочим, информационная война, которая идет по всему миру, непосредственно направлена на насилие мировоззрения, особенно подростков и молодежи, еще не имеющих своих твердых взглядов на мир. Осуществляющаяся средствами массовой информации, она частично или полностью дезориентирует человека, не позволяет адекватно рефлексировать, специфически объективируя происходящее, и тем самым деструктивно воздействует на духовную сферу современного общества, провоцируя проявление потребительского отношения к окружающим людям и государству, создавая условия для конфликтов, военно-политических кризисов.

Литература:

1. Шершнева, Л. И. Информационная безопасность России. // Безопасность: информ. сб. 1993. № 11–12. С. 49–50.

Такой специфический анамнез дезориентирует человека в социальном пространстве, позволяет зомбировать граждан, манипулировать общественным сознанием, размывает ценностные ориентиры, порождает страх, провоцируя девальвацию общепринятых ценностей, государственных установок и порождая конфликты, что особенно актуализирует духовную безопасность современного общества.

Духовная безопасность сегодня как самостоятельная сфера общественного бытия, порождающая результаты глобализации, органично вплетенная в структуру общественных отношений. Духовная безопасность, которая подлежит сохранению, должна ориентироваться на выяснение конкретных источников различного рода опасностей, угроз, на уточнение значимых структурных элементов социокультурной системы, обеспечивающей самосохранение, прогрессивное развитие в изменяющихся условиях общественных отношений. В этом деле в республике делается многое. Так, Президентом Республики Узбекистан 2017 год объявлен «Годом диалога с народом и интереса человека».

Резко расширилось информационное пространство, впервые появились народные приемные граждан. Все граждане, независимо от национальности и пола, могут обратиться непосредственно в приемную Президента через виртуальную сеть. Сотни и тысячи обращений уже нашли свое положительное решение, и еженедельно руководители всех рангов начали отчитываться перед населением в разрезе Махалля и улиц. Все эти мероприятия начали резко повышать информированность народа и их доверие к справедливости. Когда работает механизм, направленный на прямой диалог с народом, то любая информационная угроза и агрессия тут же теряет свою значимость и остроту. Благодаря принятым мерам, люди становятся бдительными и сообразительными в принятии информации.

Российский исследователь А. В. Воропаева, рассматривая проблемы духовной безопасности, писала о том, что не имеет будущего то государство, которое «ориентирует молодежь, прежде всего, на материальные ценности, на обогащение, являющееся платформой для возникновения коррупции, ксенофобии, криминогенности, агрессии, экстремизма ...» А духовные ценности нашего народа ориентируются и опираются на национальные ценности и принципы национальной идеи.

Предмет хищения: исторический аспект

Селиванова Анастасия Юрьевна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассмотрена динамика развития представлений о предмете хищения в рамках исторического развития общества и государства. Несомненно, что изучение данного вопроса всегда было актуально в связи с распространенностью данного вида преступления до сих пор, а также изменением и развитием экономической системы общества, увеличением способов, видов, предметов и т. д. хищения. Мы обязательно должны учитывать опыт предыдущих поколений правоведов, чувствовать и отслеживать тенденции развития правовой мысли о предмете хищения, чтобы не повторять прежних ошибок, но и не забывать прежнего положительного опыта. В этом и состоит важность исторического подхода к любому исследованию, в том числе правового.

Прежде чем приступать к исследованию термина «предмет хищения», стоит уделить внимание и понятию самого «хищения», так как между ними существует неоспоримая взаимосвязь.

Правовая наука не сразу пришла к термину «хищения», начиная с истоков государственности законодатель использовал различные термины, такие как «кража», «воровство», «похищение», «татьба». И во все времена не существовало закрепленного понятия «предмета хищения», чаще всего лишь разрозненные статьи могли сказать, на какие объекты социальной действительности было возможно преступное посягательство.

В целом правовая наука и законодательство сделали большой шаг вперед. Ведь на начальном этапе представления о самом хищении, о его объекте, предмете характеризовались большой степенью казуистичности.

Ф. Л. Морозкин писал, что «русская первоначальная юриспруденция есть собственно юриспруденция дьяческая. Дьяк или клерк — сие таинственное, дивное существо в истории законодательства» [1, с. 214]. И правда прослеживается тенденция, что долгое время юриспруденция носила скорее прикладной характер.

Российское уголовное право в своей официальной части начинается с Русской Правды — памятника законодательства XI—XII веков. Краткая редакция Русской Правды не содержала систему преступлений против собственности. Однако уже в этом документе различается тяжесть ответственности в зависимости от предмета преступного посягательства. Особо ценными предметами в то время считались холопы (которые не были субъектами права, а вещами своих господ [2, с. 44]), кони и другой скот. [3, с. 10] Что было продиктовано экономическим, социальным укладами того времени.

Среди предметов хищения чаще всего встречается движимое имущество (ладья, сено и т. д.), в том числе и живое имущество (конь, вол, чужая собака, ястреб и т. д.).

Насчет недвижимости в Русской правде сказано лишь в рамках помещения, где происходит кража (ст. 29).

Соборное Уложение 1649 г. трактует предметы собственности следующим образом: к ним относятся и хлеб, и сено в поле, рыба в чужом пруду или садке (XXI, ст. 89, 90). [3, с. 17]

В Артикулах Воинских 1715 г. впервые появляется термин «преступление». Артикулы заменяют им характерные для Соборного Уложения и последующих законов статьи термины «воровство», «вор», которые использовались для обозначения любого уголовно наказуемого деяния и лица, совершившего данное деяние. [4, с. 320] Данный акт характеризуется большим количеством составов преступлений и ответственность дифференцировалась как по месту совершения хищения, и по предмету. «Кто украдет что из намету или палубов, в поле или походе, и в том будет пойман, оному отрезать уши и нос» — (арт. 188). «Кто церкви или иные святыя месса покрадет или оных что насильно отъимет, також и тех, которые в обоз, крепости и города всякой провиант привозят, оный имеет быть лишен живота, и тело его на колесо положено» (арт. 186). [3, с. 23]

Можно сделать вывод, что в то время отсутствовало обобщенное представление о понятии предмета хищения и его признаках. И нормы были направлены не на охрану хозяйственной сферы, в связи с другим построением экономических отношений в государстве.

Примерно до XIX века отсутствовало обобщенное представление о понятии предмета хищения и его признаках. И нормы были направлены не на охрану хозяйственной сферы, в связи с другим построением экономических отношений в государстве. Хозяйственные отношения стали охраняться лишь с XIX века. Государство начало всё активнее вмешиваться в экономическую среду общества. И. А. Клепицкий подчеркивал, что «древние и средневековые нормы о преступлениях, которые современным исследователем могут быть восприняты как хозяйственные, в действительности были направлены на охрану частных прав (напр., прав кредиторов), религиозных ценностей, благосостояния населения, но никак не хозяйственных отношений в их комплексе». И с данным утверждением нельзя не согласиться.

Анализируя «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 1 мая 1846 года, который действовал до Социалистической революции 1917 года, нельзя не обратиться к воззрениям И. Я. Фойницкого по вопросам хищения. Прежде всего, И. Я. Фойницкий предложил выделить посягательства на имущество в единую группу. Он считал, что имущество есть лишь «объект преступных пося-

гательств не само по себе, ... а лишь как конкретный предмет юридического господства человека, как одна из частей его правовой сферы». Изучая мнения этого ученого-правоведа, можно прийти к выводу, что преступная деятельность направлена не против самого права на имущество, а против правовых отношений лица к этому имуществу или его частям. [5, с. 158]

Начало XX века кроме всего прочего ознаменовалось и совершенствованием уголовного законодательства в части хищения. Начала выделяться однородная группа посягательств на чужое имущество: кража, мошенничество, грабеж и разбой, объединенные в Уложениях от 1845 и 1903 года в родовое понятие «похищение» [6, с. 19].

В советской науке существовало мнение, что объектом хищения выступает непосредственный предмет, на который оказывается воздействие, то есть соответствующее имущество. Данная точка зрения принадлежит А. А. Пионтковскому. Однако в преступлениях против собственности имущество выступает лишь как предмет хищения. И отождествлять предмет с объектом — ошибочно [7, с. 312—313]. Объект преступления стоит поминать как общественные отношения, на которые посягает преступник, совершая противоправные действия. Предмет же хищения — это всего лишь вещь, например объект материального мира. Так что их отождествление, по моему мнению, невозможно, ведь таким образом будет нарушено и приведено в состояние хаоса понимание направленности преступного умысла, тяжесть совершенного деяния и т. п.

Советская модель материалистична, современная же, повинувшись техническому, экономическому развитию, уже не воспринимает предмет хищения, как только материальную вещь.

Наиболее частое определение предмета хищения в советский период представляло собой следующее: «предметом преступления, как при краже, так и при других преступлениях против личной собственности, является чужое движимое имущество» [8, с. 10]. Данное определение, уже неактуальное в наши дни, как не обладающее достаточной полнотой, вполне отвечало запросам того времени.

М. Нельфер попытался обосновать, что энергия обладает всеми признаками предмета хищения, [9, с. 48] свои слова он обосновывал зарубежной практикой подкрепив, где в качестве предмета кражи рассматривались различные виды энергии (электрической, тепловой и др.), за пользование которой взимается плата.

Можно сделать заключение, что России законодательство и правовая наука о предмете хищения получила своё наибольшее развитие именно в советский период.

Но лишь на рубеже 90-х годов XX века в России была проведена экономическая реформа, которая полностью перестроила систему хозяйства, построенную на началах социалистической собственности и государственном планировании. Так было положено начало свободного экономического рынка, существующего до сих пор. И данная реформа вызвало как свое следствие и изменения уголовного законодательства, дав новый виток также и развитию уголовно-правовой науки. Однако стоит признать, что в целом в России всё ещё предмет хищения рассматривается по большей части со стороны его овеществленности, если сравнивать с опытом зарубежных стран, где например энергия ещё в XX веке рассматривалась как предмет хищения. Я считаю, что для поддержания развития экономики страны, охраны прав граждан, законодательство должно избавиться от тенденции всеобщего овеществления предмета хищения.

Литература:

1. Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. — 1834. — № 8. — С. 210—215.
2. Чернявская Т. А. Русская Правда с комментариями. — Н. Новгород: 1995. — 56 с.
3. Устинов В. С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция). — Н. Новгород: 1998. — 267 с.
4. Маньков А. Г. Российское законодательство XX—XI веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. — М.: 1986. — 512 с.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права: Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. — СПб.: 1901. — 446 с.
6. Попов И. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты краж в условиях экономической и правовой реформы / Диссертация. — Калининград: 2000. — 263 с.
7. Пионтковский А. А., Ромашкин П. С., Чхиквадзе В. М. Курс советского уголовного права: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. В 6-ти томах: Часть особенная. Т. 4. — М.: Наука, 1970. — 432 с.
8. Гельфер М. А. Преступления против личной собственности граждан. Учебное пособие. — М.: РИО ВЮЗИ, 1987. — 38 с.
9. Гельфер М. О квалификации незаконного пользования электрической и другой энергией // Социалистическая законность. — 1983. — № 8. — С. 48—49.

Решения Конституционного суда как источник налогового права

Сидоров Евгений Сергеевич

Саратовская государственная юридическая академия

В статье раскрывается сущность и роль решений Конституционного суда в системе источников налогового права. Делается вывод, что решения Конституционного Суда являются источником налогового права.

Ключевые слова: налоговое право, Конституционный суд, решения Конституционного суда

Источники налогового права — это способы выражения и закрепления норм налогового права. Система источников предопределяет особенности построения всей отрасли права. Конституционный суд является важнейшим звеном в системе органов государственной власти Российской Федерации. Его основное предназначение толкование Конституции Российской Федерации и контроль, и надзор за соблюдением основного закона страны. Актуальность данной темы заключаются в том, что решения Конституционного суда, по сути, стали источниками в иерархии источников налогового права, но вопрос этот остается дискуссионным в науке. Так как аргументы высказываются с разных точек зрения. Если обратиться к Конституции, то она занимает главенствующее место в источниках налогового права. Отправные исходные начала содержатся именно в статьях Конституции. Конституционный суд специальный конституционный орган. В случае возникающих спорах о применении Конституции органы государственной власти, органы местного самоуправления, граждане и юридические лица обращаются за помощью в Конституционный суд. Первая точка зрения основывается на том, что решения Конституционного суда не могут быть источниками налогового права, так как они не образуют новых норм налогового права, а только разъясняют и конкретизируют. Но с другой стороны, можно сделать вывод, что решения являются источниками. В данном случае аргументом будет выступать то, что решения Конституционного суда являются особыми источниками налогового права в современной системе налогового права. В России не признан судебный прецедент, но в современных условиях при огромной правовой глобализации возрастает влияние решений Конституционного и Верховного судов России. Проверка конституционности правовых актов имеет важнейшее значение для понятия смысла институтов налогового права. Спорным является в науке вопрос и о том, какое место занимают решения Конституционного суда в системе источников налогового права.

Существуют ряд признаков, которые определяют решения Конституционного суда, например, обобщающий характер правовых позиций в решениях Конституционного суда. Во-вторых, оценочная природа решений Конституционного суда, об оценке конституционности положений норм права. В третьих, правовые позиции Конституционного суда — это своеобразный итог конституционного смысла толкуемых положений законодательства. В четвертых, своеобразный концептуальный характер позиций в решениях Конституционного суда, в которых рассматри-

ваются проблемы в сфере налогообложения. В актах Конституционного суда впервые были обоснованы принципы налогового права и получили непосредственное выражение в Налоговом Кодексе. В данном случае трудно переоценить роль и значение решений Конституционного суда. Важнейшей характеристикой решений Конституционного суда является общий характер, так как решение распространяется на все субъекты и на все аналогичные случаи. В решениях Конституционного суда просматривается юридическая обязательность его правовых позиций. Обязательный характер выражается в том, что постановления Конституционного суда обязательны не только для граждан и организаций, но и для органов государственной власти законодательной, исполнительной, судебной ветвей.

Начиная с момента создания Конституционного суда, издано значительное количество постановлений и определений в сфере налогообложения. Например, Конституционный суд исходит из того, что в соответствии со статьёй 75 Конституции полномочия по разработке и установлению общих принципов налогообложения закреплены за федеральным законодателем, установление существенных элементов налогообложения для придания налогу статуса законно установленного должно производиться федеральным законом. [1] Важную роль сыграли решения Конституционного суда о недопустимости придания обратной силы актам законодательства о налогах и сборах.

В целом можно сделать вывод о том, что Конституционный суд, выступает арбитром в налоговом законодательстве, разрешая правовые споры в налоговой сфере. В противоречия в налоговом законодательстве органы исполнительной и законодательной власти неоднократно обращались в Конституционный суд за разрешением правового конфликта. Правовые позиции Конституционного суда определенным образом находятся в системных взаимосвязях с правовыми позициями законодателя. Если норма налогового права будет признана противоречащей Конституции, то наблюдается определённое противоречие между Парламентом и Конституционным судом. В этих условиях приоритет будет за правовой позицией Конституционного суда. Хотя Парламент выражает плюрализм и политическое многообразие в своих актах.

Следует отметить, что в России как демократическом правовом государстве, граждане обращаются именно в Конституционный суд за защитой своих прав, в том числе в сфере налогообложения. Тем самым можно сказать, что решения Конституционного суда как источник налогового права многоаспектный и многоплановый. Он

требует дальнейшего изучения и анализа. Публично правовой характер решений Конституционного суда говорит об огромном значении, самого суда в системе органов государственной власти в России. Решения Конституционного суда придают налоговому законодательству, в частности, четкость, лаконичность, ясность, определенность для применения налогово-правовых норм. Причем, Конституционный суд даёт толкование норм налогового права не только в Конституции, но и Налогового, Уголовного кодексов и других нормативно правовых актов. Таким образом, Конституционный суд устраняет противоречия в налоговом законодательстве и выстраивает целостную систему институтов и норм в сфере налогообложения, что в свою очередь способствует эффективности реализации основных принципов налогообложения и всего механизма налогово-правового регулирования. К источникам налогового права относятся не все решения Конституционного суда, а только те, которые вынесены по итогам проверки нормативно правовых актов и норм налогового права. Конституционный суд не только отменяет ненормативные нормы и акты в сфере налогообложения, но и выступает позитивным законодателем, формулируя правовые позиции, имеющие общеобязательный характер.

В отечественной правовой науке отсутствуют единые мнения и подходы, о том, что представляют правовая позиция Конституционного суда. [2] Решения Конституционного суда аргументированы и обоснованы знатоками права. Это свидетельствует об огромной значимости и ценности решений Конституционного суда.

Общие принципы налогообложения имеют конституционную природу. К ним относятся принципы единства

экономического пространства и свободного перемещения финансовых ресурсов, демократизма, законности, федерализма, разделения властей. Важно отметить, что системный анализ и толкование Конституции Конституционным судом обеспечивает и способствует реализации принципов налогового права.

Постановления Конституционного суда имеют значение для разграничения применения норм налогового и гражданского права. Конституционный суд в постановлении по делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапанова сделал следующий вывод. 1. Признать положения статей тридцать второй, сорок восьмой, шестьдесят девятой, семидесятой и сто первой Налогового кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 статьи 2 и статьи 1102 ГК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку эти положения по своему конституционно-правовому смыслу при отсутствии в законодательстве о налогах и сборах специального регулирования порядка возврата неправомерно (ошибочно) предоставленного имущественного налогового вычета не исключают возможность взыскания с налогоплательщика денежных средств, полученных им вследствие неправомерно (ошибочно) предоставленного по решению налогового органа имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц, в порядке возврата неосновательного обогащения в случае, если эта мера оказывается единственно возможным способом защиты фискальных интересов государства. [3]

Литература:

1. Постановление Конституционного суда РФ от 24 марта 2017 г. N 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапанова» // Российская газета. 2017 г. N 71.
2. Определение Конституционного суда от 23 марта 2005 г. № 272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бакунина Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 2 статьи 361 Налогового Кодекса Российской Федерации» // Архив Конституционного Суда РФ. 2005.
3. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного суда России. М. 2003. С. 37–59.

Актуальные проблемы расторжения трудового договора и направления их решения

Симонян Аида Гагиковна, магистрант

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Ростов-на-Дону)

В статье раскрываются некоторые проблемы расторжения трудового договора как по инициативе работника, так и по инициативе работодателя, предлагаются изменения в трудовое законодательство для их решения.

Ключевые слова: трудовой договор, расторжение трудового договора, расторжение по инициативе работника, увольнение

The article deals with some problems of termination of the employment contract on the initiative of the employee, and the employer's initiative, proposed changes to the labor laws to deal with them.

Key words: labor contract, termination of employment, termination by the employee, the dismissal

В качестве важнейшей формы реализации свободы труда для большей части граждан РФ выступает трудовой договор, в связи с тем, что основным источником дохода является зарплата. В этой связи расторжение трудового договора по инициативе работника или работодателя, вне всякого сомнения затрагивает жизненно важные интересы работника (в том числе и членов семей работника), так как работник лишается главного источника дохода с одной стороны, а с другой стороны работодатель может эффективно и гибко осуществлять свою финансово-хозяйственную деятельность.

Трудовое законодательство достаточно подробно регламентирует основания и процедуру расторжения трудового договора по инициативе работника (по собственному желанию).

Причинами трудовых споров о восстановлении работника, договор с которым был расторгнут по указанному основанию, являются отсутствие волеизъявления работника в момент написания заявления в связи с давлением работодателя, а также нарушения процедуры увольнения.

Вместе с тем, работник должен осознавать, что факт принуждения к написанию такого заявления со стороны работодателя, создание неблагоприятной рабочей атмосферы достаточно сложно доказать в суде, а обязанность по доказыванию возлагается на работника.

Однако проблемы, которые связаны с прекращением трудового договора по инициативе работодателя или работника далеко не полностью разрешены в действующем трудовом законодательстве.

Так, анализ статьи 39 Трудового кодекса РФ свидетельствует о наличии следующих проблем.

Формулировка пункта 1 части 1 статьи 81 Трудового кодекса как основания увольнения не является вполне точной и приводит к ряду проблем, которые способны привести к негативным последствиям как для работника, так и для работодателя.

Во-первых ликвидация является длительным по времени процессом. Так, этот срок не может быть меньше, чем два месяца, в связи с тем, что в пункте 1 статьи 63 Гражданского кодекса РФ не может быть срок заявления меньше, чем 2 месяца с того момента, как опубликованы объявле-

ния в соответствующих печатных изданиях о ликвидации организации. Таким образом, возникает вопрос о том, в какой момент ликвидации расторжение трудового договора по данному основанию можно будет признать законным. Это порождает практические проблемы, когда уволенный в процессе ликвидации организации работник в судебном порядке требует восстановления на работе на основании того, что после его увольнения юридическое лицо фактически еще какое-то время продолжает свою деятельность [1].

Еще одной проблема связана с процедурой расторжения трудового договора. Так, в соответствии с частью 2 статьи 180 Трудового кодекса РФ «О предстоящем увольнении в связи с ликвидацией организации работники предупреждаются работодателем персонально и под роспись не менее чем за два месяца до увольнения». Вместе с тем, вызывает вопросы определение конкретного момента, от которого нужно вести отсчет двухмесячного срока для того, чтобы предупредить работников о грядущем увольнении. Так, предполагается, что это должен быть некий момент после того, как начинается процесс по ликвидации и до его окончания. Так, нет возможности сообщить работнику о предстоящем увольнении в связи с тем, что будет ликвидирована организация до того, как принято решение о ее ликвидации соответствующим уполномоченным органом организации (в случае добровольной ликвидации) или до момента вынесения решения суда об этом (в случае принудительной ликвидации). Ведь, в том случае, если работник не согласится, если работодатель предложит ему прекратить трудовые отношения до того, как истечет срок предупреждения с выплатой дополнительной компенсации в соответствии с ч. 3 ст. 180 ТК РФ, а решение о ликвидации фактически не будет принято (вынесено судом), то увольнение по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ должно рассматриваться как незаконное. [2]

Третья проблема применения указанного основания для расторжения трудового договора связана с тем, что статьей 20 Трудового кодекса РФ был расширен перечень физических лиц, которые являются сторонами трудового договора. В этот перечень были включены частные нотариусы, адвокаты и иные лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральным законодатель-

ством подлежит обязательной государственной регистрации и (или) лицензированию. Помимо этого, к физическим лицам отнесены лица, которые вступили в трудовые отношения с работником для целей личного обслуживания и оказания помощи по ведению домашнего хозяйства. В этой связи основанием, которое указано в п. 1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ, были существенно ущемлены права иных работников, в связи с тем, что это основание распространяется только на работников юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В этой связи, п. 1 ч. 1 статьи 81 Трудового кодекса РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Ликвидации либо прекращения деятельности работодателем. С момента внесения изменений в ЕГРЮЛ о назначении ликвидационной комиссии либо с момента вынесения судом решения о ликвидации организации работодатель предупреждает работников о предстоящем увольнении персонально и под роспись не менее чем за два месяца».

Для того чтобы более детально регламентировать взаимоотношения работодателя с работником, когда работник увольняется по основаниям, которые указаны в пункте 3 ч. 1 статьи 81 ТК РФ, необходимо внести следующее дополнение в указанную статью: «Увольнение по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 настоящей статьи, может быть произведено не позднее двух месяцев со дня доведения результатов аттестации до сведения работника под роспись, не считая периодов временной нетрудоспособности работника, пребывания его в отпуске и других периодов отсутствия работника, когда за ним сохраняется место работы (должность)».

В Трудовом кодексе РФ не содержится указаний на сроки, в течение которых работодателю необходимо осуществить увольнение работника в том случае, если будут отрицательные результаты аттестации. Этот пробел негативно отражается на взаимоотношениях работодателя с работниками и не стимулирует единообразие в процессе взаимоотношений работника с работодателем.

В этой связи нужно внести следующие дополнения в статью 81 Трудового кодекса РФ: «Увольнение по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой настоящей статьи, может быть произведено не позднее двух месяцев со дня доведения результатов аттестации до сведения работника под роспись, не считая периодов временной нетрудоспособности работника, пребывания его в отпуске и других периодов отсутствия работника, когда за ним сохраняется место работы (должность)» [3].

В пункте 5 части 1 статьи 81 Трудового кодекса РФ допускается, что трудовой договор может быть расторгнут в связи с постоянным неисполнением работником без уважительных причин своих трудовых обязанностей в том случае, если у работника имеются дисциплинарные взыскания.

Вместе с тем, в Трудовом кодексе не раскрывается определение неуважительных причин, а также не содержится перечня уважительных причин для того, чтобы не исполнять трудовые обязанности, в связи с чем в каждом конкретном случае работодателем самостоятельно решаются вопросы в зависимости от конкретных обстоятельств и письменных объяснений работника. Вместе с тем, на практике эта категория различно может пониматься как работодателем, так и работником и судебными органами.

В этой связи нужно внести дополнения в пункт 5 статьи 81 Трудового кодекса РФ следующего содержания: «Решая вопрос об уважительности причин, работодателю необходимо оценить всю совокупность конкретных обстоятельств, в том числе обстоятельства и мотивы отсутствия работника на работе, предшествующее поведение работника, его отношение к труду и другое. К уважительным причинам, например, относится: болезнь самого работника либо его близких родственников, нуждающихся в постороннем уходе; смерть близких родственников; заливы и пожары в квартире; дорожно-транспортные происшествия; стихийные бедствия и др».

В пп. а. п. 6 статьи 81 Трудового кодекса РФ раскрывается определение прогула, которое позволяет утверждать, что возможность уволить сотрудника за прогул напрямую зависит от того, насколько продолжительным является его рабочий день. Так, лица, у которых продолжительность рабочего дня не превышает 4 часа (к примеру лица, которые работают по совместительству, либо инвалиды, либо лица, у которых рабочий день разделен на несколько частей, одна из которых не превышает 4 часов), не могут быть уволены за прогул, в связи с тем, что они в принципе не могут отсутствовать на рабочем месте больше указанного времени.

В этой связи можно заключить, что рассматриваемое положение Трудового кодекса дает отдельным категориям работников определенные преимущества и по факту накладывает ограничения на работодателя на применение к ним в случае отсутствия в течение всего рабочего дня без уважительных причин дисциплинарных взысканий.

Для того, чтобы обеспечить единообразие при применении данной процедуры, нужно изложить пп. «а» п. 6 ст. 81 ТК РФ в следующей редакции: «прогул (отсутствие на работе без уважительных причин в течение рабочего дня (смены) либо более 4 часов подряд или суммарно в течение рабочего дня (смены))».

Таким образом, в настоящее время существует множество проблем в сфере регулирования вопросов расторжения трудового договора по инициативе работодателя или работника. Предложенные рекомендации позволяют оптимизировать процесс расторжения трудового договора и будут способствовать недопущению ошибок в данной сфере.

Литература:

1. Лукьянова Н. А. Некоторые проблемы правового регулирования расторжения трудового договора по соглашению сторон и по инициативе работника // Вопросы правоведения. 2014. № 2 (24). С. 175—180.

2. Миронова А. Н. Особенности расторжения трудового договора по инициативе работника // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 2. С. 47–53.
3. Репникова Ю. В. Проблемы расторжения трудового договора по инициативе работника // В сборнике: Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 350–353.
4. Устинова С. А. Расторжение трудового договора по инициативе работника: теория и судебная практика // В сборнике: Актуальные проблемы российского права на современном этапе сборник статей 13 Международной научно-практической конференции. Под редакцией В. В. Гошуляка. 2014. С. 103–113.

Социально-демографическая характеристика рецидивистов, совершивших преступления на территории Забайкальского края

Скобина Елена Александровна, доцент;

Глухов Артём Артурович, студент

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета

В статье рассматривается история развития законодательства о рецидиве, раскрывается понятие «личность рецидивиста», характеризуются его признаки.

Ключевые слова: рецидивист, виды рецидива, криминологическая характеристика личности рецидивиста

Проблемам рецидива посвящены работы А. В. Армашовой, Е. В. Благовой, Б. В. Здравомыслова, В. А. Иванова, А. П. Некрасова, В. И. Попова, А. И. Ророга, В. М. Степашина, А. И. Чучаева, В. А. Южанина и других. Вопросы личности преступника в отечественной криминологической науке исследовались как в работах криминологов Ю. М. Антоняна, А. И. Долговой, И. И. Карпеца, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева, А. Л. Репецкой, В. Я. Рыбальской, А. Б. Сахарова, В. Е. Эминова, так и психологов: Л. В. Васильева, М. И. Еникеева, С. В. Романова, Ю. В. Чуфаровского.

Цель публикации — дать развёрнутую характеристику личности рецидивиста, определить его социально-демографические характеристики уголовно-правовые и нравствен-

но-психологические качества, на основании анализа 50 приговоров судов первой инстанции Забайкальского края.

Под рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. В настоящее время, не смотря на общую тенденцию к снижению, рецидивная преступность является одной из острейших проблем, стоящих перед государством и обществом. [12, С. 3].

Согласно данным судебной статистики, как в Российской Федерации, так и в Забайкальском крае в период с 2010 по 2015 наблюдается процесс снижения показателей числа осуждённых лиц, в действиях которых содержится рецидив, что представлено на рисунках 1 и 2. [18, 21]

Рис. 1. Динамика числа осужденных, имеющих не снятую или непогашенную судимость в РФ [18]

Рис. 2. Динамика числа осужденных привлеченных к уголовной ответственности ранее судимых (имеющих не снятую или непогашенную судимость) в Забайкальском крае [21]

На межведомственном совещании в прокуратуре Забайкальского края руководители правоохранительных органов обсудили состояние рецидивной преступности в регионе и отметили, что за период 2016 года снизилось количество преступлений, совершённых рецидивистами на 4, 6%, однако их вес продолжает оставаться стабильно высоким в крае (63%). Термин «рецидив» для русского языка является заимствованным из латинского языка «*recidivus*», которое означает «возобновляющийся» [8, с. 83–88].

В русском языке этот термин используется в двух сферах: в медицине как возвращение болезни после ее ремиссии; в праве как совершение лицом, имеющим судимость за умышленное преступление, умышленного преступления. Такие преступления, характеризуются повышенной общественной опасностью, так как лица тщательнее готовятся к совершению повторного преступления, нежели лица, идущие на преступление впервые, исполняют его хладнокровнее и быстрее. О том, что рецидив преступления представлял опасность для общества во все исторические периоды, свидетельствуют законодательные акты разных эпох.

Начиная со времён Киевской Руси, законодательство свидетельствует о развитии уголовного права. Так, преступление называлось лихим делом, а не обидой; холоп приобрел статус самостоятельного субъекта права; наказание приобретает функцию устрашения. В этот период времени появляется понятие повторного (рецидивного) преступления. Ст. 8 Псковской судной грамоты определяет: «Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды помиловать (вора), не лишая жизни, если он будет уличен в третий раз, то в живых не оставлять» [16].

В Судебнике 1497 г. указывается на применение смертной казни, в отношении лиц, представляющих опасность для государства, при этом не учитывается общественная опасность преступления, что свидетельствует о классовом терроре.

Согласно Соборному уложению 1649 г., усиливалась уголовная ответственность за повторные тождественные

преступления и отбывание наказания за предыдущие преступления. Закон предусматривал способ учета лиц, отбывших наказание путем выдачи соответствующих писем (ранее преступников клеймили) [12, С. 79].

В Воинском артикуле Петра 1 1715 года повышенное наказание применялось к рецидивистам. Свод законов Российской империи 1832 г. учитывал и значение совокупности преступлений, именуя ее «стечением преступлений» и рассматривая ее в связи с обстоятельствами, увеличивающими вину, наряду, например, с рецидивом.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., предусматривало установление надзора для лиц, отбывающих ссылку или освобожденное из мест лишения свободы со стороны полиции, общества или помещиков [20].

В советский период государство осуществляло поиск эффективных средств борьбы с преступностью и определение наиболее оптимального понятийного аппарата. Для обозначения рецидива в различных источниках использовались следующие термины: «упорный рецидив», «совершение преступления во второй раз», «совершение преступления в виде промысла» и другие.

Статья 11 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. указывала, что при назначении наказания следовало учитывать личность преступника — профессионального или первичного. [17]

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. признавал преступника социально-опасным «по связи с преступной средой данной местности». Данное лицо суд мог лишить права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет [19].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. отказался от использования термина «рецидив». Вместе с тем, предусматривал повышенную ответственность за повторность преступлений.

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» профессиональные преступники и рецидивисты

по степени опасности были приравнены к классовым врагам, с применением к ним мер репрессии [15].

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. закреплялось понятие особо опасный рецидивист, но содержание его не раскрывалось [14].

Впервые в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. описаны признаки особо опасного рецидивиста: осуждение за предыдущее преступление и наличие судимости за него [7].

Законом от 11 июля 1969 г. внесены изменения в Основы уголовного законодательства, посредством введения ст. 23 «Особо опасный рецидивист» [7]. Статья сформулирована таким образом, что особое внимание уделялось личности преступника. Так, наряду с формальными признаками (осуждение за предыдущее преступление, наличие судимости за него) подлежали учету мотивы совершения преступлений, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступления и пр. обстоятельства [8, с. 101].

Уголовный кодекс РФ 1996 г. впервые за многовековую историю развития уголовно-правового регулирования дал определение понятию «рецидив преступлений», раскрывает признаки опасного и особо опасного рецидива.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ в УК РФ внесено более 250 изменений, которые, по мнению законодателя, обеспечили гуманизацию отечественного уголовного закона. Ряд новелл носит принципиальный характер. Как отмечают А. Кибальник и И. Соломенко, изменена структура множественности преступлений и, как следствие, серьезным образом изменилось понимание рецидива преступлений. [3, С. 28]

Рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление (ч. 1 ст. 18 УК РФ). [1]

Из данного определения можно выделить следующие признаки рецидива:

- совершение лицом в разное время двух и более преступлений;
- наличие судимости за предшествующее преступление.

Личность — понятие многообразное, исследователи в различные периоды в данное понятие вкладывали различное содержание. Согласно толковому словарю, «личность — это человек как носитель каких-нибудь свойств, лицо». [10, С.332].

Один из ведущих криминологов начала века Г. Атаффенберг описывая портрет преступника, указывал, что в одном и том же индивидууме встречаются самые противоречивые свойства: «...черты грубейшей жестокости уравновешиваются сентиментальными наклонностями, лживость находится в резком противоречии с откровенной наивностью» [5, С. 21].

Изучение особенностей личности преступников, в том числе рецидивистов, началось еще в прошлом веке, о чем свидетельствуют дошедшие до нас отдельные крими-

нологические теории, в частности, антропологическая теория Чезаре Ломброзо. [6].

В криминологической литературе существует множество определений лица, считающимся рецидивистом. Ученые В. Н. Кудрявцев и В. И. Эминов считают, что личность преступника — рецидивиста — это целостная совокупность взаимосвязанных социально значимых отрицательных свойств, которые во взаимодействии с внешними условиями и обстоятельствами обуславливают совершение повторных преступлений. [4, С. 617]

П. Н. Тарновская указывает, что одним из факторов, влияющих на формирование личности преступника, являются условия среды, в которой он воспитывался: «люди, живущие в грубой среде пьянства и разврата, видя пагубные примеры, легче других становятся кандидатами в преступники». [9, С. 22]

Рецидив преступлений складывается из поступков, отражающих разные подструктуры личности, соотносящиеся между собой по иерархическому и координационному принципам. Динамическую функциональную структуру личности, согласно К. К. Платонову, составляют четыре расположенных на разных «этажах» подструктуры: направленность личности (верхний уровень); подструктура опыта; подструктура форм психического отражения (интеллект, эмоции, воля); биологически обусловленные качества (темперамент, одаренность). Характер и способности как общие свойства личности являются «наложенными подструктурами», включающими в себя элементы названных четырех подструктур. [11, С.30–35.]

В криминологии выявлены многие закономерности, позволяющие учитывать в профилактической работе те или иные особенности социально- демографического характера: пол, возраст, образование, социальное положение, наличие семьи, и другие. [2, С. 109] Рассмотрим некоторые из них.

Рецидивная преступность существует, преимущественно, из-за активности мужской части населения. Анализ приговоров Забайкальского края показал, что основную долю рецидивистов составляют лица мужского пола — 87 %, остальные 13 % составляют женщины, что показано на рисунке № 3.

Возраст для изучения личности преступника — рецидивиста является одним из ключевых социально- демографических признаков, он определяет не только физические возможности личности, но и её психологическое состояние, потребности, ценностные ориентации и жизненные установки, а значит и поведенческие реакции. Как отмечает Е. А. Антонян, с изменением возраста происходит изменение личности. «В возрасте после 45–50 лет даже весьма активные в прошлом рецидивисты, прекращают совершать преступления, но, тем не менее, внутренне совершенно не перестраиваются и остаются такими, же преступниками» [2].

Исследовать возраст рецидивистов в Забайкальском крае не представилось возможным, так как этот показатель в опубликованных приговорах не указан.

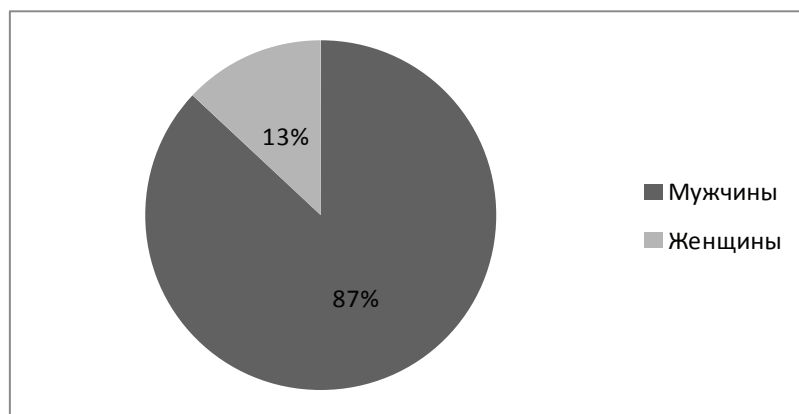

Рис. 3. [21]

Важное место в характеристике личности преступника принадлежит образовательному уровню, который определяет социальную сторону жизни и деятельности человека. Низкий образовательный уровень способствует формированию антисоциальных взглядов, девиантному поведению, и влечёт за собой совершение преступления, что подтверждается, в том числе и результатами

проведённого исследования. Как показано на рисунке № 4 основную массу рецидивистов в Забайкальском крае составляют лица со средним образованием (56 %), в равных долях — по 22 % составляют следующие группы по образовательному уровню: имеющие неполное среднее образование и средне-специальное образование [21].

Рис. 4. [21]

Важным признаком, характеризующим личность преступника, является семейное положение. Семья, как правило, играет роль сдерживающего фактора, препятствующего совершению правонарушений и преступлений. Наличие супруга (супруги), детей в значительной мере определяет поведение в семье, в обществе, создаёт особый микроклимат. Как отмечается в научной литературе, семья стимулирует положительное поведение, осуществляет социальный контроль. Лица, имеющие семью, реже совершают преступления, в отличие от холостых и одиноких [7, С. 127]. Это подтверждается и результатом исследования. Согласно анализу приговоров, 56 % лиц, совершивших повторные преступления, на момент его совершения были неженатыми (незамужними), 25 % лиц состояли в брачных отношениях, 19 % составили лица, состояли в гражданском браке, данные отображены на рисунке 5.

При этом имели на иждивении малолетнего ребенка — 16 %, 2 детей — 56 %, 3-х детей — 16 %, 2-х малолетних детей — 16 %.

Для социально-демографической характеристики большое значение имеют род деятельности и занятость лиц, совершивших преступление. Как показывают исследования, трудовой стаж у рецидивистов отсутствует. Это подтверждается и исследованием в Забайкальском крае. Наибольшее число рецидивистов составляют безработные (60 %), трудоустроенные составляют только 40 %.

Изучая личность рецидивиста в рамках криминологического рецидива, нельзя не сказать, что он включает в себя уголовно-правовой рецидив. На основании изученных приговоров видно, что уголовно-правовой рецидив включает в себя: простой рецидив — 88 %, опасный рецидив — 8 % и особо опасный рецидив — 4 %.

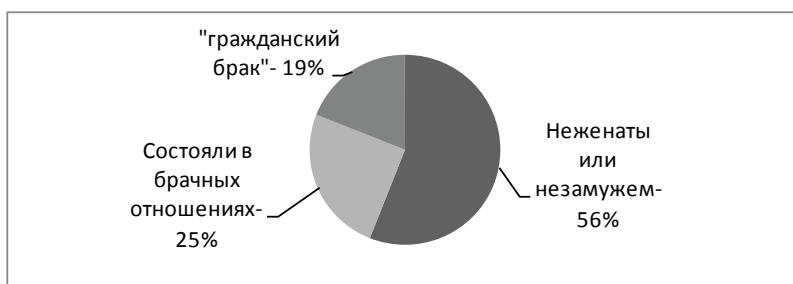

Рис. 5. [21]

Рис. 6. [21]

Как видно число лиц, повторно совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления гораздо меньше, чем лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести.

Личность преступника рецидивиста в юридической психологии рассматривается как совокупность психологических свойств, которые во взаимодействии с внешними условиями обуславливают совершение повторного преступления.

Рецидивная преступность — это проявление устойчивых антисоциальных качеств индивида. Поведение рецидивиста является криминальным и характеризуется взаимодействием механизмов саморегуляции не только сознательных, но и подсознательных. [22, С. 83]

Типология, рецидивиста, как извращённого типа личности, была предложена в 20-е годы XX века А. Ф. Лазурским, используется и настоящее время.

М. И. Еникеев констатирует, что согласно указанной типологии, всех устойчивых преступников можно подразделить на несколько групп (классов): рассудочных, слабovolных, импульсивных, эмоциональных.

Рассудочные рецидивисты характеризуются, как правдивые, стойкой корыстной мотивацией.

Слабовольные рецидивисты совершают преступления в результате социальной дезадаптации, неблагоприятных жизненных обстоятельств, бытовых проблем.

Импульсивные рецидивисты характеризуются ослабленными тормозными процессами, на малейший повод реагируют бурно, отягощены умственной недостаточностью, алкогольной деградацией, неврозами, как правило, совершают хулиганство и насильственные преступления против личности.

У эмоциональных рецидивистов отмечается в виде доминанты всемерное утверждение своего превосходства над окружающими, гипертрофированное чувство обиды, мести, что влечёт за собой совершение преступлений с повышенной агрессивностью, особой жестокостью, глумлением, издевательствами. Чаще всего ими совершаются преступления против жизни и здоровья личности, хулиганство, вандализм, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества [22, С. 83]

Таким образом, существует множество определений лица, считающимся рецидивистом. Данный вопрос рассматривается с разных точек зрения, как точки зрения уголовного права, криминологии, так и с точки зрения психологии. Отсюда следует, что особенностью личности рецидивиста является упорное нежелание заниматься законопослушной деятельностью, несмотря на то, что в отношении его государством неоднократно применялись меры карательного и исправительного воздействия по факту ранее совершенных преступлений. Характер преступной направленности рецидивистов затрудняет их социально полезную адаптацию в постпреступный период.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.) [Электронный ресурс] // www.consultant.ru // (дата обращения 04.06.2017 г.).
2. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: Криминологическое и уголовно — исполнительное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — М., 2014. — 41 с. / Электронный ресурс // <http://www.twirpx.com/file/1550186/> (дата обращения 04.06.2017 г.).
3. Кибальник А. Соломенко И. Юридические оплошности действующего Российского законодательства // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 28–29.
4. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. И. Эминова. М.: Юрист, 2007. 734 с.
5. Криминология: учеб. / под ред. Г. А. Аванесова. — М.: ЮНИТИ- ДАНА, 2010. — 575 с.
6. Ломброзо Ч., Ферреро Э. Женщины — преступницы и проститутки. Киев. 1902.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Общая часть. 4-е издание, перераб. и доп. М. Волтерс клувер. 2007—710 с.
8. Некрасов А. П., Борисов А. В. Некоторые вопросы совершенствования правового регулирования рецидива преступлений несовершеннолетних и проблемы назначения наказания в виде лишения свободы // Чёрные дыры в российском законодательстве. — 2011. — № 6.
9. Нуриллоева З. З. Личность рецидивиста. Современная характеристика личности рецидивиста // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2009. № 1—146 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка — М., 2010. — Изд. ООО «АТЕМП» — 944с.
11. Платонов К. К. Сознание и социальная среда. — М.: Прогресс, 1980. — С. 30—35.
12. Южанин В. Е., Армашова А. В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России. — М.: Юрлитинформ, 2007. — 192 с. С. 3.
13. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ РосПравосудие // [Электронный ресурс] URL: <https://gospravosudie.com> (дата обращения 07.04.2017).
14. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25.12.1958 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-normy/j3n.htm> (дата обращения 07.04.2017).
15. Постановление Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 26.03.1928 // Еженедельник советской юстиции 1928 г. № 14 16 апреля [Электронный ресурс] URL: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3599/1/sovetskaya_yustitsiya_1928_14.pdf (дата обращения: 06.04.2017).
16. Псковская судная грамота. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 02.04.2017).
17. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: Постановление Народного комиссариата по юстиции от 12.12.1919 г. [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=4859> (дата обращения: 06.04.2017).
18. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации // Данные судебной статистики // [Электронный ресурс] // <http://www.cdep.ru> // (дата обращения 06.04.2017).
19. Уголовный кодекс РСФСР: Постановление Всесоюзного центрального исполнительного комитета от 01.06.1922 г. [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=3006> (дата обращения: 06.04.2017).
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87/> (дата обращения: 02.04.2014)
21. Управление Судебного департамента в Забайкальском крае // данные судебной статистики // [Электронный ресурс] // <http://usd.cht.sudrf.ru> // (дата обращения 25.09.2016).
22. Еникеев М. И. Юридическая психология — СПб — 2004—256 с.

Функции судебной власти

Смагина Александра Александровна, студент
Рязанский педагогический колледж

Наруцкая Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Рязанский филиал Московской академии экономики и права

В статье рассматривается понятие судебной власти в функциональном и институциональном аспектах. Анализируется функциональное назначение судебной власти. Рассматриваются общеправовые и специально-юридические функции судебной власти, в качестве основополагающей указывается функция правосудия.

Ключевые слова: государственная власть, судебная власть, правосудие, функции судебной власти

Конституционное установление принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную является одним из условий развития России как правового государства. Закрепление в ст. 10 Конституции РФ судебной власти в качестве отдельной, независимой ветви власти не повлекло за собой законодательного формулирования определения судебной власти в актах, непосредственно регулирующих систему и деятельность судебных органов. Ни в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ни в иных законодательных актах нет определения «судебной власти». Вместе с тем, установление сущности указанной категории и конкретного, чётко определенного функционального назначения судебной власти имеет громадное как теоретическое, так и практическое значение.

Современная судебная власть представляет собой самостоятельную, независимую ветвь государственной власти, которая, как и законодательная и исполнительная ветви власти организационно оформлена и представлена конкретными органами, обладающими своей компетенцией. Такими органами являются судебные органы, а их компетенция находится в области защиты прав и законных интересов субъектов. А. В. Кочетова достаточно отчётливо определяет отличие судебной власти от законодательной и исполнительной, указывая следующее: «Суд не создает общих правил поведения (законов), он не занимается исполнительной деятельностью. Власть суда имеет конкретный характер. Суд осуществляет правосудие, обеспечивает господство права, защиту прав граждан. Он устанавливает также наиболее значимые юридические факты. Суд принимает решения в соответствии с законом и внутренним убеждением, сложившимся у судьи, судебной коллегии в процессе рассмотрения дела. [3, с. 30]. Суд не обладает административными либо законодательными функциями, которые присущи, соответственно, исполнительной либо законодательной ветвям власти.

Задача судебной власти во все времена ее существования заключалась в применении закона, действующего на момент рассмотрения спора, в процессе рассмотрения возникшего спора (гражданское судопроизводство) или при рассмотрении дела относительно совершенного преступного деяния (уголовное судопроизводство). При этом суд должен действовать в защиту охраняемых государством прав и интересов, а сам процесс осуществля-

ется в порядке, который достаточно конкретно определен процессуальными нормами.

В современной литературе исследователями предлагается множество определений судебной власти. Так, Матякин Е. Е., на основе определения, предложенного В. В. Лазаревым, судебную власть определяет «как самостоятельное публично-правовое образование, представляющее собой систему специальных государственных и муниципальных органов, обладающих предусмотренными законом властными полномочиями, направленными на установление истины, восстановление справедливости, разрешение споров и наказание виновных, решения которых обязательны к исполнению всеми лицами, которых они касаются» [4, с. 72–73]. В данном определении «бросается в глаза» упоминание муниципальных органов в числе органов осуществляющих судебную власть. В связи с чем, следует напомнить ряд норм действующего законодательства: согласно ч. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, составляющие судебную систему Российской Федерации; в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» мировые судьи в Российской Федерации являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации.

Судебная власть представляет собой разновидность именно государственной власти, в рамках которой осуществляются властные функциональные полномочия по разрешению различных правовых конфликтов, которые возникают в рамках громадного количества разнообразных общественных отношений. При этом перед судом стоит задача разрешить возникший спор, обязав стороны неукоснительно следовать нормам права и исполнять то решение, которое примет суд.

Основное предназначение суда состоит в разрешении множества правовых конфликтов, которые имеют место между физическими и юридическими лицами, а также между человеком и государством (при совершении правонарушения). Суд разрешает такие конфликты посредством конституционного, гражданского, административного либо уголовного судопроизводства.

Редченко В. Г., вслед за Л. Ю. Грудцовой, сообщает нам, что существуют два аспекта понятия «судебная власть» — функциональный и институциональный. «В функциональном аспекте судебная власть представляет собой совокупность юрисдикционных полномочий, ограниченных юридической конституцией и общими принципами права, и связанных с ними полномочий государства, реализуемых от имени народа независимыми должностными лицами — судьями — в особо оговоренной законом судебной процедуре и иными должностными лицами, которые обеспечивают юрисдикционную деятельность судей. В институциональном аспекте судебная власть — это обособленная группа связанных между собой государственных учреждений (в основном судов), организующих и обеспечивающих реализацию судьями юрисдикционных полномочий» [5, с. 187].

В рамках функционального предназначения судебная власть, устанавливая истину по делу и принимая в итоге беспристрастное решение, восстанавливает справедливость, защищает интересы государства, права и свободы личности, защищает законные интересы иных субъектов общественных отношений (юридических лиц, муниципальных образований). Ткачева Н. В. считает, что одной из важнейших функций судебной власти признается «ограждение свободы личности, на стражу которой становится суд для устранения посягательств, направленных против нее как преступными действиями частных лиц, так и распоряжениями властей посторонних» [6, с. 67]. Далее, Н. В. Ткачёва обобщает существующие мнения ученых относительно функций судебной власти и их перечень получается достаточно обширным. В числе функций судебной власти указываются такие, как функция правосудия, осуществления судебного контроля, в том числе конституционного контроля, функция толкования Конституции РФ, судебного надзора, выделяется также воспитательная функция и миссия предупреждения правонарушений, формулирование законодательной инициативы, работа по обобщению судебной практики и анализу современной судебной статистики; функция вышестоящих судов по надзору за нижестоящими судами, осуществление контроля за процессом организацией работы судебных органов; функция правотворчества; деятельность по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, по защите судом иных прав и свобод личности; при этом, судопроизводство определяется в качестве основной функции судебной власти, так как ее социальное предназначение возможно реализовать только посредством отдельных видов судопроизводства; судебная власть призвана обеспечивать господство права в государстве. Таким образом, наряду с правосудием в механизме государства судебная власть выполняет множество иных функций [6, с. 67].

Тузов Н. А., проводя глубокий анализ функций судебной власти, к таковым относит: правоустановительную, правоприменительную, правоохранительную, идеологическую, культурно-воспитательную, политическую, социальную,

экономическую, управленческую, контрольную, диагностическую, предупредительную (превентивную, профилактическую), защитную, правовосстановительную функции [7, с. 95—104]. В число внутренних функций судебной власти также возможно отнести работу по внутреннему структурированию деятельности органов суда, по унификации судебного правоприменения, по обобщению и анализу судебной практики.

В связи с активным реформированием судебной власти в рамках федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406, значимым является выделение информационной функции судебной власти.

Направления информационной функции судебной власти, по мнению А. А. Герасимовой, заключаются в следующем:

- «1) обеспечение доступа к информации о деятельности судебной власти (пассивное информирование). Способами такого информирования являются: обеспечение доступа к информации о судебной деятельности в зданиях судов, доступ к ней через Интернет путем создания судебных сайтов и т. д.;
- 2) обеспечение распространения информации о деятельности судебной власти (активное информирование), осуществляемое следующими способами: взаимодействие со средствами массовой информации (далее — СМИ), создание собственных печатных изданий, создание пресс-служб судов и судебных департаментов, обеспечивающих донесение судебной информации до граждан, интерактивное общение между гражданами и судами и т. д. Данные способы предполагают информационное взаимодействие с заинтересованными лицами и СМИ» [1, с. 12].

Информационная функция, ввиду своей значимости и расширенного значения, следует отнести к категории общеправовых функций судебной власти. Именно к такой категории данную функцию относит А. А. Герасимова в своём диссертационном исследовании, где обоснованно утверждает, что функции судебной власти возможно классифицировать (разделить) на две группы:

- 1) общеправовые функции, к которым, по мнению А. А. Герасимовой, следует относить правозащитную функцию, правоохранительную функцию, правоприменительную функцию, интерпретационную и правотворческую функции, информационную функцию, воспитательно-исправительную, а также функцию реализации юридической ответственности;
- 2) специально-юридические функции, среди которых А. А. Герасимова выделяет функции правосудия, судебного контроля, а также внутрисистемного управления [2, с. 9].

Полностью соглашаясь с перечисленными выше функциями, которые бесспорно выполняет судебная власть,

на наш взгляд, функцию правосудия следует выделить отдельно, в качестве основной функции, так как именно функция правосудия принадлежит только судебной власти (и никому больше), в то время, другие функции, например, информационные, правозащитные, воспитательные и т. д. выполняют и иные органы государственной власти.

Литература:

1. Герасимова А. А. Информационная функция судебной власти // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 3 С. 11–17.
2. Герасимова А. А. Функции судебной власти в механизме современного российского государства: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. — 27 с.
3. Кочетова А. В. О понятии «Судебная власть» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4. С. 27–32.
4. Матякин Е. Е. Понятие судебной власти: постановка проблемы // Общество и право. 2011. № 3. С. 72–74.
5. Редченко В. Г. Содержание и признаки судебной власти // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 187–191.
6. Ткачева Н. В. Содержание функции судебной власти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 4. С. 65–69.
7. Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 95–104.

Таким образом, важнейшей, основополагающей функцией судебной власти в Российской Федерации является функция правосудия, т. е. функция осуществления правоприменительной деятельности в установленном законом процессуальном порядке по рассмотрению и разрешению споров и дел в целях защиты и охраны законных интересов человека, организаций, государства.

Условия возникновения обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан

Фефелова Елена Игоревна, магистрант
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В настоящее время, когда идет реформирование гражданского законодательства, ученым с особой интенсивностью необходимо подключиться к этому процессу и прежде всего к доктринальной разработке проблем правового регулирования тех отношений, совершенствование регламентации которых еще предстоит. К таким отношениям, в частности, относятся обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан. [1]

Обязательства вследствие причинения вреда являются важнейшими из видов внедоговорных охранительных обязательств. Они возникают в силу самого факта причинения вреда и в момент причинения вреда. А сторонами такого обязательства являются причинитель вреда и потерпевший. Очень часто обязательства вследствие причинения вреда называют в науке деликтными обязательствами, так как основанием их возникновения является правонарушение. По нашему мнению, понятия обязательства вследствие причинения вреда и деликтное обязательство являются понятиями тождественными и означающими одно и то же.

Обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних обладают значительным содержа-

тельным и структурным своеобразием. Многосубъектность данного вида обязательств и множественность участвующих в них лиц приводят к формированию многообразных структур этого правоотношения, свидетельствующих о вариативности его правовых моделей. На основе характера юридической связи субъектов предлагается следующая система указанных обязательств, включающая в себя целый ряд элементов:

1. единые правоотношения, осложненные множественностью лиц (например, солидарное обязательство родителей по возмещению вреда, причиненного их малолетним ребенком);

2. сцепленные правоотношения, где имеет место многосубъектность (в частности, субсидиарное обязательство родителей (усыновителей) возместить причиненный их несовершеннолетним ребенком вред при недостаточности у него имущества (доходов) для этого);

сопутствующие правоотношения (включая регрессные требования страховой организации к лицу, которое причинило вред несовершеннолетнему гражданину; обязательства по возмещению родителю расходов, понесенных им на лечение ребенка в связи с причинением вреда здоровью

последнего; возмещение родителю утраченного заработка (дохода) в случае прекращения им трудовых отношений в связи с необходимостью ухода за несовершеннолетним ребенком, здоровью которого причинен вред);

самостоятельные правоотношения, возникающие в результате ущемление имущественной сферы одного лица вследствие причинения вреда другому лицу (несение расходов на погребение потерпевшего). [2]

Общими предпосылками участия несовершеннолетнего в обязательствах вследствие причинения вреда в качестве потерпевшего (кредитора) являются: в отношении малолетних — наличие у них правоспособности, а также правоспособности и дееспособности у лиц, осуществляющих их права; касательно граждан от 14 до 18 лет — наличие у них правоспособности и дееспособности. В связи с этим предлагается на уровнях правоспособности и дееспособности говорить соответственно о способности гражданина иметь право на возмещение причиненного вреда и о способности своими действиями осуществлять указанное право, а применительно к субъективному праву использовать словосочетание «право требовать возмещения вреда». [4]

Несовершеннолетние, согласно действующему законодательству, разделены на две группы: малолетние до 14 лет — это первая группа, соответственно во вторую группу входят несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Данные группы несовершеннолетних обладают разным объемом дееспособности и деликтоспособности.

Согласно ст. 28 ГК РФ за несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), сделки, могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны. Но малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

Имущественную ответственность по сделкам малолетнего, в том числе по сделкам, совершенным им самостоятельно, несут его родители, усыновители или опекуны, если не докажут, что обязательство было нарушено не по их вине. Эти лица в соответствии с законом также отвечают за вред, причиненный малолетними. При этом ребенок в возрасте до шести лет считается абсолютно (полностью) недееспособным в силу незрелости психики. Поэтому можно точно сказать, что данная категория граждан является неделиктоспособной.

По общему правилу несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет совершают сделки с письменного согласия родителей, усыновителей или попечителя. Сделка, совершенная таким несовершеннолетним, действительна также при ее последующем письменном одобрении его родителями, усыновителями или попечителем.

Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя:

- 1) распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами;
- 2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности;
- 3) в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими;
- 4) совершать мелкие бытовые сделки и иные сделки, предусмотренные пунктом 2 статьи 28 ГК РФ.

По достижении шестнадцати лет несовершеннолетние также вправе быть членами кооперативов в соответствии с законами о кооперативах. [3]

Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут имущественную ответственность по сделкам, совершенным ими. За причиненный ими вред такие несовершеннолетние несут ответственность, и лишь в случае недостаточности либо отсутствия у него имущества для возмещения вреда к дополнительной ответственности привлекаются законные представители, иные лица, по вине которых причинен вред, создана угроза причинения вреда.

Для применения гражданско-правовой ответственности законодатель закрепил обязательные общие требования: вред, противоправность поведения причинителя вреда, причинная связь между поведением причинителя вреда и вредом, вина причинителя вреда. Общим и обязательным основанием возникновения любого обязательства из причинения вреда является факт причинения вреда имуществу гражданина или юридического лица либо неимущественным благам гражданина. Но так как субъектами правоотношений вследствие причинения вреда в служат несовершеннолетние, нами рассмотрены специальные условия ответственности за причинение вреда, так как ранее было сказано, что малолетние граждане, не несут самостоятельно ответственность, а несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, хотя и являются деликтоспособными, и лишь в случае недостаточности либо отсутствия у него имущества для возмещения вреда к дополнительной ответственности привлекаются законные представители, иные лица, по вине которых причинен вред, создана угроза причинения вреда. Поэтому законные представители (родители, усыновители, попечители, опекуны), выступают субъектами в данных правоотношениях, кроме того несут ответственность, но не только за вред, причиненный несовершеннолетними, но и за собственную вину. Так как неисполнение (ненадлежащее исполнение) ими своих обязанностей по воспитанию, надзору и по содержанию детей, является причиной причинения вреда последними.

Противоправное поведение в таких отношениях имеет двухзвенную структуру: первое (основное) звено составляет

противоправное бездействие родителей (лиц, их заменяющих), второе звено образуют действия малолетнего как результат бездействия законных представителей.

В данных правоотношениях возникает необходимость установить причинно-следственную связь между поведением непосредственного несовершеннолетнего причинителя вреда и наступившим вредом, а также причинную связь между действиями непосредственного причинителя вреда и ненадлежащим осуществлением своих обязанностей по воспитанию и надзору ответственного лица (родителя, усыновителя, опекуна).

Таким образом, в том случае, когда вред причинен несовершеннолетним в возрасте до 14 лет, к условиям ответственности следует отнести: поведение ребенка и действие (бездействие) законных представителей, иных лиц, которое является, как правило, виновным и противоправным; вред или угрозу причинения вреда третьему лицу; причинную связь между поведением ребенка, его законных представителей, иных лиц и вредом; вину законных представителей, иных лиц.

В случае когда несовершеннолетний причинил вред в возрасте от 14 до 18 лет, условиями ответственности являются действие (бездействие) ребенка и действие (бездействие) законных представителей, иных лиц; вред или угроза причинения вреда третьему лицу; причинная связь между поведением и вредом; вина ребенка, законных представителей, иных лиц; недостаточность либо отсутствие имущества у ребенка.

Исходя из специальных условий ответственности за причинение вреда несовершеннолетними можно сделать вывод и об особенностях структуры, данного вида обязательства, так как в них присутствует множественность лиц, со стороны причинителя вреда в роли которых выступает несовершеннолетний и его законные представители, которыми могут быть родители, усыновители, попечители и организации: образовательные, лечебные учреждения, учреждения социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения, в которых находятся несовершеннолетние на полном государственном попечении, а также органы опеки и попечительства.

Литература:

1. Вопросы совершенствования законодательства в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики. Е. В. Рузанова. Краснодар: ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева, 2015 г., Власть закона. С. 110–120.
2. Актуальные вопросы правового регулирования обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних. Н. В. Лизякина. 2016.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. 2017.
4. Деликтоспособность граждан как элемент гражданской дееспособности: психологические предпосылки и юридическое содержание понятий. Е. В. Рузанова. 6–2, 2008. Известия Самарского научного центра Российской академии наук.

Правовая культура населения

Чубоева Озода Кувонбековна, старший преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

После обретения независимости Республики Узбекистан, быстрыми темпами осуществляется работа по повышению правовой культуры и улучшению правового воспитания населения как одно из основных направлений государственной политики. Необходимо отметить, что оказывается всестороннее содействие политическим, экономическим, социальным реформам, проводимым на пути строительства в республике правового государства и глубокому осознанию населением сущности принимаемых в этом направлении законов.

Становление Узбекистана как демократического правового государства предполагает высокий уровень правовой культуры граждан, социальных групп, и институтов

гражданского общества. А это требует принятия эффективных мер по организации правового воспитания населения как общегосударственной задачи, охватывающей все слои населения.

В любом обществе проблема формирования и совершенствования правовой культуры населения является неизменно актуальной. В нашем государстве особое внимание уделяется построению правового демократического государства, защите прав и свобод человека, повышению правовой культуры населения. Как отмечает Первый Президент И. А. Каримов: «Только по-настоящему образованный человек может высоко ценить достоинства человека, сохранять национальные ценности, повышать национальное

самосознание, самоотверженно бороться для того, чтобы жить в свободном обществе, чтобы наше независимое государство заняло достойное, авторитетное место в мировом сообществе» [1].

Правовая культура представляет качество правовой жизни общества и степень гарантированности государством и обществом прав и свобод человека, а также знание, понимание и соблюдение права каждым отдельным членом общества [2, 34]. Правовую культуру определяют степень развитости правосознания населения, уровень развития правовой деятельности, а также степень совершенства всей системы правовых актов.

Таким образом, сущностью правовой культуры является мера освоения правовых ценностей, накопленных обществом и их использование различными субъектами в правовой сфере.

Успешное решение задач правового регулирования возможно только при высоком уровне цивилизации, политической и правовой культуры. Само право следует рассматривать в качестве одного из проявлений человеческой цивилизации и культуры. Область культуры столь специфична, что регулирование отношений людей здесь с помощью законов является делом не менее тонким, чем регулирование экономических отношений. Есть большая доля истины в том, что право не может быть выше, чем культурное развитие общества. Поэтому издаваемые государством законы если и должны в качестве определенной модели вести за собой (формировать) соответствующие отношения, то не настолько, чтобы отрываться от них и превращаться в законы неправовые. Можно также утверждать, что для большинства числа людей нормативом поведения служит не закон, а сама культура (общая и юридическая), поскольку они не знают конкретных нормативно — правовых предписаний, никогда не знакомились с правовыми актами. Следует всегда иметь в виду двустороннюю связь закона и культуры, не упуская из вида «производительную» роль культуры в процессе законодательной деятельности. Но при реализации права гражданами их культуре доверяют меньше, поскольку велика опасность отклонения от нормы закона в силу личной заинтересованности, неразвитости юридической культуры, ее отсталости, с ориентированности на социальные ценности.

Высокий уровень культуры неизбежно открывает путь правовому развитию общества, правовому закону и правовому государству. Неразвитость культуры, напротив, обуславливает правовой нигилизм, деспотические формы и методы властвования. Таким образом, эффективность регулирующей роли законодательства в области культуры прямо пропорциональна уровню развития культуры, то есть объекту регулирования.

Недостаток нынешнего состояния правовой культуры молодежи — не достаточное знание законов. Нередко бывает и так, что молодые люди знают законы, но соблюдать их не спешат, потому что не верят в их силу, не признают их роли в обществе (*правовой нигилизм*) или готовы ис-

пользовать законы только в корыстных личных целях (*правовой цинизм*). Также существует еще *правовая безграмотность*, которая выражается в незнании или в очень плохом знании норм права, но может сочетаться с достаточно высоким уровнем нравственного развития. Весь мир права сводится у малограмотных людей только к уголовному законодательству. Они забывают о гражданской, административной, трудовой и других отраслях права, без знания которых легко запутаться в трудных вопросах повседневной жизни [3, 63].

Конфликт может возникнуть и в результате произвола, когда человек ставит свое «Я» выше норм права и морали общества, руководствуясь при этом идеями прогресса. Общество карает личность за произвол. В обиходной жизни мы забываем об ограничении правил и норм поведения, но они все же остаются для нас незыблемыми. На стадии правосознания они высвечиваются и выступают уже как осознанные регулятивы.

Правосознание во многом ориентируется на рационально-нравственные оценки. Между нравственностью и правом существует теснейшая связь: право в самом себе имеет и нравственный смысл. Если поднять культуру правосознания до самого чистого добродетельного образа мыслей, то закон также станет мотивом сообразных с долгом поступков. И в самом деле, лишь те, кто опирается только на разум и совесть, живут на основе права и закона.

Правосознание суть той формы общественного сознания, в которой выражаются знание и оценка принятых в данном обществе в качестве юридических законов нормативов социально-экономической деятельности различных субъектов права — индивида, организации предприятия, трудовых коллективов, должностных лиц и т. п.

Если высокий уровень нравственности и правовой культуры необходимы гражданам, то еще более высокий уровень составляет саму сущность государственной власти, ибо вся власть есть сила, уполномоченная народом к управлению другими, что предполагает и воспитывающее воздействие на них.

Соблюдением законов обеспечивается государством, которое в тех случаях, когда это необходимо, прибегает к принуждению. К сожалению, простые люди (да и не только они) находятся на довольно низкой культуре правового сознания, но это уже различие ступеней правосознания, а не его сути.

Понимание правовой культуры предполагает понимание того, что законно или незаконно, и осознание того, что исполнение его обязательно. По словам Ф. М. Достоевского, подавлять в себе долг и не признавать обязанности, требуя в то же время всех прав себе, есть только свинство. Право — необходимое условие существования свободных людей в обществе. Если ты хочешь быть свободным, ты должен ограничить свою свободу, дабы предоставить свободу другим [4, 62].

Таким образом, повышение уровня правовой культуры предполагает, с одной стороны, преодоление правового нигилизма, с другой — преодоление правового идеализма.

И то, и другое вызывает необходимость в осуществлении большой работы по повышению юридической грамотности всех слоев населения, а также по надлежащему кадровому обеспечению государственных учреждений, осуществляющих юридическую деятельность.

Приоритеты гражданского общества реализуются в Национальной программе на основе тесной взаимосвязи реформ систем образования и подготовки кадров с проводимыми в обществе преобразованиями, построением развитого, демократического, правового государства.

Уровень юридической грамотности, правовой культуры членов общества зависит в первую очередь от характера, духа социальной практики, складывающейся в сфере правового регулирования, функционирования власти. Но следует признать, что немаловажное значение имеет и целенаправленная работа по правовому воспитанию населения, если она будет осуществляться в условиях благоприятной для права социально-политической практики. Под правовым воспитанием понимается систематическая и целенаправленная деятельность государства, негосударственных объединений, направленная на формирование у граждан правовых знаний, навыков правомерного поведения, уважительного отношения к праву, на развитие и поддержание у них позитивной активности в сфере права. Правовое воспитание может проводиться в различных формах. Это, прежде всего, юридическое образование, просвещение, правовая пропаганда, широкая гласность в правотворческой и правоприменительной практике. Оно осуществляется путем преподавания основ права в общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведениях, проведение занятий в системе повышения квалификации, правовой пропаганды и просвещения через печать и телевидение, посредством организации лекций и бесед на правовые темы для населения. Все это в комплексе оказывает влияние на формирование правосознания и правовой культуры на индивидуальном, групповом и общественном уровнях.

Актуальным на сегодняшний день является рассмотрение правовой культуры молодежи, ее анализ как самостоятельной социально-демографической группы.

В условиях государственной независимости молодежь оказывает возрастающее воздействие на все стороны социальной жизни. Разрешение молодежных про-

блем во многом зависит от того, какую позицию занимает в этом вопросе правовое регулирование. Государство решает широкий комплекс молодежных проблем, связанных с ее правовым статусом. Для решения этих задач, а также для создания условий демократизации общественной жизни и формирования основ правового государства была принята Национальная программа правовой культуры в обществе, утвержденная постановлением Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 29 августа 1997 года. Цель национальной программы — создание всеохватывающей постоянно действующей системы формирования правовой культуры, с тем чтобы все слои населения овладели правовой грамотностью, достигли высокого уровня правосознания, могли применять правовые знания в повседневной жизни.

Знание молодежью норм различных отраслей права, правовых принципов, порядка образования и деятельности государственных органов составляет необходимую предпосылку формирования у молодых людей правовой культуры.

Сущность правовой культуры и правового воспитания молодежи нельзя рассматривать лишь как приобретение некой суммы знаний о нормах и принципах действующего законодательства. Целью правового воспитания и правовой культуры молодежи является формирование у личности законопослушания и уважения к закону. Уважение к закону означает не простое соблюдение норм права как внешних по отношению к индивиду предписаний и запретов, а органическое восприятие их в качестве совпадающих ценностей для личности и общества [5, 12].

Правовое воспитание связано с усвоением личностью правового опыта, соответствующих культурных ценностей, которые имеются в обществе.

Правовое воспитание представляет собой процесс воспитательного воздействия на человека. Но это и результат данного процесса, т. е. правовая воспитанность личности. Если в первом случае правовую культуру можно рассматривать и как одно из основных направлений, целей правового воспитания, и как важнейшую его предпосылку, то во втором случае, т. е. в отношении правовой воспитанности, правовая культура выступает уже как совокупность качеств личности, характеризующих ее правосознание и правовое поведение в их неразрывном единстве [5, 13].

Литература:

1. Каримов И. А. Гармонично развитое поколение — основа прогресса Узбекистана. Выступление на IX сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Учитель Узбекистана. 3 сентября 1997 год.
2. Саидов. А. Х. Правовое воспитание — важный фактор формирования гармонично развитого поколения.
3. Якушев А. В. Теория государства и права. М.: ПРИОР, 2000. С. 161.
4. Спиркин А. Г. Философия. М.. 2000. С. 801.
5. Абзалов Э. Проблемы совершенствования правовой культуры молодежи. Автореф. диссер. канд. наук — Т.: ТГЮИ, 2000. С. 15.

Институт выдачи в международном уголовном праве

Ширинова Фатима Насировна, старший преподаватель

Ташкентский университет информационных технологий имени аль-Хорезми (Узбекистан)

Современная преступность не знает территориальных границ, и это диктует необходимость все более тесного сотрудничества государств в борьбе против нее. При этом важно обеспечить должный баланс между интересами государств при решении вопросов выдачи и правами выдаваемых лиц.

Правовая реформа, проводимая в нашей стране, пересмотр действующего законодательства обуславливает необходимость ясного понимания и последовательного проведения согласованной и гуманной политики в области прав человека. В деле поддержания международного мира и безопасности значительное место занимает принцип международно-правовой ответственности государств. В международных отношениях не должно быть места произволу и нарушениям государствами своих обязательств, из каких бы источников эти обязательства ни возникали, а виновные в таких нарушениях государства должны нести ответственность, объем, виды и формы которой определяются международным правом. Различия в правовых системах государств находят отражение и в международно-правовом регулировании института выдачи. Англо-американская система отрицает существование многих принятых другими странами принципов выдачи в качестве общеобязательных. Главное значение придается двусторонним договорам, особенно когда речь идет о сотрудничестве с государствами с иной системой права.

В отличие от внутреннего права, где существует аппарат государственного принуждения, в международных отношениях действует принцип добровольного и добросовестного выполнения государствами своих обязательств по международному праву (*pacta sunt servanta*). Невыполнение государствами своих обязательств всегда, хотя бы опосредствованно, приводит в той или иной мере к нарушению международного правопорядка, поскольку это подрывает веру в значение принципа *pacta sunt servanta*, служащего основой международного общения.

Выдача — древнейшая форма взаимной помощи государств в борьбе с преступностью. Можно привести много примеров из истории развития формы взаимной помощи. Право государств неодинаково регламентирует институт выдачи. Существуют два основных вида комплекса норм института выдачи: первый условно можно назвать европейским, второй — англо-американским. Первый распространен в странах романо-германского права континентальной Европы и латиноамериканских странах, а также бывших колониях, за исключением британских. Второй присущ государствам «общего права».

В результате восстановления общедемократической идеи невыдачи за политические преступления в праве большой группы государств существенно упрочиваются позиции

этой концепции в международных отношениях. В 1948 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека. Многие принципиальные ее положения явились результатом усилий мирового сообщества придать ей характер, отвечающий интересам широких народных масс. Многие страны приняли самое активное участие в разработке Международных пактов о правах человека, конвенций о запрещении всех форм расовой дискриминации, о предупреждении преступления геноцида, о пресечении преступления апартеида и т. д. Сегодня институт выдачи приобретает особое значение. В результате интеграционных процессов границы многих государств стали «прозрачными», усовершенствовались средства коммуникации. Все это существенно облегчает лицам, совершившим преступление в одном государстве, укрыться в другом.

Право государств неодинаково регламентирует институт выдачи. Существуют два основных вида комплекса норм института выдачи: первый условно можно назвать европейским, второй — англо-американским. Первый распространен в странах романо-германского права континентальной Европы и латиноамериканских странах, а также бывших колониях, за исключением британских. Второй присущ государствам «общего права» [1, с. 65]. Еще более важно то, что новые условия активно используются организованной преступностью, которая в растущей мере обретает международный характер. Известно немало случаев, когда организованная преступность оказывает существенное влияние на национальную экономику и госаппарат. Ее деятельность приобретает новые масштабы и становится все более опасной по содержанию. Это незаконная торговля наркотиками, терроризм, отмывание денег, преступления против безопасности гражданской авиации и морского судоходства и др.

Международно-правовое регулирование прав и основных свобод человека носит особый, специфический характер. Эта специфика связана, прежде всего, с тем обстоятельством, что за исключением некоторых случаев, вопрос о конкретном осуществлении прав человека и их непосредственной регламентации входит в сферу внутренней компетенции государств. Международное право регулирует правоотношения главным образом государств. Отдельные лица не могут быть непосредственными носителями прав и обязанностей по международному праву. Конкретное содержание отдельных прав и основных свобод человека в национальном законодательстве зависит, в конечном счете, от социальной природы тех или иных государств, которые должны обеспечивать эти права и свободы. Устав ООН, как и принятые, в послевоенные годы соглашения в области прав человека, относит их исклю-

чительно к внутренней компетенции государств. В них речь идет не о «международной защите» прав человека, а о развитии международного сотрудничества в целях содействия всеобщему уважению и соблюдению прав и основных свобод человека.

Возникает такое положение, когда осуществление прав человека, являясь объектом регулирования в целом ряде международных соглашений, число которых быстро увеличивается, и которые носят, несомненно, нормативно-обязательный характер, остается, кроме ограниченного числа случаев, исключительно делом соответствующих государств. С точки зрения международного права международное сообщество — это совокупность в первую очередь государств, связанных друг с другом многообразными политическими, экономическими и прочими отношениями, причем регулирование этих отношений должно осуществляться на основе соблюдения принципов суверенного равенства государств и их невмешательства во внутренние дела друг друга.

Эти принципы были закреплены в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, и во многих других важных международных документах.

С точки зрения международного права международное сообщество — это совокупность в первую очередь государств, связанных друг с другом многообразными политическими, экономическими и прочими отношениями, причем регулирование этих отношений должно осуществляться на основе соблюдения принципов суверенного равенства государств и их невмешательства во внутренние дела друг друга. Эти принципы были закреплены в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, и во многих других важных международных документах [2, с. 115].

Уважение к правам и основным свободам человека является в настоящее время одним из общепризнанных принципов международного права. Возникновение этого нового принципа вызывает необходимость показать его соотношение с другими ранее сложившимися принципами, выявить его роль в развитии мирного сосуществования между народами, определить его истинное место в процессе разрядки. Как подчеркивается в Уставе ООН, всеобщее уважение и соблюдение прав и основных свобод человека без каких-либо различий, равно как и повышение уровня жизни, полная занятость населения, условия экономического и социального прогресса и развития, разрешение международных проблем в области культуры и образования должны поощряться «с целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов» [1, с. 65].

Современное международное право достаточно четко определило параметры применения института выдачи,

дало ответ на вопросы, которые обычно возникают в этой связи в отношениях между государствами. В настоящее время институт выдачи однозначно применяется только к лицам, которые уже осуждены, или к предполагаемым преступникам, т. е. к тем, кто обвиняется в совершении преступления. Вместе с тем даже сейчас нередки случаи, когда государство обращается к другому государству с требованием о выдаче на том основании, что лицо, находящееся на его территории, является гражданином государства, требующего выдачи. Но в отношениях между государствами действует общепризнанная норма, согласно которой полагается соблюдать право каждого лица покидать любую страну; включая свою собственную, и государства обычно с уважением относятся к этому праву. Они не принимают в отношении иностранных граждан никаких насильственных мер по их выдаче или высылке, если эти иностранцы законным образом находятся на их территории и не совершили каких-либо действий, влекущих за собой выдворение в соответствии с законодательством.

Получает определенное распространение принцип, согласно которому лица, преследуемые по политическим мотивам и в этой связи покинувшие родину, выдаче не подлежат. Как правило, выдачи требует государство, гражданином которого является предполагаемый преступник, государство, на территории которого совершено преступление, а также государство, потерпевшее от преступления.

Действующие в настоящее время положительные начала относительно выдачи преступников основываются:

- 1) на международных карательных конвенциях;
- 2) на законах о выдаче, изданных в некоторых государствах.

Современная преступность не знает территориальных границ, и это диктует необходимость все более тесного сотрудничества государств в борьбе против нее. При этом важно обеспечить должный баланс между интересами государств при решении вопросов выдачи и правами выдаваемых лиц. В результате восстановления общедемократической идеи невыдачи за политические преступления в праве большой группы государств существенно упрочиваются позиции этой концепции в международных отношениях. В некоторых странах приняты специальные законы о выдаче, но в большинстве соответствующие нормы содержатся в конституционном, уголовном, уголовно-процессуальном праве. В качестве примера новых законов о выдаче можно указать на законы Австрии, Германии и Швеции. Все они основаны на тех же принципах, что и Европейская конвенция о выдаче 1957 г. (ее содержание будет изложено достаточно подробно), и предусматривают возможность отказа в выдаче, если судебная система запрашивающего государства не отвечает требованиям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Примером правовой системы, в которой отсутствует специальный закон о выдаче, служит система Италии. Соответствующие вопросы регламентируются Конституцией,

Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами. Общие принципы те же, что и в законах о выдаче европейских государств. В частности, выдача, как правило, не может быть произведена без решения суда.

Литература:

1. Лукашук. И. И. Международное уголовное право. — М., 1999.
2. Международное уголовное право. — М., 1999.

ИСТОРИЯ

Деятельность крупнейших библиотек системы высшего образования Узбекистана: исторический аспект (1918–1960)

Аракелов Сергей Рубенович, старший преподаватель
Ташкентский университет информационных технологий имени аль-Хорезми (Узбекистан)

Библиотеки являются неотъемлемой частью общей культуры народа. Они призваны содействовать трудящимся массам в образовании, воспитании, духовно-культурном развитии, в росте экономики страны. Особая роль в этом принадлежит библиотекам вузов Узбекистана, среди которых, по праву, одно из первых мест занимает Научная библиотека Ташкентского государственного университета. Её многолетняя история и деятельность неразрывно связаны подготовкой высококвалифицированных молодых кадров по многим отраслям народного хозяйства республики. Вместе с тем значительный вклад библиотека внесла в воспитание современной молодежи, её научно-техническую подготовку. Своими богатейшими книжными фондами она содействовала учёным Узбекистана в разработке многих весьма важных научных проблем. Её деятельность, несомненно, может быть наглядным примером для других библиотек республики. Являясь родоначальником многих институтских библиотек, она стала официальным центром всей методической, организационной и библиографической работы вузовских библиотек Узбекистана.

«Туркестанский народный университет был открыт в Ташкенте 21 апреля 1918 года. Это был единственный центр народного образования на территории Средней Азии и Казахстана. Но и его нельзя было причислить к вузам. Он не имел высококвалифицированных кадров, программы обучения не соответствовали требованиям вуза. Поэтому местная научная интеллигенция ставила вопрос о необходимости открытия высшего учебного заведения, обеспеченного квалифицированными научно-педагогическими кадрами, оборудованием для лабораторий и научной библиотек» [1, с.3–4]. Работа по созданию фундаментальной библиотеки университета бала начата с первых же дней открытия учебного заведения. В газете «Народный Университет» было напечатано обращение: «При университете создаются библиотеки и читальни, на помощь живому слову идет книга. Теперь, в период экономико-технической разрухи, когда нет ни одного издательского дома, и книг, нужных народу, не печатается, огромная потребность в них не удовлетворяется. Долг каждого истинного

гражданина помочь не словами, а делом народу, долг каждого дать книги... Все он примет с благодарностью» [2].

Обращение «Народного Университета» нашло поддержку у населения. В Ташкенте был объявлен трёхдневник по сбору книг для университета и студенты, преимущественно члены «Студенческого Союза», производили этот сбор по квартирам частных граждан. В течение трёх дней было собрано около 6000 томов, но это была преимущественно литература, малопригодная для академической библиотеки и большая часть ее была распределена по связанным с университетом школам. Ясно, что оставшейся литературы для университета было крайне недостаточно. Поэтому в мае 1918 года был организован оргкомитет Туркестанского университета и одной из основных его организационных работ был сбор книг для университетской библиотеки.

Первым солидным вкладом для библиотеки были книги по Туркестановедению и сельскому хозяйству, пожертвованные в начале 1919 года наследниками профессора П. А. Комарова /Чимкент/, согласно его завещанию. С этого же времени в фонд библиотеки стали поступать книги из ликвидируемых учреждений и организаций, например: бывшего Ташкентского Совета Народного образования и мужской гимназии. Туркестанская Публичная библиотека /ныне Национальная библиотека им. А. Навои/ [3, с.4] выделила книги по Туркестановедению из своего дублетного фонда. В ограниченных размерах производилась покупка книг у частных лиц не только в Ташкенте, но и в других городах. Несмотря на экономические трудности, правительство очень щедро выделяло деньги для организации университета, особенно для покупки книг. К началу своей фактической жизни, как полноправного ВУЗа, университет имел фонд из 75 тысяч томов самого разнообразного содержания, в том числе и периодической литературы [4, с.3–5]. С 1924 года началась издательская деятельность университета. Издаваемые «Бюллетени» и «Труды» университета стали широко рассылаться во все учебные и научные заведения страны и за границу, в порядке взаимного книгообмена, это позволило значительно

увеличить фонд библиотеки научной литературой на русском и иностранных языках по профилю университета. Но только с 1926 года библиотека стала на путь своего планомерного комплектования. С этого же года она стала получать обязательный экземпляр всей печатной продукции, издававшейся в Узбекистане и Туркестане. На октябрь 1927 года библиотека имела около 85000 томов книг на узбекском, русском и других языках; 2500 названий периодических изданий. В качестве специальной коллекции в библиотеке имелся отдел старинных и редких книг, среди которых 2 инкунабулы, несколько субинкунабулов, а также значительная коллекция восточных рукописей и литографированных изданий, примерно около 100 книг по масонству, в которой есть редкие экземпляры 18 века. Библиотека выдавала книги на дом преподавательскому составу, студентам и служащим университета, а также по особым разрешениям и «посторонним» лицам, связанным в своей работе с научной литературой. Читальный зал был предоставлен для всех желающих. Библиотека становилась более книгообеспеченной. В ней проводилась активная работа с книжными богатствами, организовывались различные выставки в читальном зале, особым вниманием пользовались различные выставки новых поступлений, составлялись списки поступающей литературы с их последующим распределением по кафедрам и факультетам университета.

Значительной датой в жизни библиотеки является 1934 год. В этом году было выработано «Положение ФБ САГУ (Фундаментальная библиотека Среднеазиатского государственного университета)». На основании этого положения, уже с осени того же года при библиотеке начали функционировать Библиотечная комиссия и Библиотечный совет. В 1938 году библиотека, по своим книжным фондам и масштабам работы, была включена в число тридцати крупнейших библиотек страны, и за ней был закреплен платный обязательный экземпляр всей книжной продукции страны.

Значительное место в деятельности библиотеки уделялось библиографической работе. Это объяснялось тем, что по мере возрастания книжного фонда возникла необходимость в пособиях, содержащих указание, где можно быстро найти наиболее полные и точные сведения о необходимых печатных материалах. Основной научной продукцией библиотеки являются библиографические труды краеведческого характера, тематика которых, в основном, подчинена проблемам научно-исследовательской работы университета, отражает его историю и деятельность. Многие из них заслуживают особого внимания.

Остановимся на изданиях, подводящих итоги развития научной мысли ученых университета. Первая публикация этого типа «Указатель изданий Средне-Азиатского государственного университета» [5] составлен библиографом-краеведом Н. А. Буровым. Обе части указателя охватывают научную продукцию университета за 1922–1933 гг. Материал указателя расположен в хронологическом по-

рядке выходивших выпусков с раскрытием содержания каждого из них.

Над изучением восточных рукописей и литографированных изданий, хранящихся в Научной библиотеке САГУ, работал выдающийся ученый-востоковед А. А. Семенов /1873–1958 гг./. Ещё в тридцатые годы он составил описание части рукописного собрания библиотеки университета. В 1935 году оно было опубликовано под названием «Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета» [6]. Описание охватило 140 рукописей прозаического и поэтического характера, содержащие сведения по философии, филологии, истории, географии, религии, а также библиографические данные об ученых, поэтах, писателях, духовных лицах стран Востока.

Труд А. А. Семенова является источником для изучения прошлого народов Средней Азии и сопредельных с ней стран. А. А. Семёнов посвятил многие свои труды раскрытию богатейшего наследия крупнейших деятелей культуры и науки Востока и Средней Азии. Среди них труд, посвященный великому поэту и мыслителю Средней Азии Алишери Навои — «Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нём» [7]. Данная библиография составлена на материалах фундаментальной библиотеки и дает полные сведения о прозаических и поэтических произведениях, рукописях, а также творчестве, эпохе, современниках великого деятеля культуры Востока Алишера Навои.

Во время Второй мировой войны 1941–1945 гг. работу Среднеазиатского Государственного университета во многом определили: эвакуация в Ташкент крупнейших вузов западной части России; эвакуация крупных промышленных предприятий, работу которых надо было перестраивать на военный лад. Необходимость создания крепкого тыла заставила университетскую библиотеку проводить большую работу с другими библиотеками города и района по вопросам сельского хозяйства и промышленности, оказывать помощь в проведении читательских конференций, вечеров и т. д. В годы войны ФБ САГУ работала до 23 часов (до войны читальные залы закрывались в 18 часов), во всех читальных залах дежурили преподаватели университета, библиотекари давали консультации по различным вопросам. В связи с острой нехваткой учебников и учебных пособий, сотрудники библиотеки университета предложили собирать старые конспекты, доклады и курсовые работы и выдавать их студентам в качестве подсобных материалов. В годы войны библиотека вела усиленную библиографическую работу по заявкам научно-исследовательских организаций, выявляла данные и составляла списки литературы о природных полезных ископаемых Узбекистана, что ускорило разработку этих богатств и оказало благотворное влияние на развитие народного хозяйства в южно-восточных регионах страны. Этим самым библиотека вносила огромный вклад в создание мощного, в экономическом отношении, тыла. В годы войны библиотека

вела научную работу, особенно по выявлению и изучению трудов экспедиций русских учёных в Среднюю Азию, в результате этой большой и плодотворной работы было составлено несколько «обзоров».

В пятидесятые годы проходил процесс стабилизации библиотечной работы по пополнению фондов, каталогов. Научно-библиографическая работа университетской библиотеки велась в трёх направлениях:

1. Составление карточек для лучшего обслуживания запросов читателей;
2. Составление библиографических указателей;
3. Разработка отдельных вопросов теории и практики библиотечной и библиографической работы.

В целях лучшего обслуживания и приближения книги к читателю были организованы отраслевые читательские залы при факультетах кабинетов, кафедрах. Среди других

форм массовой работы, проводимой с читателями, надо отметить лекции, доклады, читательские конференции, диспуты, литературно-художественные вечера, встречи с учеными, писателями и поэтами Узбекистана. В марте 1963 года ФБ ТашГУ (Фундаментальная библиотека Ташкентского государственного университета) был создан Методический кабинет для оказания практической помощи работникам высших и средних учебных заведений. Работал научный семинар по библиотековедению и библиографии. На семинарах рассматривался широкий круг вопросов, связанных с теорией и практикой библиотечного дела, с историей книги и печати, заслушиваются и обсуждаются отчеты о научных командировках. Особенно большой интерес вызывали доклады на тему: «Роль выставок в пропаганде книг и их воспитательное значение», «Методика комплектования научных и вузовских библиотек», «Интересные рукописи ФБ ТашГУ».

Литература:

1. Кормилицин А. И. Наш университет // Ташк. Правда — 1990—24 окт. — С. 3—4.
2. Обращение «Туркестанского Народного университета» // Народный университет. — 1918. — 21 апр.
3. Железняков Д. Ф., Кормилицин А. И. К истории фундаментальной библиотеки ТашГУ. // Науч. Труды ТашГУ. Вып. 216. Библиография. Вып. — Т., 1964. — С. 4.
4. Баранов П. А. Фундаментальная библиотека САГУ. // В кн.: Среднеазиатский государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции. — Т., 1927. — С. 3—5.
5. Указатель изданий Среднеазиатского государственного университета. В 2-х т. // сост. Н. А. Буров. — Ташкент: САГУ, 1930—1934. Вып. 1. 1922—1929, 1930. — 31 с. Вып. 2. 1930—1933, 1934 — 8 с.
6. Семёнов А. А. Описание персидских, арабских, турецких рукописей ФБ САГУ. — Ташкент, 1935. — 88 с. / Труды САГУ, Сер. 2. Вып. 4.
7. Семёнов А. А. Материалы к библиографическому указателю печатных произведений А. Навои и литературы о нём. // Отв. Ред. Шарафутдинов А. — Ташкент, 1940. — 33 с. / Труды САГУ. Серия 2. Ориенталия. Вып. 5.

Эволюция структуры и организации военной авиации в межвоенный период

Шарипов Артём Равилевич, курсант;

Нитаев Ярослав Викторович, курсант;

Анфалов Евгений Владимирович, преподаватель

Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия», филиал в г. Челябинск

Бурное развитие авиации выпадает на межвоенный период с 1918 по 1939 годы. Ведущие и экономически развитые государства мира выделяли огромные средства на совершенствование и развитие, стремительно увеличивая количество боевой техники в военно-воздушных силах. Этот процесс ярко охарактеризовал на XVIII съезде ВКП (б) маршал Советского Союза К. Е. Ворошилова: «Авиационное строительство форсировано продолжается всеми капиталистическими странами. Авиация — этот молодой род войск — рассматривается всеми империалистическими армиями как панацея от всех военных затруднений. На авиацию империалистами поставлена ставка, через нее буржуазно-империалистические и фашистские правящие круги надеются добиться в будущей войне победы»

Качество и количество военно-воздушных сил некоторых крупных государств с довольно большой скоростью изменялись в лучшую сторону. Так в 1938 г., например, в составе вооруженных сил Германии имелось около 4020 боевых самолетов, Во Франции — 4000, Италии — 2161, Японии — 3005, Англии — 2238 самолетов. На аэродромы поступали самолеты, которые по своим тактико-техническим характеристикам превосходили своих предшественников однотипных самолетов времен первой мировой войны.

Во многих странах (Германия, Италия, Франция) были сформированы не только соединения, но и оперативные объединения авиации, а военно-воздушные силы выделены в самостоятельный вид вооруженных сил. Военно-воздуш-

ные силы стали способны решать крупные оперативно-стратегические задачи как во взаимодействии с другими видами вооруженных сил, так и самостоятельно.

Под влиянием огромных успехов, достигнутых в развитии авиации, коренным образом изменились взгляды на применение военно-воздушных сил, а также на организацию и ведение борьбы за господство в воздухе.

Накануне Первой мировой войны военная авиация начала зарождаться в больше части в развитых странах. К лету 1914 года пять крупнейших государств имели на вооружении 1340 самолетов. Все они не имели оружия и были снабжены самым простейшим пилотажно-навигационным оборудованием.

Первыми организаторскими формами во Франции и Англии являлись — авиационная эскадрилья численностью до 10 самолетов, а в Германии и России — авиационные роты и отряды, в которые входило 6 самолетов.

В ходе Первой мировой войны выделялось 3 основных вида авиации: разведывательная, бомбардировочная и истребительная.

Самой многочисленной являлась разведывательная авиация.

Усложнялась организационная структура военной авиации. Появились авиационные части: эскадрильи, группы, бригады, создавались соединения.

В 1916—1917 гг. в ряде государств авиаотряды стали объединять в авиагруппы и эскадрильи по 3—5 отрядов и более в каждой. Сначала появились армейские авиагруппы, а потом и фронтовые.

Рост количества боевых самолетов, необходимости массированного использования военной авиации и усиления армейских и фронтовых авиагрупп способствовало созданию более крупных формирований — авиационных соединений: эскадр, авиабригад и воздушных дивизий. Наиболее крупным авиационным соединением в годы первой мировой войны была воздушная дивизия.

Первая мировая война стала одним из самых важных этапов в развитии организации и структуры вооруженных сил и авиации в целом. Так же опыт войны внес свои изменения в военные уставы и наставления, это и послужило стать основой для развития отечественных ВВС в послевоенные годы.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции настала необходимость в создании Рабоче-крестьянской армии и Красного Воздушного Флота.

Весной 1918 на основе остатков старой армии на добровольной основе начали создаваться новые боевые отряды красной авиации. Рабоче-Крестьянский Красный Воздушный Флот (РККВФ) содержал в себе авиационный и воздухоплавательные отряды, которые являлись основной тактической единицей.

С мая 1918 года штатный состав авиаотряда включал: 6 самолетов, отделение радио-проводной связи, подразделения тыла (техническая и хозяйственная части со складами, гараж и аэродромная команда). Авиаотряд базировался на одном и входил в состав стрелковых и кавалерских дивизий, армий фронта.

В 1920 году в целях массированного использования сил и средств на фронтах боевых действий были сформированы авиагруппы (10—20 авиаотрядов в каждой). На Южном фронте действовало всего две группы, а на Восточном четыре.

Авиационные дивизионы в составе, которых были самолеты «Илья Муромец» подчинялись Главному командованию Красной Армии.

В августе 1919 г. в Красной Армии имелось 67 авиационных и 28 воздухоплавательных отрядов, дивизион самолетов «Илья Муромец», авиагруппа особого назначения.

После гражданской войны началось активное совершенствование авиационной техники, увеличение численности авиационного парка повлекло за собой изменение в структуре ВВС.

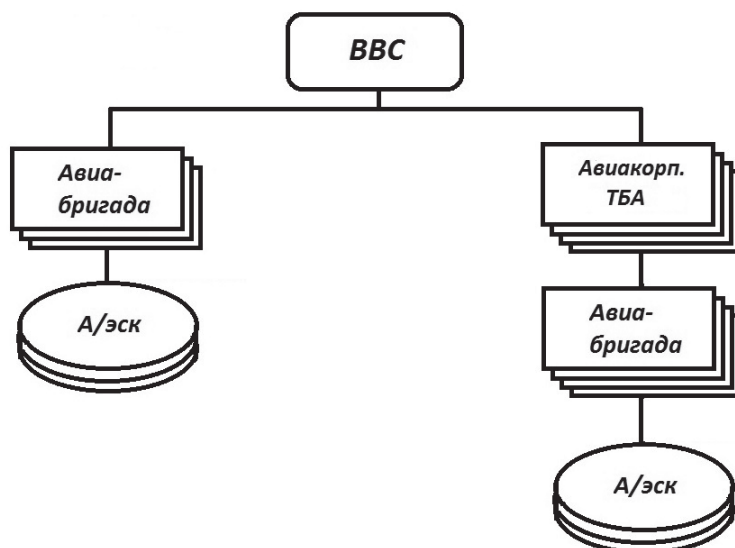

Рис. 1. Структура ВВС в 1933

Начало совершенствования было положено в 1924, когда были созданы авиационные части — эскадрильи, состоящие из трех отрядов, по три звена трехсамолетного состава в каждом. В начале 30-х годов начался переход от отдельных эскадрилий к однородным и смешанным авиационным соединениям — бригады. В 1933 году бригады тяжелой бомбардировочной авиации начали сводиться в корпуса, для выполнения оперативных задач в глубоком тылу противника.

В 1936 году в ВВС формируется первое авиационное оперативное объединение — армия особого назначения (АОН). В начале 1930 имел уже три авиационные армии, включавшие в себя тяжелобомбардировочную, легкособомбардировочную и истребительную авиационные бригады. Однако в 1940 г. управление АОН было расформировано, а их соединения и части вошли во вновь созданную дальнебомбардировочную авиацию главного командования (ДБА ГК).

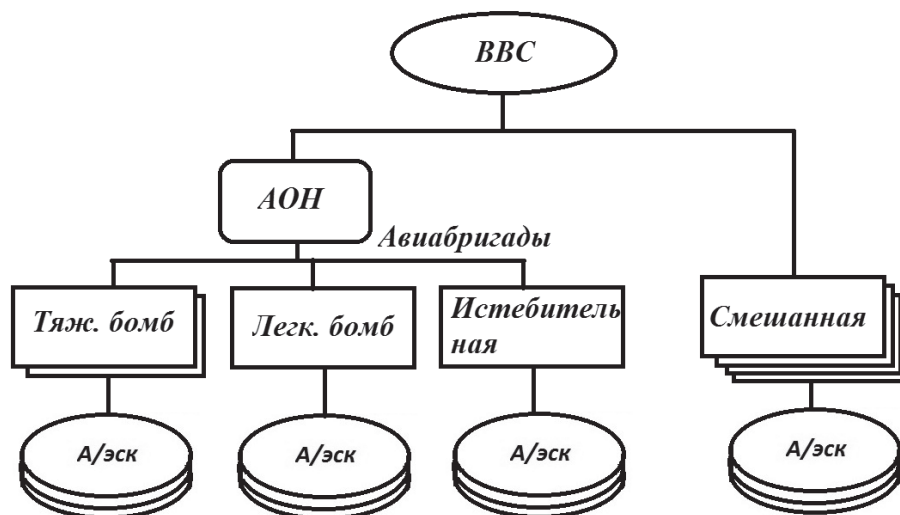

Рис. 2 Организационная структура ВВС РККА в 1936 году

С 1938 г. В качестве авиационных частей начали формироваться авиационные полки. Бомбардировочный авиационный полк состоял из пяти подразделений — эскадрилий по 12 самолетов в каждой, а истребительный из четырех эскадрилий по 15 самолетов в каждой.

В июне 1940 авиационные бригады были реорганизованы в авиационные дивизии. Последние были двух типов:

- однородные (бомбардировочные и истребительные);
- смешанные (состоящие из полков различных видов и родов авиации).

Большая часть самолетного парка находилась в авиации ГК, которая была представлена четырьмя воздушными флотами. Воздушный флот являлся высшим авиационным объединением, насчитывавшем от 500 до 1500 самолетов. В него входили две авиационные дивизии, части ЗА, соединения тыла.

Авиационные дивизии были обычно смешанного состава и включали 2–3 эскадры истребительной и бомбардировочной авиации. Эскадра была однородной и состояла из трех групп, группа — из трех эскадрилий (отрядов), а эскадрилья (отряд) — из трех самолетов. В истребительной авиации звено в военное время должно было иметь 4 самолета.

Опыт боевых действий показал, что полки 60-самолетного состава, созданного до войны, являлись очень громоздкими и недостаточно маневренными. Для базирования из них требовалось не менее 2–3 аэродрома.

В условиях недостатка радиосредств весьма затруднялось управление такими полками. Постановление ГКО от 7 августа 1941 году была изменена структура полков. По новому штату вводились полки 30-самолетного состава: три эскадрильи по 10 самолетов. При этом в полках ближнебомбардировочной и штурмовой авиации создавалось по одной эскадрилье истребителей, которая предназначалась для прикрытия аэродромов базирования и обеспечения боевых действий бомбардировщиков и штурмовиков.

Таким образом опыт приобретенный в межвоенный период, помог найти оптимальные варианты организационной структуры. Совершенствуясь под воздействием количественного и качественного роста авиации, боевого опыта, развития военно-авиационной мысли, изменения характера борьбы на фронте и других факторов, она оказывала, в свою очередь, большое влияние на теорию и практику оперативного применения Военно-воздушных сил. Полученный опыт учит, что оргструктура должна быстро менять свои формы по мере совершенствования авиационной техники и средств поражения, изменения характера вооруженной борьбы и других факторов.

В ходе войны был успешно решен вопрос создания крупных авиационных резервов. Опыт показал, что без мощных авиационных резервов и умелого их использования невозможно рассчитывать на успешные действия в воздухе и на земле.

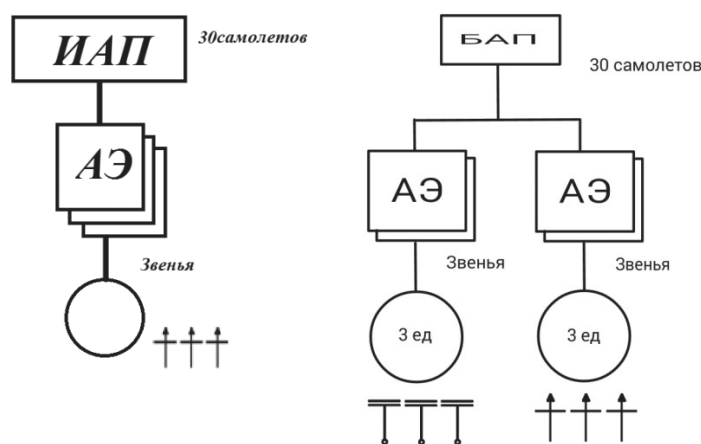

Рис. 3. Структура истребительного и бомбардировочного (штурмового) авиационных полков ВВС РККА с 7 августа 1941 г.

Литература:

1. Кондратьев В., Хайрулин М., *Авиация Гражданской войны*. — М.: Техника молодежи, 2000. — 170 с.
2. *Гражданская война и военная интервенция в СССР*. / Гл. ред. С. С. Хромов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 704 с.
3. *История Военно-воздушных сил Советской Армии*. — М.: Воениздат, 1954. — 456 с.
4. «Красный воздушный флот», *Авиаиздательство*, Москва, 1923 г. — 134 с. — <https://wiki2.org/ru>.
5. *Дальняя авиация — главная ударная сила ВВС РФ*. // URL: <http://vpk-news.ru/articles/9059>
6. *Роль ВВС в Великой Отечественной войне 1941–1945* // URL: <https://litlife.club/br/?b=52433&p=1>
7. Речь К. Е. Ворошолова на 18-м съезде ВКП (б) 13 марта 1939 года. // URL: <http://paul-atrydes.livejournal.com/29082.html>
8. *Основные факторы, обусловившие развитие советского оперативного искусства ВВС в Великой Отечественной войне* // URL: <http://militera.lib.ru/science/timohovich/06.html>
9. *Совершенствование организации и ведения борьбы за господство в воздухе*. // URL: <http://militera.lib.ru/science/timohovich/01.html>

Культурная жизнь жителей уездных городов Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в.

Ширковец Тамара Юрьевна, магистрант

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В соответствии с Указом Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) в стране была проведена территориально- административная реформа, основные положения которой просуществовали до начала 1920-х гг. [9]. Реформа регламентировала распределение Российской империи на 50 губерний, поделенных, в свою очередь, на уезды. На территории уезда должно было проживать от 20 до 30 тысяч жителей. Административным центром этой территориально-административной единицы являлся уездный город.

Енисейская губерния была образована в 1822 г. В ее состав входили пять округов (с 1879 года уезды): воссо-

зданный из частей Красноярского, Енисейского и Томского уездов Ачинский округ, Енисейский (с Туруханским краем), Канский, Красноярский и Минусинский. [8, с. 310–311] Наиболее заселенными были территории Ачинского и Канского округов, т. к. они пересекались железной дорогой, но по численности городского населения лидировал Красноярский округ.

Все уездные центры представляли собой, с одной стороны, заурядные провинциальные города, жившие особой, самобытной жизнью. С другой стороны, они являлись центрами социально-экономического и культурного развития отдаленной сибирской провинции. Внешний облик уездных

городов напоминал, скорее, большие села. Богатый материал по истории уездных городов можно почерпнуть из публикаций писателя, географа, члена Русского географического общества Н. В. Латкина, участвовавшего в издании «Памятных книжек Енисейской губернии». Так, об Ачинске он пишет, что этот город, центр Ачинского уезда, имел единственное каменное здание, в котором располагалась кладовая казначейства, остальные здания были деревянными. Жители города, по словам Н. В. Латкина, «проявляли равнодушие к городским делам», что свидетельствовало о низком образовательном уровне граждан, бедности населения, пятая часть которого занималась преимущественно земледелием и сельскими промыслами. [8, с. 317]

В первой половине XIX в., в период так называемой «золотой лихорадки» в Сибири, наиболее преуспевающим городом в Енисейской губернии был Енисейск. Основным занятием для большей части населения стала добыча золота, которая обеспечивала купцам огромную прибыль, а рабочим — высокие заработки. В связи с этим в Енисейске стремительно росло население, развивалась торговля, осуществлялось строительство каменных зданий: училища, гостиного двора, больницы, богатых особняков. До пожара 1869 года Енисейск считался одним из красивейших уездных городов России. [7, с. 107]

Как свидетельствует анализ научной литературы, развитие золотодобывающей промышленности в крае способствовало повышению уровня образования у местных купцов и чиновников, росту престижа высшего образования. Позитивно на общественной и культурной жизни сказалось поселение в Енисейске политических ссыльных, активно занимавшихся культурно-просветительской работой среди горожан. Посильные средства в развитие культурной инфраструктуры города вносили местные меценаты. Так, на их пожертвования было выстроено представительное здание гимназии, учреждено «Общество попечения о начальном образовании», открыта метеорологическая станция, читались публичные лекции, шли концерты. [3, с. 103]

Уездный город Канск, как пишет Н. В. Латкин, напоминал скорее большое торговое село, чем город. Подавляющее число горожан занималось земледелием и содержало скот, которого в Канске было больше, чем в других уездных городах губернии и даже больше, чем в губернском городе Красноярске. [8, с. 345] Промышленность в Канске почти не развивалась, ремесленники были в основном самоучками, т. к. в городе не было ни одного ремесленного училища.

Несколько иное положение, по нашему мнению, занимал Минусинск. Он относился к так называемому городскому поселению сельского типа, в котором, как и в других уездных городах губернии, большинство жителей занималось хлебопашеством и скотоводством, переработкой продуктов сельского хозяйства и промысловой продукции. Расположенный в богатом хлебородном районе, Минусинск быстро разрастался, развивался в культурном отношении. Распространению образования минусинцев способствовало

Общество попечения о начальном образовании, созданное в 1888 г. и насчитывавшее 10 почетных членов, 31 члена-попечителя и около 200 действительных членов. [4, с. 4]

Уездные города Енисейской губернии отличались друг от друга географическим положением, природно-климатическими особенностями, родом занятий местных жителей и уровнем культурного развития. В одних городах жители стремились почерпнуть новые знания, получить какое-либо образование (Енисейск, Минусинск), в других городах (Ачинск, Канск) эти процессы шли медленнее.

Новые веяния культурной жизни доходили из центральной части России до сибирской провинции очень медленно. В начале XIX в. система народного образования в Енисейской губернии, по сути, отсутствовала. На всю губернию было 2 начальных училища: одно в Енисейске, другое в Красноярске. [8, с. 281] Жители, желавшие учить детей грамоте, нанимали ссыльных переселенцев или церковных служащих, которые за год-другой обучали своих учеников чтению, письму и счету.

В историческом очерке Т. В. Зенченко отмечается, что в Енисейской губернии было мало церквей и больниц, а школы были не во всех селах. Иногда школа и церковь находились от деревни на расстоянии 40–50 верст, а больницы еще дальше. [5, с. 20]

После учреждения в 1822 году Енисейской губернии в городах стали открываться редкие начальные училища, а в 50-х годах XIX в. появились первые сельские школы. Уже в 1864 году в губернии насчитывалось 58 образовательных заведений низшего разряда, в которых обучалось 1342 ученика и 229 учениц, школ же для среднего образования не существовало. В 1882 году в 59 учебных заведениях обучалось 2152 ученика и 535 учениц, то есть количество учащихся увеличилось почти вдвое. Как свидетельствует Н. В. Латкин, на каждые 7135 жителей губернии приходилось 1 учебное заведение, один ученик на 110 мужчин и одна ученица на 343 женщины. [8, с. 281–283] «Енисейская губерния, — резюмирует Н. В. Латкин, — в учебном деле отставала от других сибирских губерний: местные школы незначительно влияли на увеличение грамотных людей и даже на увеличение образованного сословия, т. к. число учащихся в них было невелико, и количество лиц, заканчивающих курс обучения, тоже». [8, с. 285]

Поскольку в учебных заведениях катастрофически не хватало учителей, состоятельные родители старались дать своим детям домашнее обучение. Однако гувернантки, которых выписывали из столицы, обходились недешево и вскоре после приезда выходили замуж, поскольку образованная, хотя и бедная девушка или молодая вдова, была завидной невестой, а местные девушки были почти необразованные. Сельские школы не пользовались доверием населения по причине плохих преподавателей и применяемых в процессе обучения телесных наказаний, а в сельско-приходских школах обучение осуществлялось еще хуже. Частично бедственное положение с нехваткой учителей спасали политические ссыльные. Известно, что Енисейская

губерния была той окраиной России, куда царское правительство высылало своих политических противников. Для ссыльных научно-исследовательская и культурно-просветительская работа стала единственной возможностью реализовать свои гражданские позиции: они учили местных детей грамоте, помогали жителям юридическими советами, лечили их от болезней, выводили новые сорта культур, оказывали материальную помощь беднякам, занимались литературным творчеством и научной деятельностью. Ряд исследователей отмечают, что авторами лучших научных трудов, написанных в Сибири, являются политические ссыльные. [6, с. 304]

Огромный вклад в культурное развитие населения уездных городов внесли местные музеи. Одним из первых в Енисейской губернии был создан местный публичный музей в Минусинске (1877 г.). Позднее по его примеру и подобию стали создаваться музеи и в других уездных городах губернии — в Енисейске (1883 г.), Ачинске (1887 г.), Канске (1912 г.). Местные музеи объединили под своей крышей представителей различных социальных групп населения: золотопромышленников, купцов, чиновников, учителей, политических ссыльных, всех тех, кто был заинтересован в изучении местного края и распространении просвещения. [2, с. 33]

Основатель Минусинского музея Н. М. Мартянов использовал всестороннюю образованность и деловые качества ссыльных. В Уставе музея было написано, что «лица, не принадлежащие к городскому обществу, но проживающие в г. Минусинске, могут принимать участие в его деятельности». Данный аспект был важен, поскольку поло-

жение ссыльных во многих местах политической ссылки было тяжелым именно из-за невозможности для ссыльного принимать какое-либо разумное участие в местной жизни. [1, с. 27]

Благодаря Минусинскому музею и созданной при нем в 1878 г. библиотеке происходило тесное общение местной интеллигенции с рядовыми жителями Минусинска. Огромное значение музея заключалось в его культурно-просветительской деятельности, духовном воспитании населения, сохранении культурно-исторического наследия своего края.

Местные музеи являлись не только хранилищами материалов, собранных для комплексного изучения малоизученного сибирского края, но и центрами научной обработки и систематизации этих материалов. Это, в свою очередь, способствовало распространению знаний о крае и привлекало к сбору информации самых разных людей из всех слоев общества.

Таким образом, уездные города, несмотря на их тесную связь с сельскохозяйственным населением, постепенно приобретали облик городов. Несмотря на удаленность от центра в уездных городах постепенно формировалась городская инфраструктура, развивалась система школьного образования. Огромный вклад в развитие уездных городов Енисейской губернии внесли местные публичные музеи, которые являлись центрами культурно-просветительской и научной деятельности. Необходимость создания музеев как культурно-просветительских центров, четко осознавалась образованной частью общества, немногочисленной интеллигенцией. Мощный толчок к духовной жизни сибирскому обществу дали Минусинский музей и библиотека.

Литература:

1. Артамонова Н. Я. Краеведческий музей в культурном развитии уездного города / Н. Я. Артамонова // Мартяновские краеведческие чтения. Сборник докладов и сообщений. Минусинск: Типография ООО «Кооператив «Журналист». — 2010. — Вып. VI. — С. 26–30.
2. Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Н. М. Мартянов и частные археологические коллекции / А. С. Вдовин, С. В. Кузьминых // Мартяновские краеведческие чтения. Сборник докладов и сообщений. Минусинск: Типография ООО «Кооператив «Журналист». — 2010. — Вып. VI. — С. 33–35.
3. Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вверх по Енисею. М.: Издательство «Искусство». — 1980. — 192 с.
4. Город Минусинск и его музей. К стереоскопическим видам. Красноярск: Енисейская губернская типография. — 1902. — 13 с.
5. Зенченко Т. Енисейская губерния. Издание второе исправленное. Полтава: Типография И. Фришберга, 1911. — 24 с.
6. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 г.). Том II (перевод с английского Богданова И. А.). Санкт-Петербург. — 1999. — 400 с.
7. Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX-начале XX века. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», ООО «Кооператив «Журналист». — 2012. — 312 с.
8. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. Очерк. Санкт-Петербург: Типография и литография В. А. Тиханова. — 1892. — 467 с.
9. Учреждение для управления губерний Всероссийской империи. 1775 г. <http://музейреформ.рф/node/13634>.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал
Выходит еженедельно

№ 19 (153) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шаринов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 24.05.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25